

Валерий Орлов

«...Медведь настолько свиреп, что при виде даже его следов... ударяются в бегство и люди, и олени. Однако медведь этот весьма редок, и не каждому пастуху... удастся его увидеть»

В краю БОЛЬШОГО МЕДВЕДЯ

Валерий
Орлов

В краю
БОЛЬШОГО
МЕДВЕДЯ

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1988

ББК 26.89(2P51)
О-66

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты: Ю. С. Аракчеев,
кандидат биологических наук Ф. Р. Штильмарк

Фотографии автора

0-66 **Орлов В. К.**
В краю большого медведя.— М.: Мысль,
1988.— 175[1] с., 32 л. ил.
ISBN 5-244-00155-8

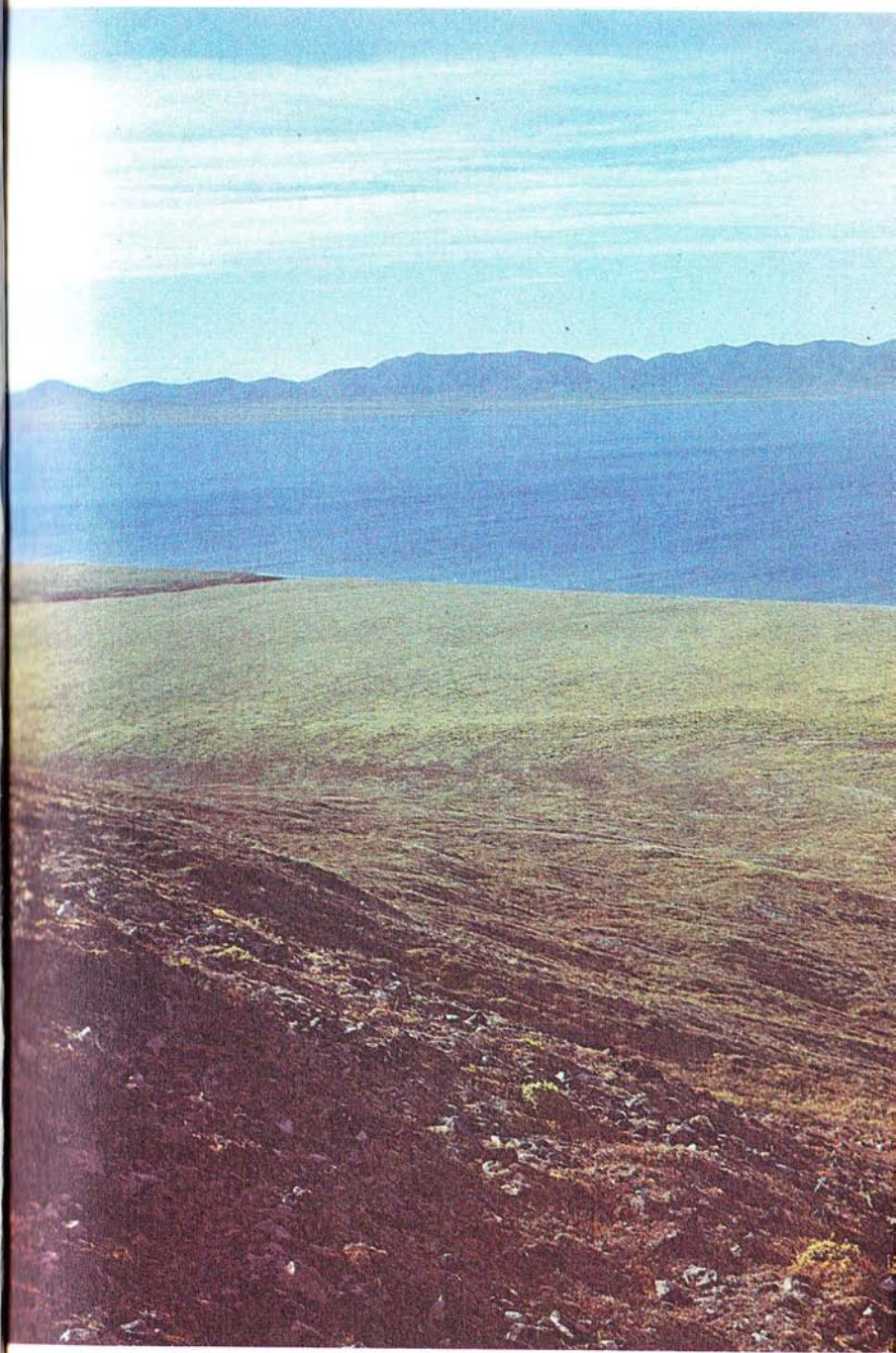
В книге рассказывается об уникальной природе Крайнего Северо-Востока, о работе людей, взявших за ее исследование и охрану. Она написана по впечатлениям автора, прошедшего на лодке по горным рекам Анадырского нагорья, посетившего реку Каву и полуостров Кони нового заповедника Магаданский и побывавшего в болотистой тундре устья реки Колымы — родине розовых чакч, белых кречетов и тундровых лебедей.

О $\frac{1905020000-115}{004(01)-88}$ 164-87

ББК 26.89(2P51)

ISBN 5-244-00155-8

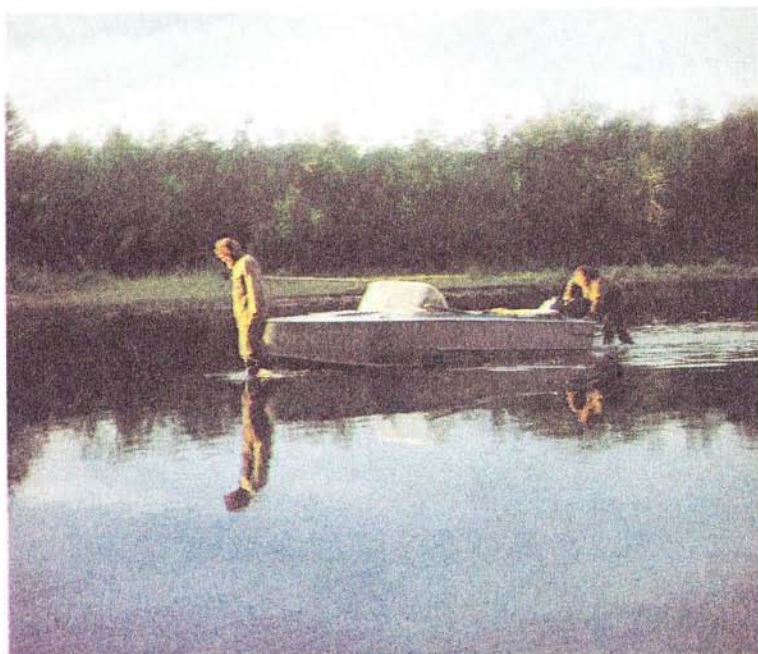
© Издательство «Мысль». 1988

Молодой орлан-белохвост

На моторке к пойменным лесам

Река Анадырь у поселка
Марково

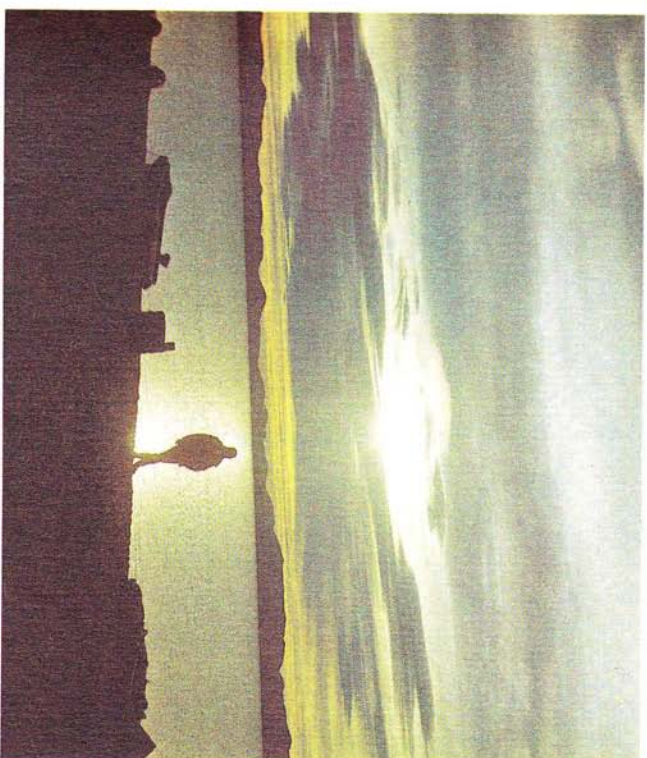
Заготовка юколы —
традиционное занятие местного
населения

На рыболовческой тоне

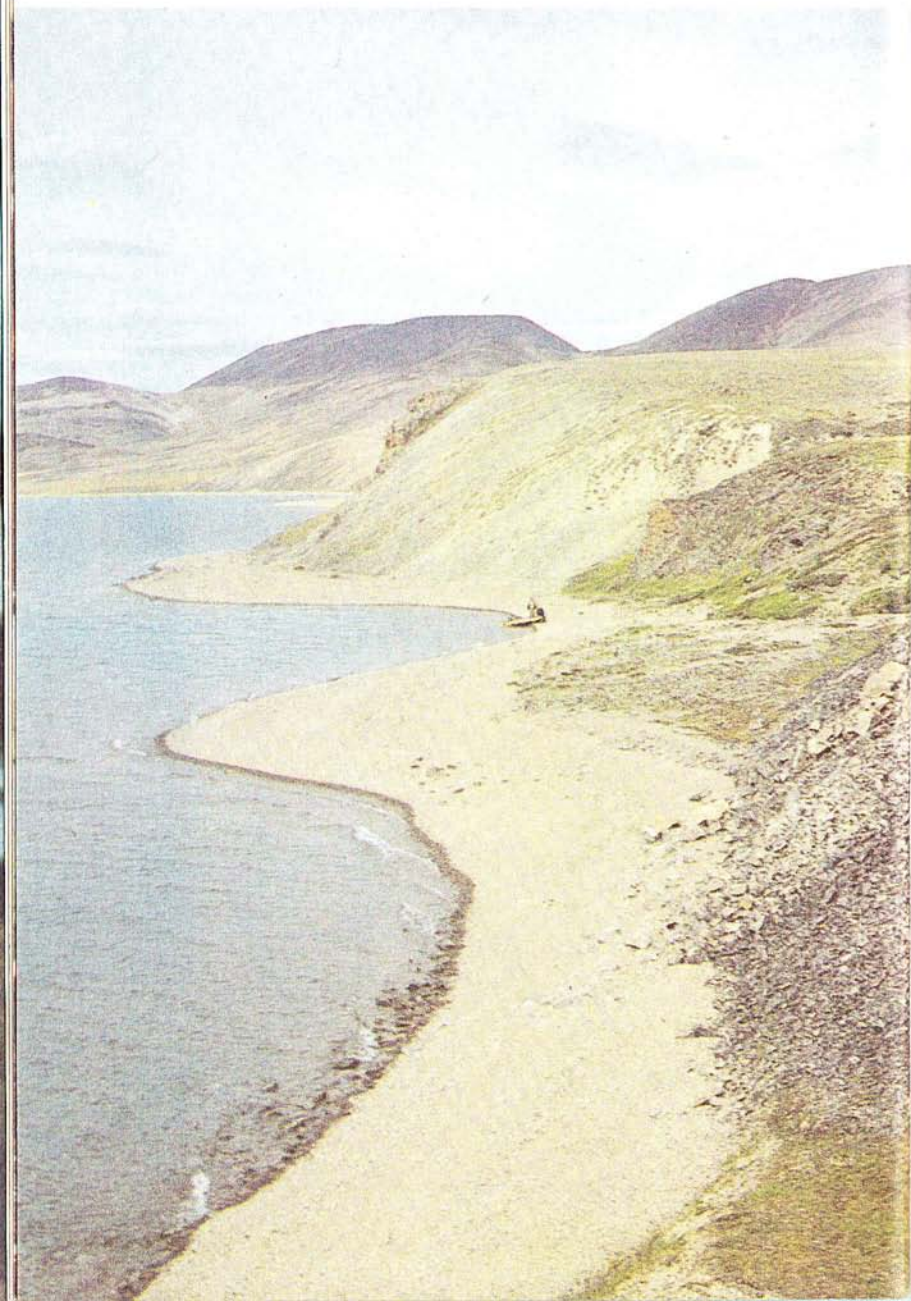
Вечерет

За воддорослыми по окрестным ручьям

На озере Эльгыгьтгын

Пушица

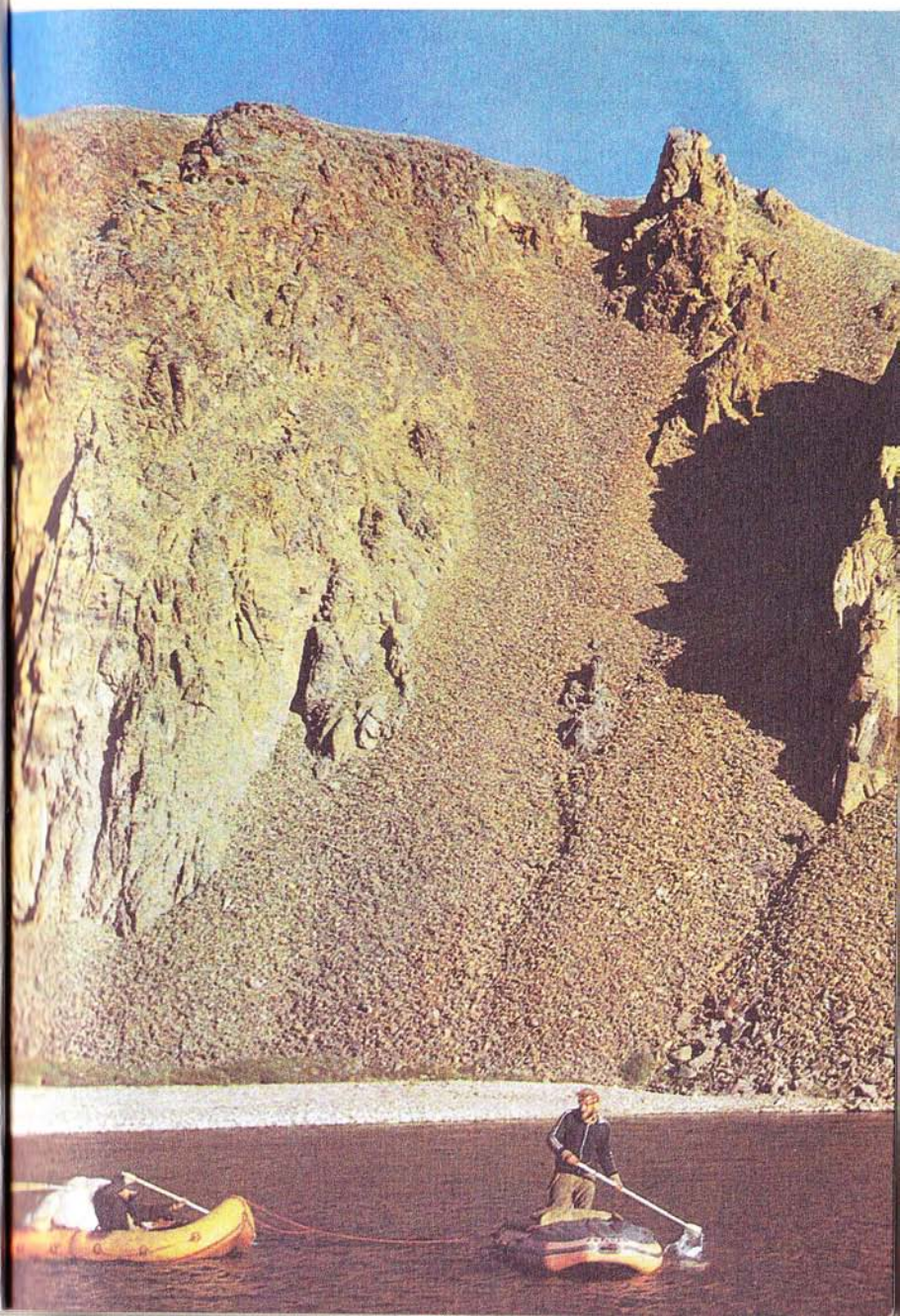
Стоянка в тундре

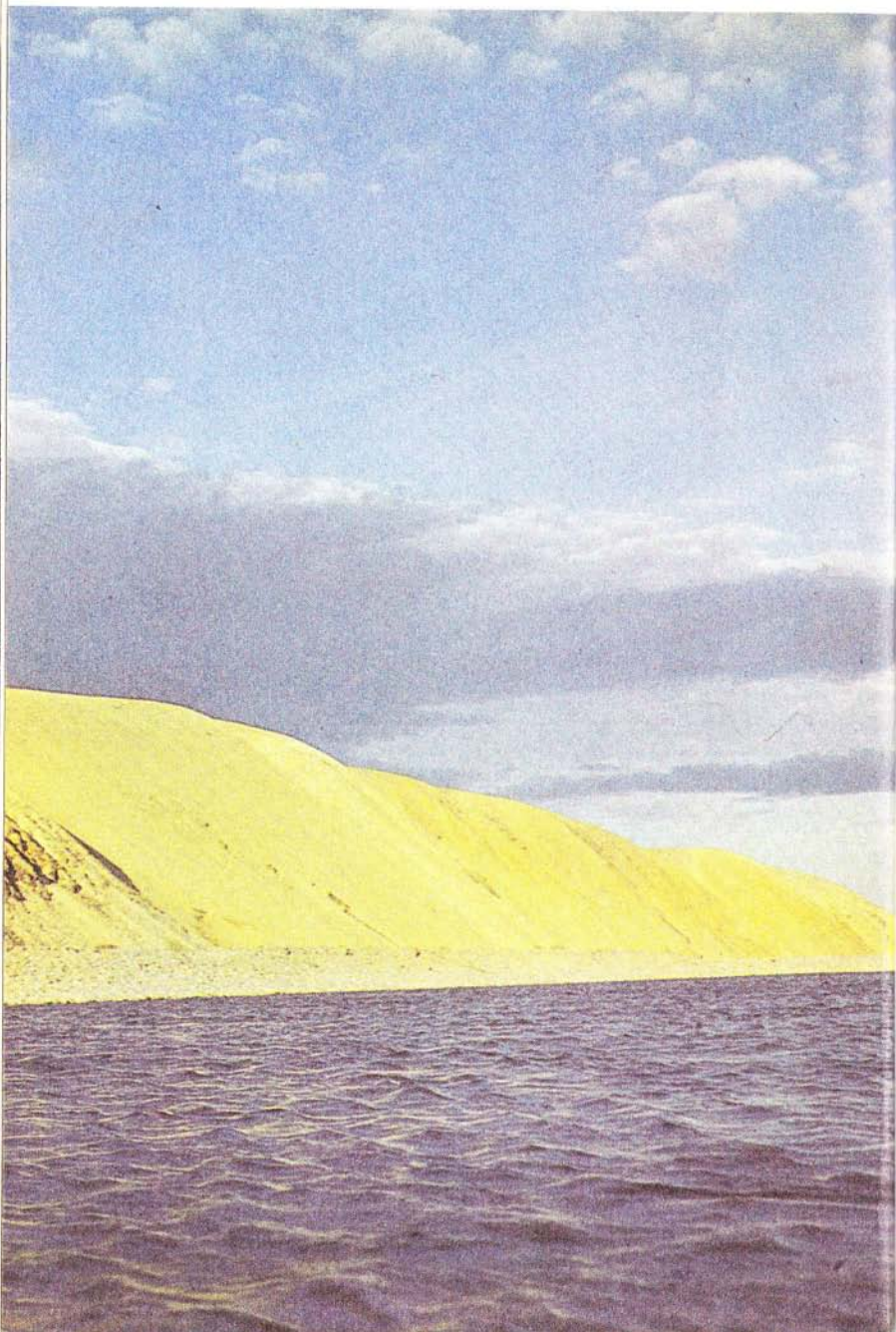
Плавание по Энмываам

В глухой протоке

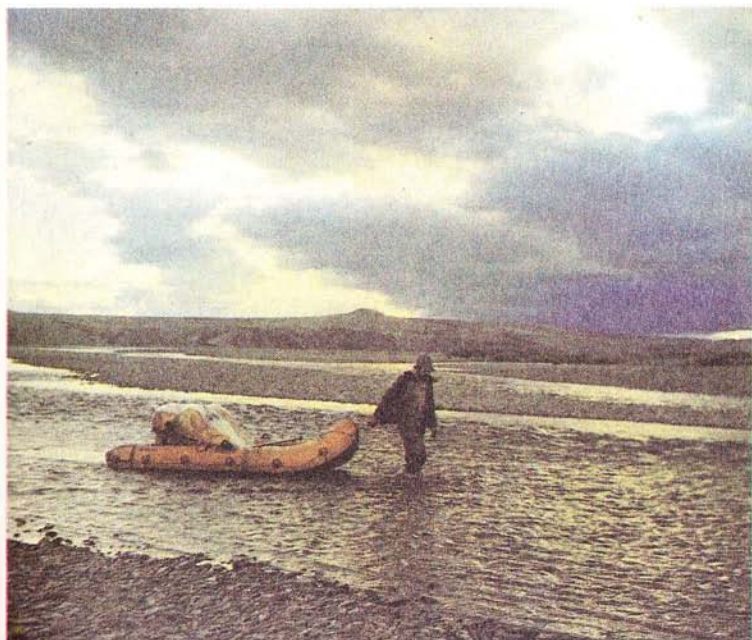
Выходим из ущелья

К долине снежных баранов

Встречный ветер

Впереди на склоне показался необычной окраски медведь

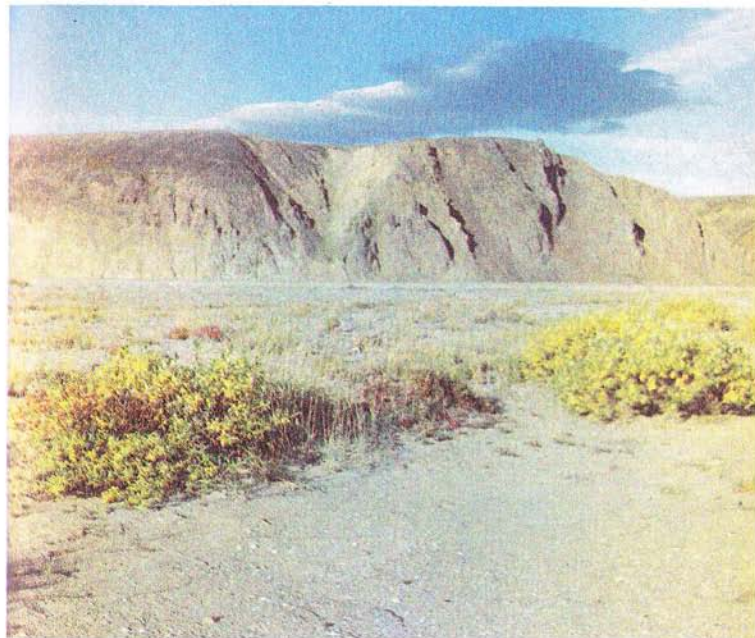
У Леоновских порогов

Следы полярного волка

Первые приметы осени

Река Белая

О книге и ее авторе

Есть на Земле места, словно специально созданные для путешественников, для людей смелых, с открытой натурой, рвущихся навстречу трудностям. Многим, однако, приходится открывать их для себя только на книжных страницах. Не всем удастся воочию увидеть наш Северо-Восток и далекую Чукотку.

Именно этому краю тружеников и романтиков, где живут люди, заведомо равнодушные к природе, и посвящена новая, уже четвертая по счету книга Валерия Константиновича Орлова. Он поставил перед собой непростую задачу — углубить познания и расширить наше знакомство с живой природой и географией относительно малоизвестной и удаленной части страны, в частности Магаданской области.

Эта книга подкупает не только непосредственностью восприятий, остротой ситуаций и точностью деталей, но и особой неугасимой страстью автора к новым впечатлениям и столь же сильной его потребностью поделиться ими с окружающими. Он словно берет нас за руку и говорит: «Послушайте! Что я нынче повидал! Какие места есть в нашей стране, какие люди!» И к нему нельзя не прислушаться.

Валерий Орлов не только прирожденный, но и профессиональный путешественник. Эта страсть, как он сам считает, дала о себе знать еще в ранней юности, когда всего через год после окончания средней школы он оказался на мысе Желания — самой северной точке Новой Земли, где работал радистом полярной метеостанции. Его встретила голая, без единого кустика каменистая земля, штормовое море, постоянно забитое льдом, сбивающая с ног пурга и полярная ночь. Это была суровая проверка на мужество и в то же время жизнь, полная романтики. Конечно, молодому полярнику в то время грезились рискованные встречи с опасными зверями Арктики. Он часто бродил по кромке океана с лохматыми северными собаками, но только через год первый раз увидел белого медведя. А клыкастых морских исполинов — моржей — вообще не довелось там повстречать. Старшие товарищи рассказали, что бывшее изобилие птиц и зверей на Новой Земле ушло в прошлое. И хотя в то время охота почти не ограничивалась и выбор оружия у полярников был богатый, постепенно Валерий Орлов убедился,

что животных надо не стрелять, а фотографировать. Снимок — лучший трофей, утверждает он на протяжении всей своей деятельности. Работая впоследствии начальником высокоширотной станции, летая бортрадистом на самолетах полярной авиации, он уже не расставался с фотоаппаратом, сделал многие тысячи снимков.

Хорошо помню, какое восхищение зоологов и охотоведов вызвали первые же публикации фотографий В. Орлова, его портреты белых медведей и полярных птиц. Вскоре журнал «Вокруг света» предложил ему стать постоянным корреспондентом, и с тех пор, вот уже более пятнадцати лет, В. Орлов не расстаётся с делом, ставшим для него самым главным в жизни. Где только не довелось ему побывать за эти годы, однако же преданность Крайнему Северу неизменно сохраняется.

Однажды он ездил по заданию редакции фотографировать лежбища моржей на острове Врангеля, но на этот раз привезти хорошие снимки не удалось. Чтобы отчитаться за командировку, пришлось сесть за письменный стол. Так появились в журнале очерки В. Орлова о Севере, которые и составили впоследствии украшенную собственными фотоиллюстрациями первую его книгу — «Острова, затерянные во льдах». Она мгновенно исчезла с книжных прилавков, не найдешь ее сейчас и у букинистов. Поездки по Таймырскому полуострову дали материал для следующей — «В просторах Таймыра».

Сохраняет он свою главную северную тему и в новом издании. Отдаленные участки Чукотки, окрестности Магадана, низовья Колымы — места, достойные самого благосклонного внимания читателей, тающие в себе еще немало неизведанного. Невозможно остаться равнодушным к описанию озера Эльгыгыт-гын и сложнейшего сплава на лодке по речке Энмываам, когда порой возникали самые критические ситуации. Интересно в книге В. Орлова и продолжение начатой когда-то Олегом Куваевым истории поисков «самого большого медведя». В свое время мне довелось написать послесловие к очерку О. Куваева «Самый большой медведь» (Вокруг света. 1968. № 5). При всем уважении к личности и таланту писателя я относился скептически к возможности обитания бурого медведя-гиганта в глубине Чукотки. Другое дело, что наиболее крупные представители этого вида, хотя и не достигающие размеров кадьякских, могут быть

встречены на севере Камчатского полуострова, в Корякском нагорье. Гипотеза о том, что таким загадочным зверем может быть белый медведь, зашедший в глубь материка с побережья, О. Куваевым отвергалась, но теперь она получает новые и, по-видимому, реальные подтверждения в книге В. Орлова. Скрещивание в природе белых и бурых медведей невозможно. Что же касается небольших бурых медведей почти белой (точнее, белесой) окраски, то мне довелось видеть цветные снимки таких зверей, сделанные Борисом Завацким в Саянах и Андреем Нечаевым на Камчатке. Разумеется, это никоим образом не умаляет значимости фотографий В. Орлова, публикующего их впервые.

Вполне оправданно большое внимание, которое автор уделяет в своей книге Магаданской области, краю, где обнаружены самые различные полезные ископаемые и где имеются значительные источники для развития энергетики. Быстрыми темпами растут новые поселки и города, развивается современная промышленность, увеличивается население, и все это ведет к существенному преобразованию ландшафтов, сказывается на животном и растительном мире. Сегодня здесь весьма интенсивное природопользование, которое, несомненно, нуждается в упорядочении и оптимизации, в усилении охраны природных ресурсов. Приезжающие сюда люди подчас еще чувствуют себя свободными от существующих ограничений добычи рыбы, птиц и зверей. Поэтому борьба с браконьерством, о которой рассказывает В. Орлов, имеет первостепенное значение. Пришли новые времена, нужно менять ранее сложившиеся представления о вольной охотничьей жизни на Севере, круто повышать экологическое сознание, и этой благородной цели — сохранению природы Северо-Востока нашей страны — должна послужить книга В. Орлова.

Несомненно, интересен раздел, где автор рассказывает об Алексее Петровиче Васьяковском, географе, геологе и натуралисте, замечательном исследователе, очень интересном человеке, с которым и мне довелось познакомиться в Магадане во время проектирования заповедника в 1978 году, уже незадолго до кончины ученого. Он был подлинным энциклопедистом, знатоком и патриотом края, именно ему принадлежит инициатива создания Магаданского заповедника, учрежденного в 1982 году. С некоторыми проблемами деятельности этого интересного заповедника, кото-

рый мог бы, по-моему, носить имя А. П. Васьюковского, мы также познакомимся в очерках В. Орлова.

Завершают книгу описания удивительных птиц — белого кречета, розовой чайки, тундровых лебедей. Увидеть розовую чайку, загадочную птицу капитана Росса, — мечта каждого человека, связавшего свою жизнь со страной вечных льдов. Якутское поверье гласит, что человек, над головой которого пролетит эта птица, будет счастлив. Сейчас розовые чайки расселяются по северу Сибири, возможно, здесь сказались и меры охраны. Человек может сберечь даже самых редких птиц, они способны жить в освоенной местности, если их не преследуют.

Будучи охотником с раннего детства, я не могу призывать других сменить ружья на фотоаппараты. Общество еще не может совсем отказаться от использования диких животных, и только строгие вегетарианцы имеют моральное право осуждать охотников. Но как уже немолодой специалист-охотовед, я считаю, что гордиться здесь нечем и воспевать ружейную охоту не следует. Конечно, надо быть терпимее друг к другу, и В. Орлов показывает тому пример, не делая упреков охотникам. Но во всяком случае те из нас, кто сознательно и добровольно предпочитают фотоаппарат для общения с природой, несомненно, заслуживают самого глубокого уважения и должны принять от ружейных охотников низкий поклон. Фотоохота не только бескровна (хотя, увы, и здесь возможны исключения!), но и гораздо сложнее, она требует от человека куда больше выдержки и смелости, умения и ловкости. В наши дни она, несомненно, более достойна настоящего мужчины. Поэтому, смиренно склоняя свое ружье перед телеобъективом и камерой, я искренне приветствую новую книгу Валерия Орлова и желаю ей счастливой читательской судьбы.

Ф. ШТИЛЬМАРК,
кандидат биологических наук

Зверь из чукотских легенд

МАРКОВСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

Отправляясь в Марково, старинный поселок, что стоит в среднем течении Анадыря, я не имел иной цели, как встретиться с Арсением Васильевичем Кречмаром — известным орнитологом, фотоохотником, мастером по изготовлению автоматических фотокамер для съемки зверей и птиц, а теперь, как узнал я из газет, еще и электронных фотороботов, которые позволяют ученым проводить уникальные опыты по изучению жизни птиц.

Был разгар лета. В Магадане стояла тридцатиградусная жара, и на улицах, как на черноморских курортах, выстроились очереди у бочек с квасом и ларьков с мороженым. В Институте биологических проблем Севера, где трудился Кречмар, мне пояснили, что орнитолог полевой сезон обычно проводит в Марково, где находится один из биологических стационаров института, а добраться до Марково проще простого. Из Магадана туда регулярно летает Як-40. «Два часа полета, вот и все дела», — заверил меня молодой симпатичный ученый секретарь этого института.

Устраиваясь в мягком кресле комфортабельного красавца Як-40, торопящегося выйти в рейс строго по расписанию, я уже видел себя пьющим чай на марковском стационаре. Однако в Марково я попал не через два часа и даже не в тот же день. На биологический

стационар я прибыл лишь на шестые сутки после вылета из Магадана, усталый и невыспавшийся, как если бы все это время шел сюда пешком.

Из-за непрерывных проливных дождей в Марково размокла грунтовая взлетно-посадочная полоса. Пилоты Як-40 не стали рисковать и высадили пассажиров в переполненном аэропорту поселка Анадырь, стоящем за сотни верст от Марково, на берегу Анадырского залива. Отсюда решено было людей перевозить в Марково на тихоходных Ан-2, которым, как известно, распутье не помеха. Но тут с моря накатила низкая облачность, аэропорт затянуло туманом, вылеты стали переноситься с часу на час, со дня на день. Одним словом, началось утомительное коротание времени в пути, когда нельзя ни поспать, ни из аэропорта уйти. И я не стал бы писать об этом, если бы эта задержка в дальнейшем коренным образом не повлияла на мои планы и не заставила искать возможностей отправиться на далекое озеро Эльгыгытгын, о чем, вылетая из Магадана, я и не помышлял.

— Так, вы, конечно, к нам по поводу медведей? — был задан мне вопрос, едва я переступил порог марковского стационара.

— Каких еще медведей? — удивился я.

Дорогу к стационару мне указал один из попутчиков по рейсу. Такой же небритый, невыспавшийся, в помятой одежде, как и я. Ему пришлось проторчать в Анадыре немного дольше, и теперь он не скрывал радости по поводу того, что наконец-то оказался дома.

Биологи разместили свое хозяйство неподалеку от аэропорта и чуть в стороне от поселка. Большой одноэтажный дом стоял у протоки, берега которой густо поросли ивами. Перед домом выстроились зелененькие походные балки — временное пристанище для приезжающих сюда ученых. Слева стоял гараж для машины и вездехода, за ним — довольно объемистое хранилище для дров и угля. У крыльца лежала деревянная лодка, а в стороне виднелся новенький, мелкосидящий, с водометным двигателем катер.

Дом был как бы приподнят и обнесен на полтора-метровой высоте деревянным балконом. Поднявшись туда, я увидел двух собак, блаженно развалившихся на пыльном полу. Одна была привычная для этих мест дворняга с окровавленным ухом. Таких зимой местные жители обычно запрягают в нарты, а летом отпускают на все четыре стороны. Вторым же псом оказался

черный породистый сеттер. За такую собаку настоящий охотник большие бы деньги дал. Держал бы в городе у себя в квартире в неге и холе, выводил гулять на поводке. А тут сеттер жил на улице, как самый обычный дворовый пес. Признаться, я несколько растерялся, не зная, можно ли через него переступить, как и через его приятеля, преградившего мне вход, но оказалось — можно.

Сеттер поднял голову, внимательно оглядел меня и уронил ее на лапы, позволив мне действовать по своему усмотрению. На стук дверь мне открыла молодая женщина, из-за спины которой выглядывал рыжий, в конопушках, проказливого вида малыш лет шести. На руках, как ребенка, женщина держала серого зайчонка, который с удовольствием жевал ее распущенные русые волосы. Смущаясь своего несколько помятого вида, я поторопился представиться, объяснив, что я — корреспондент, прилетел из Москвы. Далее мне не дали договорить. Я был приглашен в дом, где на полу перед печкой были разложены грибы, рядом стояло ведро, доверху наполненное красной смородиной, а на столе среди небрунанных тарелок, как миска с какой-нибудь гречневой кашей, стояла кастрюля с кетовой икрой. В икру была воткнута ложка. Буханка белого хлеба и кусок сливочного масла дополняли натюрморт. А хозяйка уже снимала с плиты чайник и, усаживая меня за стол, предлагала угощаться чем бог послал.

Тут-то я и услышал озадачивший меня вопрос о медведях, из-за которых, как, очевидно, не сомневалась в том хозяйка, мог прилететь корреспондент из Москвы.

— Да из-за белых, конечно. Не из-за бурых же, — в свою очередь удивилась Лина, как звали хозяйку. — Разве вы ничего не слышали? У нас тут целое нашествие было. Весь поселок ходуном ходит, только об этом и говорят все, успокоиться не могут. Да вы съешьте, ешьте. А я вам все расскажу.

Появление белых медведей в Марково, конечно, было явлением удивительным. Ведь поселок этот находится в глубине материка. От Северного Ледовитого океана его отделяют многие сотни километров тундры и горных кряжей. Что было делать тут белым медведям?.. Я приготовился слушать.

— Случилось это весной, — рассказывала Лина. — Весна была, как весна. Никто и не думал, что вдруг эти медведи придут, а они возьми да и нагрянь. Да ладно бы, если б никого не тронули, а то тут едва не

сделал и нескольких шагов, как кто-то очень большой навалился ему на плечи и принялся, как рассказывал он, с рычанием «есть его голову».

Все, что последовало затем, Гоша помнил плохо. Это уже потом, выйдя из больницы и горделиво расхаживая по улицам Марково, он уверял людей, что остался жив только потому, что с первого же раза угодил ножом медведю в глаз и это, мол, решило дело. Но Вячеслав уверял: Гоша спасся только благодаря тому, что сумел, защищаясь, случайно попасть медведю в левое предсердие. Биологам стационара опять пришлось вскрывать и исследовать зверя. У них остались череп этого медведя и гипсовые слепки с его лап. По их размерам, неплохо изучив белых медведей в Арктике за время долгих зимовок, я мог судить, что Гоше и в самом деле очень повезло.

Как все охотники, не расставаясь с ножом, нося его в ножнах на поясе, Гоша, скорее инстинктивно, чем осознанно, ощутив тяжесть лап на своих плечах, выхватил нож и, не глядя, несколько раз ударил им зверя. Утробный рев прекратился, тяжесть с плеч спала. Не помня себя, не оборачиваясь, Гоша со всех ног кинулся обратно в избу. И только через окно разглядел, что убитый им зверь — белый медведь.

Тогда он сразу же связался по радию с поселком и попросил, чтобы прислали наряд милиции: он убил белого медведя. Ему не сразу поверили. Но Гоша умолял прислать наряд, уверял, что медведь лежит на том же самом месте. Все, как было, когда медведь на него напал, и милицию надо прислать, чтобы подтвердить, что он не виноват. Не хотел он убивать этого медведя. А когда приехали милиционеры, увидели, что Гоша-то сам еле жив. Лежит и двинуться не может, весь окровавленный.

Его сразу на вездеход — и в больницу. Но пока готовили к операции, Гоша доктора извел. Все спрашивал, будут ли его судить. «Да лежи ты спокойно, — возмутился тот. — Ты же его не по умыслу убил, защищаясь». «Так-то так, — стонал Гоша, — но другого-то тоже в горячах прибили, а штраф, восемьсот рублей, заставили-таки заплатить». Только спустя несколько дней после операции Гоша поверил, что доктор его не успокаивал, а говорил правду.

Вячеслав обещал меня как-нибудь познакомить с Гошей, когда тот объявится в поселке, чтобы я мог сам с ним побеседовать, но, посмотрев на меня внимательно, решил, что мне — как это он раньше не заметил! —

давно пора отдыхать. Он отвел меня в комнату, где стояла раскладушка, на которой лежала оленья шкура. Больше ничего не было на ней, а чтобы понять, сколь мягкой постелью она для меня в тот момент оказалась, надо попробовать суток пять провести без сна в зале ожидания любого аэропорта в летний суматошный сезон. Спал я на этой шкуре без всяких сновидений.

В первые дни я просто отдыхал и отсыпался, не торопясь принять какое-то окончательное решение. Может, все-таки дождаться Кречмара? Разве две недели — срок, если на одну только дорогу сюда у меня ушла неделя? Рассказ о конструкторе роботов мне казался достойным журнала. Ведь применение фотороботов давало возможность изучать птиц, не прибегая к отстрелу, чем, чего греха таить, пока не брезгают многие специалисты в научных целях.

День на стационаре начинался с того, что Харитонов пытался дозвониться до аэропорта. Дело это всегда было нелегким, а порой и неосуществимым. По обыкновению так и не дозвонившись, Слава выходил на балкон, где его поджидали черный сеттер, которого звали Синопс, и Дядя, как он ласково называл сорокалетнего преподавателя училища из Харькова. Тот уже третий год как приезжал в Марково в отпускное время, надеясь вместе со Славой отправиться на озеро Эльгы-гытгын.

Здрав кверху бороду, Харитонов осматривал небосвод. Синопс ожесточенно молотил хвостом по полу, а Дядя, обжигая пальцы, докуривал остаток сигареты. Он также оглядывал небо и хрипло произносил: «Надо идти». Слава молча соглашался и спускался по лестнице с балкона. За ним радостно прыгивал Синопс. К аэропорту он всегда бежал впереди. Вторым шествовал Слава в синем спортивном костюме, а замыкающим всегда был Дядя.

Возвращались они из аэропорта к обеду. А иногда и раньше, когда уже было ясно, что вертолет на озеро не полетит. Тогда Слава брал весла, и мы отправлялись к берегу Анадыря. Синопс носился как оглашенный. Он первым взбирался в «Прогресс» — моторный катер Харитонова, радостно поскуливая в предвкушении предстоящего путешествия, но хозяин безжалостно прогнал собаку, оставляя ее на берегу.

Будоража зеркальную гладь реки, мы уплывали вверх по протоке, а Синопс все это время мчался где-то невидимый, переплывал ручьи, гнал по берегу за

нами. Мы останавливались, забирались в чащу леса, растущего по берегам реки, и за полчаса набирали два ведра смородины. Ведро черной и ведро красной. Смородина в здешних лесах была крупной, как виноград, собирать ее было бы одним удовольствием, если бы не проклятущая мошка. Ни одежда, ни рыбацкие сапоги от нее не спасали. Серым облаком вилась она над головой, норовя залезть в глаза, забираясь в самые, казалось бы, недоступные, защищенные места, превращая пребывание в лесу в скором времени в сущую пытку. Минут через двадцать уже становилось не до ягод, и, едва наполнив ведра, искусанные, мы выбегали к реке. А здесь нас подждал с невозмутимым видом Синопс. Ну и любил же, оказывается, этот пес кататься в лодке! Тут уж отказать ему хозяин не мог, и мы возвращались в Марково всегда с Синопсом, горделиво восседавшим на носу моторки.

Во время этих поездок я внимательно всматривался в небо, приглядывался к деревьям на берегу. Мне приходилось читать, что орнитологам удавалось находить по берегам Анадыря гнезда кречетов, самых крупных соколов, которых мне возмечталось сфотографировать. Но в небе я видел лишь чаек, изредка проносились краснозобые гагары, да парили одинокие орланы-белохвосты. Ни одного сокола я в этих местах не встретил.

Вечера я нередко коротал с альгологом, который все никак не мог вылететь в Магадан. Этот молодой кандидат биологических наук ранее работал в Борке, в Институте биологии внутренних вод АН СССР на Волге, созданном по инициативе Ивана Дмитриевича Папанина. Он занимался изучением диатомовых водорослей—самых красивых, как считал он, и, несмотря на молодость, успел немало поездить по стране. В Марково ученый решил осесть потому, что для альголога Северо-Восток нашей страны—малоисследованная область, где можно сделать еще немало открытий.

— Водоросли—это основа основ,—нередко просвещал он меня.—Они насытили кислородом атмосферу, не без их участия появился озон, слой которого в атмосфере нашей планеты защищает все живое от губительной радиации солнца.

Есть водоросли, которые существуют на Земле более трех миллиардов лет,—самые старые живые обитатели Земли. А люди узнали о том, что они существуют, всего лишь двести лет назад, когда появились увеличительные стекла и был изобретен микро-

скоп. Да, только с помощью микроскопа можно разглядеть большую часть населяющих нашу планету водорослей. Выяснилось, что присутствуют эти крохотнейшие растения почти всюду. Их можно отыскать в снегах, среди льдов, в горячих источниках, в луже и океане, в капле воды и в земле, где совсем ничтожно количество влаги. Водорослей на земле—что звезд на небе. И разобраться, систематизировать их оказалось не так-то просто.

Но с развитием техники, с появлением более совершенных микроскопов—электронных, сканирующих—задача эта стала лишь усложняться. Каждый раз как бы приоткрывалась дверь в новый, доселе совершенно неведомый нам мир все более мелких водорослей. И сейчас открытый тут предстоит сделать ученым немало, а изучать их просто необходимо. Это дает ключ к решению многих проблем. Ибо водоросли, как и прежде, питают нашу атмосферу кислородом и являются все тем же первым звеном в трофической цепи, с которой начинается все живое.

По типам обнаруженных водорослей можно судить о состоянии водоемов, о степени их загрязненности, скорости самоочищения, предполагать возможности существования тех или иных пород рыб, прогнозировать размеры уловов и многое другое.

— Кстати, к примеру,—свернул он как-то на более близкую тему,—что может дать, скажем, рассмотрение водорослей озера Эльгыгытгын, на которое так стремился попасть Харитонов?

Существует несколько теорий о происхождении этого водоема. Сергей Владимирович Обручев, впервые осмотревший это озеро с самолета в 1933 году, предположил, что Эльгыгытгын—кратер потухшего вулкана. А недавно у одного американского ученого, изучавшего снимки, сделанные из космоса, родилась гипотеза, что озеро образовалось в результате удара метеорита. Ширина озера—двенадцать километров, вот и судите, каков же должен быть этот метеорит! И вот теперь, если Вячеславу удастся побывать на озере, можно будет, изучив водоросли, сказать, кто же из этих ученых прав.

Если отыщут реликтовые водоросли, тогда можно будет определить возраст водоема, то есть узнать, совпадает ли время рождения озера с эпохой деятельности вулканов. А если обнаружатся эндемики—водоросли, обитающие только в данном водоеме,—появится возможность предполагать, что Эльгыгытгын

образовался совсем не так, как остальные водоемы Чукотки. Тут допустима и версия об ударе метеорита.

Молодой ученый на этом не остановился и стал показывать мне фотографии его любимых диатомовых водорослей, выполненные сканирующим микроскопом. Диатомеи и в самом деле были изумительно красивы. Форма их панцирей была столь затейлива, что рассматривать их можно было подолгу, как искуснейшие изделия талантливых ювелиров.

Позабыв, что водоросли эти можно увидеть только через окуляр сканирующего микроскопа, находящегося в Ленинграде, я обратился к Харитонову с вопросом, не может ли он взять меня с собой на озеро Эльгыгытгый.

— Такой возможности нет, — решительно отрезал тот. — Вертолетчикам, чтобы слетать на озеро и обратно, необходимо в дорогу брать дополнительную бочку с горючим, загрузка вертолета должна быть минимальной. Поэтому мы и летим только вдвоем, налегке, вынужденные отказаться даже от теплой палатки, а ведь там — Заполярье. Поменять Дядю на вас я просто не имею морального права. Он третье лето сюда приезжает, много помогает мне. Да и, честно признаться, сработались мы с ним, немало уже походили тут по рекам.

Я не настаивал. Однако судьбе вздумалось распорядиться иначе. Спустя несколько дней после этого разговора меня пригласил на выезд владений тот самый рыбинспектор, что заставил марковских горестрелков заплатить штраф за убитого белого медведя. Приглашение было сделано по телефону, но хитрющий Синопс сразу же угадал, куда я направляюсь, и увязался за мной.

Рыбинспектор не стал гнать Синопса из лодки, как это делал его хозяин. Он сразу же позволил собаке занять любимое место — на носу моторки, и мы отправились в путь.

Первым делом рыбинспектор решил заглянуть на рыболовецкую тоню, где шла заготовка кеты. Он успел поговорить с бригадиром, потом отправился побеседовать с рыбаками, а я получил возможность полюбоваться редкостным зрелищем. День выдался ясным, солнечным. Синело небо, плавно переливалась вода в реке, желтел чистый песок на отмелях, а вдоль берега на вешалах вялились янтарные рыбины. Солнце просвечивало сквозь них, как через полудрагоценные агаты.

Пожилая чукчанка, в брюках и резиновых сапогах, поддерживала под вешалами небольшой костерок —

дымник, а разделщики — два молодых, крепкого сложения парня, — стоя почти по пояс в воде, доставали из притопленного садка огромных белобрюхих рыбин и бросали их на окровавленный разделочный стол. Несколькими отработанными ударами длинных ножей они рассекали их на части, и вот уже в одну сторону летела янтарная икра, а в другую — спинки для балыков, в третью — пуповины для юколы. Я снимал, не жалея шпенки. Тут же радостно носился по берегу взад-вперед Синопс.

— Хороший пес, — раздался позади хриловатый голос. Я обернулся. Передо мной стоял загорелый до черноты человек со светлыми спутанными волосами в выдавшем виды грязноватом свитере, помятых засаленных брюках и резиновых сапогах, подвернутых ниже колен. Я припомнил, что видел его выбирающимся из кустарника несколько минут назад.

— Хороший пес, — повторил незнакомец. — Только попомните мои слова, — с каким-то грустным дружелюбием продолжал он, — не носить ему головы, как и его родителю.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что незнакомец отнюдь не кудесник, не любимец богов, за кого чуть было я его не принял, а обыкновенный охотник-промысловик. Охотничий участок его — на речке Опаленой, вот и возвращается он оттуда в Марково. А на вопрос, откуда ему известна незавидная участь Синопса, этой так полюбившейся мне за последние дни собаки, охотник ответил, что родитель Синопса, самый первый сеттер, появившийся в Марково, был его охотничьей собакой. И сеттера этого уже нет в живых.

Помолчав и закулив сигарету, он рассказал, что за сеттером своим ездил во Владивосток. Специально ради этого ездил! Хотел обзавестись собакой для охоты на уток. Но сеттер, оказавшись в богатейших пойменных лесах, растущих по долине Анадыря, стал за росомахами гоняться, смело на медведя пошел, никого не боялся. Охотник нарадоваться приобретению не мог, а весной этого года и случилось несчастье.

Как-то, идя по берегу, он наткнулся на огромные медвежьи следы. Таких следов ему встречать не приходилось. Не поленился — промерил. Получалось от тридцати девяти до сорока одного сантиметра каждый. А сеттер уже ринулся по следу, не остановить. Словно предчувствуя несчастье, охотник решил не отставать. Одолели кустарник, только из него выходить стали, а тут и медведь. Стоит, их поджидает.

— Медведей я видывал всяких,— рассказывал он.— За свою жизнь не одного взял. Но тут опешил. Жутко стало. Огромный зверь! Да и все остальное вроде сходится. Узкомордый, светлый! Никак, думаю, тот медведище, о котором в журнале «Вокруг света» Олег Куваев писал. Может, помните, сообщал он, что в горах Чукотки будто должен водиться очень большой свирепый медведь. Чукотские пастухи ему об этом рассказывали. Он сам этого медведя искал, не нашел. Тогда я ему не очень поверил, а тут вдруг сразу вспомнил. Подумал, он— тот самый, «очень большой медведь». И я растерялся. Что делать? Убить для науки, для доказательства факта его существования? И в то же время уж больно светлым он мне показался. Вдруг, думаю, это белый медведь! Арктический шатун! А белых-то, знаю, стрелять запрещено. Пока я размышлял да сомневался, сеттер мой знай вперед скачками по снегу идет. Размеры зверя его никак не испугали. Вязнет в снегу, аж поскуливает, но рвется к медведю, и все тут.

— Лайка та знает,— помолчав, как бы вновь оценивая ситуацию, продолжал охотник,— что к медведю сзади подходить надо, за штаны его схватить, заставить вертеться на месте. А этот... рыцарь... как шел, с морды, так и прыгнул. Тот только раз лапу вскинул— одним ударом собаку, любимого сеттера моего, и уложил. Уложил, сеттер перед ним распростертый лежит, уже не шелохнется, а медведь стоит все так же спокойно и внимательно на меня смотрит. Пристально так. Жутко стало. Ружье на изготовку держу, а в голове одна мысль: только бы он на меня не пошел. Такую громадину если с первого выстрела не уложишь, тогда каюк. Второго уж сделать не успеешь! У меня руки заньгли, а медведь все стоит. И я показать спину ему не решаюсь, боюсь, этим можно только подхлестнуть нападение. Так мы, как мне показалось, целую вечность простояли, но медведище наконец повернулся и размеренно так, неторопливым шагом зашагал прочь. Да все на север, не свернул, будто компас какой туда его вел. А я осмотрел собаку, сходил на зимовье за нарточками. В тот же день ее к зимовью перевез, чтобы росомахи не сожрали, да тут ее и схоронил.

— Вот и думается мне,— закончил он рассказ,— что и Синопсу, если Слава будет с ним охотиться, не сдобровать. Вижу, весь он в родителя пошел: охотник рьяный. Да только сеттеры, поверьте моему слову, не для охоты в наших местах.

Приласкав собаку, попросившись, охотник пошел вдоль по бережку искать переправу. А мне вдруг стало наконец-то ясно, что очень большой медведь, которого искал Олег Куваев в горах Анадырского плато у озера Эльгыгытгын, отнюдь не миф из легенды, как об этом и подумывал вначале...

В тот день вместе с неутомимым рыбинспектором мы еще долго бороздили главное русло и протоки Анадыря, выискивая нарушителей и браконьеров, а я уже не мог отделаться от нахлынувших воспоминаний.

С Олегом Куваевым мы были хорошо знакомы. Не раз встречались в редакции журнала «Вокруг света», шутили, разговаривали, делились впечатлениями. Он настойчиво советовал мне посетить Чукотку, в любви к которой он публично признавался не единожды в своих очерках и рассказах. Звал с собой, когда отправлялся в плавание по Омолону. Но меня тогда манили ледяные просторы Центральной Арктики, думалось, что съездить на Чукотку еще успею. Вся жизнь, казалось, была впереди. Как я жалею теперь, что не состоялась тогда наша совместная поездка. Повесть «Дом для бродяг» о плавании по Омолону я читаю и перечитываю, наверно, уже в сотый раз...

Взяться за поиски очень большого медведя Куваеву помог случай. В очерке «Гора из чистого серебра» он рассказал об этом так.

В 1959 году в геологическое управление Певека, куда Олег после окончания Московского геологоразведочного института прибыл работать начальником партии, пришла заявка от жителя Одессы, некоего Уварова, который утверждал, что в горах Анадырского нагорья возможно существование самородного серебра. Об этом он будто слышал от многих людей в тридцатые годы, когда довелось ему работать на Севере. Заявку сразу же решено было положить под сукно, сохранив как пример возникновения самых невероятных слухов. Но не такого мнения был Куваев, обуреваемый до конца дней своих жаждой открытий и невероятных приключений.

На следующее же лето, испросив отпуск, он вместе с Николаем Семенниковым, «кадровым старшиной с двадцатилетним армейским стажем, бывшим снайпером и яростным охотником», отправляется на поиски серебряной горы. На самодельной фанерной лодке они поднялись по реке Чаун и осмотрели верховья реки Угаткын. Серебряной горы они здесь не обнаружили. Неподалеку было озеро Эльгыгытгын, но до него

путники не дошли. И тут они встретили чукотских пастухов с оленьим стадом. Ночь коротали вместе у костерка под пологом яранги. Здесь как об одном из непонятных чудес Куваев впервые услышал рассказ об огромном медведе.

«Медведь настолько свиреп,— писал он в очерке, передавая рассказ пастухов,— что при виде даже его следов (пастухи показали руками размер следов) ударяются в бегство и люди, и олени. Однако медведь этот весьма редок, и не каждому пастуху, даже всю жизнь проведенному в горах, удастся его увидеть».

Особого значения тогда молодой геолог этому рассказу не придал. Поход не удался, «серебряной» горы не нашли, а зверь «с ярангу» мог и пригрезиться людям, решил он. В горах в тумане нередко зайца принимают за лошадь. Но спустя семь лет, к тому времени окончательно почувствовав в себе талант к писательству и распрощавшись с геологией, Куваев предпринимает поездку на озеро Эльгыгытгын, намереваясь теперь в окрестностях его отыскать не залежи самородного серебра, а необычного зверя, «которого у нас никто не видел».

Вспомнить рассказы пастухов, поверить в реальность существования медведя, о котором они ему поведали, заставил Куваева опять же случай. В книге бельгийского зоолога Бернара Эйвельманса «По следам неизвестных животных» он наткнулся на сообщение о том, что в недалеком прошлом на острове Кадык был добыт медведице, будто бы весивший тысячу двести килограммов.

На Аляске обитают самые крупные бурые медведи, но этот гигант превосходил их почти вдвое. Больше таких зверей не встречали, и автор, который, как известно, в своей книге высказывал мысль, что могут где на земле еще скрываться от глаз людских крупные животные, не терял надежды услышать что-либо и о медведе-кадыке.

Но это, как признавался Куваев в очерке «Очень большой медведь», явилось зацепочкой для выдвижения собственной версии. Вскоре, знакомясь с книгой известного канадского писателя Фарли Моуэта «Люди оленьего края», он отыскал по-настоящему воспламенившие его строки. У ихалмютов — континентальных эскимосов Аляски,— как и у наших оленных чукчей, оказывается, бытовали рассказы об огромном, свирепом, наводящем ужас медведе-аклу. Фарли Моуэт считал, что аклу — бурый медведь, родственник гризли,

очень редко встречающийся. Это было для Куваева уже серьезным поводом для размышления над услышанным от чукчей-оленеводов.

Не теряя времени, он начинает переписку с Фарли Моуэтом и Бернаром Эйвельмансом и в скором времени выдвигает свою гипотезу о том, что свирепый зверь, объявляющийся в горах Анадырского плато, может быть либо вымирающим «кадыком», либо родственником американских гризли, которые время от времени перебираются по льдам через замерзший Берингов пролив, кочуя с материка на материк.

Гипотеза была до отчаянности смела. Но тут следует сказать, что Куваев был прежде всего геологом. И еще, пожалуй, нужно припомнить, что в те годы в прессе немало мелькало различных предположений о возможности существования Несси, снежного человека и даже пришельцев с других планет, что не могло не сказаться на эмоциональном восприятии молодого писателя.

К тому же Фарли Моуэт поддержал гипотезу Куваева. И доктор Эйвельманс согласился, что гипотетический «большой медведь» Чукотки — азиатский собрат бурого медведя-гиганта, или медведя-кадыка, живущего по ту сторону Берингова пролива. Когда Куваев уже был на озере Эльгыгытгын, я, скептик по натуре, спросил у редактора, который благословил Куваева на эту экспедицию, верит ли он, что Олег найдет неизвестного науке зверя? И услышал довольно неожиданный ответ.

— Даже если он никого не найдет,— заговорщически подмигнул тот,— то читатель в накладе не останется. Я уверен, что Куваев напишет об этом так, что очерки будут читать запоем. А в результате, по моему, выиграют медведи, которых уже настала пора оберегать.

Так все и вышло. Очерк о поисках медведя читателем пришелся по душе. В редакцию пошли письма. Поскольку большой медведь не был встречен, дискуссия по поводу правильности гипотезы разгорелась. Автора или поддерживали, или не соглашались с ним, и за спорами как-то совсем исчез с горизонта вопрос: если не гризли и не «кадык», то кто же все-таки мог волновать пастухов в горах?

Признаться, и от меня ускользнул этот вопрос. Я не задумался об этом и тогда, когда, оказавшись на Чукотке, услышал от геологов, что неподалеку от мыса Шмидта добыт очень большой медведь «палевого»

цвета, след от ноги которого на снегу воспринимался как след от бензиновой бочки.

Мне дали записку с адресом человека, у которого хранилась шкура этого медведя, попросив передать ее Куваеву. Вручая в Москве записку, я пошутил: «Заварил кашу, теперь расхлебывай. Вся Чукотка о большом медведе говорит». Но Куваев в ответ не усмехнулся. Взял записку с серьезным видом. Поблагодарил. Заверил, что в скором времени с этим делом разберется, установит истину, но... выполнить этого он не успел.

И только теперь, оказавшись на берегу Анадыря, неожиданно, не без подсказки этого охотника я вдруг осознал, какой же необычный зверь мог временами появляться в горах.

Услышав от охотника, что третий медведь от Марково пошел на север, я сразу сообразил, что ущелий Анадырского нагорья ему же миновать. Следовательно, белый медведь, как и подмечали пастухи, мог объявляться в тех краях и, судя по поведению последнего в Марково, вести себя там отчаянно: нападать на оленей и на людей. Шкура его в дороге, по всей вероятности, теряла прежний цвет, становилась грязной, оттого-то оленеводы, никогда не видевшие белых медведей, и не могли в суматохе определить зверя, а называли его «необычный».

Пожалуй, Куваев, оказавшись на озере Эльгыгытгын, мог бы сам во всем этом разобраться. Геологи рассказали ему, что их базы поблизости разоряет большой... белый медведь! Они уверяли, что видели его издали. Но вот строки из очерка Куваева:

«Люди на вездеходе сообщили, что видели на гребне одного из хребтиков бредущего огромного медведя очень светлой, почти белой окраски. Они уверяли, что это белый медведь. Однако предположить, что белый медведь забрел в путаницу хребтов Центральной Чукотки, за сотни километров от моря, довольно трудно. Известны, правда, случаи, когда белого медведя встречали в тундре за десятки километров от побережья. Но, во-первых, такие случаи единичны, они всегда исключение. И во-вторых, десятки километров—это не сотни, и прибрежная тундра не горный хребет».

Впрочем, в те годы о жизни белого медведя знали не так уж много, и это заблуждение Куваева простиительно. Лишь после его смерти в нашей стране вышла книжка Ричарда Перри «Мир белого медведя», где о жизни этого хищника было собрано все в то время известное о нем ученым и охотникам. В ней говори-

лось, что обитатель плавучих льдов может заходить на 200 и даже более километров в глубь материка, уверенно затем находить дорогу к родному океану.

Теперь сомнений у меня не оставалось, но, для того, чтобы окончательно подтвердить свою догадку, необходимо самому увидеть и сфотографировать в горах обитателя полярных льдов. А для этого следовало уговорить Вячеслава Харитонову взять меня с собой в экспедицию на озеро Эльгыгытгын. Однако о своем желании я пока рассказывать ему не стал. Тем более что все зависело от летной погоды, а ее пока не было. Когда погода устанавливалась, то по срочным и важным делам куда-то вызывали вертолет. А время шло, не так уж много оставалось и до первого сентября. Первого же сентября, я это хорошо понимал, Дяде, Борису Михайловичу, нужно было встать перед питомцами у доски с указкой.

— Если Дядя уедет, а погода позволит лететь, не смогли бы вы составить мне компанию, отправиться на озеро Эльгыгытгын?—спросил меня Харитонов. Я признался, что рад помочь науке.

До первого сентября оставалась неделя. Вечером Слава расстелил на полу карту. Друзья промеряли маршрут до глубокой ночи. Вертолет мог доставить их на берег озера, а выбираться обратно планировалось на надувных лодках по рекам до поселка Усть-Белая, на что тоже требовалось немалое время. Завтра последний срок, решили они. Если будет вертолет—они летят, а если не будет—Дядя отправляется в Харьков.

Я очень надеялся на то, что погода завтра не наладится и Дядя уже не сможет лететь со Славой. Но к вечеру на севере небо расчистилось. Дядя торжествовал.

Утро выдалось ясное, солнечное. Из аэропорта позвонили, попросили поторапливаться—вертолет готов, погода всюду отличная. Друзья принялись забрасывать вещи в кузов машины.

— А как же я?—спросил я Харитонову.

— Я не против,—отвечал тот бодро,—но вы же знаете, вертолетчики троих взять не могут. Загрузка не позволяет.

Но об этом он мог не беспокоиться. Командиром вертолета оказался опытный полярный пилот, бывавший в тех же местах, где мне приходилось зимовать. При встрече выяснилось—нам есть что вспомнить. Задно я спросил его, не знаком ли ему писатель Олег Куваев, который искал здесь, на Чукотке, очень

большого медведя. «Помню,— отвечал командир.— Он еще геологом работал. Небольшой такой, коренастый. Живой парень. Я его тогда с приборами возил. Геофизик он. А потом писателем стал. «Территорию» его мы все тут читали. Хорошо написал...» И тогда я рассказал ему о том, как натолкнулся на разгадку гипотезы Куваева о большом медведе. Раз автора нет в живых, негоже делу оставаться незаконченным, решил я. Вот и надо было бы мне на это озеро слетать.

— Тогда какой может быть разговор,— сказал командир.— Берем — и точка...

— Ну если так,— развел руками Харитонов и вскинул бороду вверх, выслушав меня,— разве я буду возражать. Собирайтесь. Да вот что, берите-ка вы ватную куртку, сапоги резиновые с высокими голенищами и теплый кукуль. Может случиться так, что возвращаться придется уже зимой, по снегу.

Я, конечно, не спорил.

ЗАГАДОЧНОЕ ОЗЕРО ЭЛЬГЫГЫТГЫН

Экипаж поджидал нас в вертолете. Запасную бочку с горючим все-таки с собой взяли. «Не люблю летать без запаса,— сказал командир.— Даль-то какая. Вдруг в горах встречный ветерок. Садись тогда на вынужденную да поджидай, пока горючку привезут. А тут — никаких тебе забот. Лети спокойно». Работа на островах в Ледовитом океане приучила его быть осмотрительным. Но бочка в том полете не понадобилась. Погода на всем пути была отменной, словно природе надоело нас томить.

Пропали густые пойменные леса, растущие по берегам бесчисленных протоков Анадыря, открылась болотистая, вся в бликах озер, тундра. Я не отрывал глаз от иллюминатора. «Может, увижу белого медведя», — засела в голове отчаянная мысль. Бывает же так в жизни — вдруг начинает везти. Но тундра пронеслась перед глазами, ничем не порадовав. Начались горы. Таких, пожалуй, мне еще нигде не приходилось встречать. То светлые, как песчаные дюны, то темно-коричневые, как шерсть бурого медведя, то серебристые, будто и впрямь сплошное месторождение чистого серебра, то красные, словно политые киноварью. Окажись на такой горе белый медведь, разглядеть его было бы не трудно. Но ни зверей, ни птиц я так и не заметил, пока не подлетели к озеру. Слава толкнул

меня в бок, приглашая к противоположному иллюминатору, и по его радостному лицу я понял, что подлетаем.

Озеро синело, как осколок Черного моря, чудом затерявшийся в этих пустынных горах. Сверху оно казалось идеально круглым. Перед озером возвышалась одинокая гора, похожая на войлочный колпак, и еще цепь невысоких серых колпаков венчала озеро с севера и востока. На юге горы обрывались. К озеру примыкала зеленовато-желтая долина, по которой, разбившись на множество мелких, серебристых рукавов, пробиралась Энмываам. Единственная река, вытекающая из озера.

Внезапно прямо под вертолетом показался крупный сероспинный олень. Запрокинув голову с целым кустом громадных рогов, он нехотя убежал от тени вертолета. Сразу вспомнилось, как Куваев, так и не найдя у озера медведя-кадьяка, был очень обрадован тем, что повстречал тут диких оленей. И среди них он заметил очень крупного, как он считал, вожака стада. И уж не этого ли вожака увидели мы?..

На берегу озера, по обеим сторонам долины, будто боксеры, разбежавшиеся по углам ринга, стояли два домика. А в синей глади воды отчетливо просматривались пунктиры желтых поплавок сетей. По озеру, распуская белые буруны, мчалась изящная красная моторка. Вот тебе и недоступное, загадочное озеро Эльгыгытгын! Да тут всюю живут люди! Мне сразу вспомнилась карикатура, которую я увидел когда-то в далеком детстве и часто вспоминал, когда, оказавшись в недоступном месте, обнаруживал следы находившихся там ранее людей.

На карикатуре была изображена гора. По отвесной стене карабкаются два альпиниста, и один говорит другому: «Потерпи еще немного. Зато мы будем первыми». А к вершине с другой стороны уже проложена дорога. Там стоит дом и на веревочке сушится детское бельишко. По-моему, нечто подобное тому, что почувствовали альпинисты, взобравшиеся в конце концов на эту гору, ощутили в этот момент и мои друзья. Потому что улыбки на их лицах померкли.

А вертолет между тем, сделав небольшой полукруг, уже опускался на площадку рядом с домиком у реки. Судя по следам от колес, здесь не раз приземлялись «Аннушки». Должно быть, отсюда начинал знакомство с озером и Олег. Тогда, в июне, он увидел здесь снег. Жить ему пришлось в рыбацкой палатке, дымной и тесной. Печурку там приходилось подтапливать ягелем

и крохотными травками Кассиопеи. Над озером бушевал штормовой ветер. Мрачным показалось озеро и Обручеву, увидевшему его сверху в лето 1933 года. Нам же повезло.

Погода выдалась как по заказу: ясной и солнечной. И в палатке нам жить не придется. В полном нашем распоряжении оказался целый дом. Кто в нем жил: рыбаки или геологи—решить было трудно, но в данный момент он пустовал, и мы имели полное право здесь расположиться.

В одной комнате были широкие нары—прекрасная спальня, на кухне—плита, полки с посудой. А вокруг дома немало всякого барахла, способного гореть, и внезапно наступление зимы, пожалуй, нас бы тут врасплох не застало.

Пока мы разгружались, из домика напротив вышли люди. «Вот и соседи у вас есть,—порадовались за нас вертолетчики,—все будет повеселее жить». И мы поначалу обрадовались. Но соседи оказались для северных широт людьми весьма не любопытными. Постояв несколько минут у крыльца, они преспокойно удалились в дом, так и не удосужившись по закону гостеприимства подойти познакомиться. Но мы постарались заверить вертолетчиков, что непременно наладим с этими людьми добрососедские отношения. Как же иначе, ведь кроме нас и их на озере, наверно, никого нет и не будет.

Вертолетчики пожелали нам успеха, забрались в свою грохочущую машину и улетели. А мы перетаскали к домику вещи и принялись на сером галечниковом берегу превращать скомканную резину в средство передвижения. Вскоре не без помощи наших легких на берегу лежали две оранжевые лодки: типа «Пеликан» с фанерным дном и деревянной задней стенкой, на которую можно было установить подвесной мотор, и спасательная надувная шлюпка ЛАС-5. Ее предполагалось вести в поводу.

Альголог бережно достал из мешка и водрузил на «Пеликане» подвесной мотор. Но перед раскинувшейся на десяток километров синеватой гладью пустынного озера мотор этот показался не особенно внушительным. Мощностью он был всего в полторы лошадиные силы, а Харитонову для взятия проб следовало пересечь озеро не один раз.

Еще в вертолете, увидев моторную лодку, мчавшуюся по озеру, Харитонов решил, что нам повезло. «Раз рыбаки тут есть,—счел он,—горевать нечего. Попро-

сим, дадут на денек моторку. В два счета с работой управимся и завтра же начнем сплавливать». Усевшись втроем в тесноватый «Пеликан», мы поплыли под урчание нашего моторчика вдоль берега к домику соседей, желая побыстрее познакомиться и договориться о моторке.

Мы не сомневались, что встретим либо рыбаков, либо геологов—кому же еще быть в этих безлюдных краях. Но, войдя в дом, несколько подрастерялись. Сидевшие за столом люди, раскладывая преферанс, и тех и других мало напоминали. Повсюду лежали журналы с фотографиями стюардесс и самолетов, и стало ясно, что мы оказались в гостях у работников Аэрофлота. Должно быть, работники ближайшего авиапредприятия устроили на озере что-то вроде дома отдыха с рыбалкой. Мы представились, объяснили, что нас очень бы выручила их моторка. Всего на денек. Они, покачав головами, сказали, что моторка им и самим нужна: сети требуется осматривать постоянно. Впрочем, они могут ее дать, но разве что завтра вечером, да и то если часика на два...

— Вот тебе и «основа основ, главное звено в трофической цепи»,—поддел своего приятеля Дядя, когда мы возвращались на свою половину долины.—Никто не спорит, водоросли дали жизнь, благодаря им в озере появилась рыба, а поди ж ты докажи. Лодку на день пожалели дать, чтобы изучить «корни», с которых они кормятся рыбкой и имеют, как мне думается, очень неплохой навар.

— Да шут с ними,—отмахнулся Вячеслав.—Не будем обращать внимания. Настоящие-то рыбаки разве бы лодки пожалели? Будем жить и работать так, как если бы мы тут оказались одни.

Слава в тот же день принялся за работу. Он решил осмотреть отдаленные ручьи по долине, взвалил на плечи рюкзак и ружье и отправился к югу. Дядя достал спиннинг и принялся блеснить с берега, надеясь выловить какую-нибудь рыбку для обеда. Я решил побродить по окрестностям, подняться в горы, все еще не теряя надежды на встречу с белым медведем.

У дома, где мы остановились, сновало немало всяких птичек. Были тут и пуночки, и трясогузки, и кулички. Но стоило переправиться через речку, углубиться в тундру, как пейзаж помертвел. Здесь рос мох. Сухой, черный, с редкими яркими цветами. Кустики голубики на склонах гор напоминали размером брусничник, так они были здесь малы. Кое-где встречались

норки, но, кому они принадлежали, я так и не смог определить. Должно быть, леммингам — полярным мышам. Попадались и следы оленей, но, сколько я ни осматривал дали в бинокль, ни одной живой души так подметить и не смог.

Склоны гор все были в обломках осыпающейся, съезжающей под ногой вниз породы. С трудом удалось добраться до вершины ближайшей горы, но там меня встретил такой ураганной силы ветер, что пришлось побыстрее спускаться пониже. На вершине невозможно было устоять, скорость ветра, должно быть, была метров за двадцать в секунду. И это меня насторожило. Если такой ветер опустится ниже, то нашим надутым лодчонкам ни при каком motore с ним не справиться. Унесет, выбросит на берег, и к этому надо быть готовыми.

Усевшись с подветренной стороны вершины, я принялся изучать окрестности. Каменистые сопки, поросшие мхом и пожелтевшей, уже тронутой дыханием осени травой, разбегались до горизонта. Ни одной живой души, сколько я ни напрягал зрение, глядя в бинокль, замечено ни было. Мертвенность пейзажа постепенно начинала странно действовать на меня, заставляя прислушиваться к малейшим шорохам, быть к чему-то постоянно готовым, оставаясь настороже. Приметив движение среди темных камней, я вздрогнул, а оказалось — птица! Какой-то кулик совсем небольших размеров. Никого больше не встретив, я возвратился к дому.

Удача в тот день выпала лишь на долю Харитонов. Он клялся, что наверняка отобрал в ручьях неизвестные науке водоросли. Дядя, сколько ни закидывал блесну, рыбы так и не поймал. Ни одной. И это в огромном, почти необловленном озере. Для меня это было удивительным.

Мы затопили в доме печь, приготовили жаркое из тушенки, поели при свече и завалились к ночи на нары, помянув хорошим словом людей, построивших этот дом и оставивших его со всем добром для путников вроде нас, которым еще не раз предстоит заглянуть в эти края.

Возвращаясь из похода к горам, я подобрал на берегу черный камень, с виду напоминавший топор. Был ли это в самом деле топор людей каменного века, теперь уже невозможно сказать, ибо топор этот я утопил, когда переправлялся через реку. Но Слава очень внимательно выслушал меня. В 1955 году, поя-

нил он, здесь, на берегу озера, геологами в расщелине одной из сопки был обнаружен клад: кремневые клинки, относящиеся к орудиям каменного века. Древние люди заботливо прикрыли их каменной глыбой. Затем неподалеку была найдена стоянка этих людей. Все это подтверждает, что и в очень отдаленные времена озеро посещали люди. Возможно, они занимались здесь рыбной ловлей или охотились на оленей, а иногда и отбивались каменными топорами от свирепых медведей, забредавших в эти края. Как пожалел я о том, что не сумел удержать этот черный камень, когда, спасая себя, вынужден был мертвой хваткой вцепиться в борт накренившейся лодки. Мощным и стремительным оказалось течение в реке, вытекающей из озера. Может, и в самом деле это был каменный топор древних людей, и для науки это было бы ценной находкой. Но Харитонов, узнав о верховом ветре, с которым я столкнулся у вершины, вмиг посерьезнел и перевел разговор на тему о завтрашнем дне. Боясь, как бы не испортилась вскоре погода, он собирался с утра приступить к обследованию озера и этому посвятить весь день.

Разбудили нас птицы. Стояла такая звонкая тишина, что беготня птичек по крыше воспринималась как неумолчное дребезжание будильника.

Я вышел из дому. Над озером стлался белесый туман. Несколько серебристых чаек, северных морских ворон, как я их называл, сидели на берегу у наших лодок. При моем появлении птицы сразу взлетели и исчезли в тумане, словно растворились в нем.

Вода в озере была ледяной, очень прозрачной. Галька виднелась на глубине нескольких метров, и трудно было представить, что в этой прозрачной воде полным-полно невероятно красивых диатомовых водорослей. Но не было бы водорослей, не было бы и рыб, уверял Слава.

До обеда мы обследовали берега озера. Останавливались у ручьев, впадавших в него, и брали пробы. Заполняли водой пробирки, отцеживали сачком планктон. А после обеда Слава с Дядей отправились брать пробы по всему озеру. Меня с собой не взяли. На «Пеликане» и вдвоем было тесно. А на середине такая теснота, я это понимал, была бы уже неприятна. «Оставайтесь дома, — сказали мне, — приготовьте хороший обед к нашему возвращению».

Забравшись на крышу, я долго наблюдал, как, негромко тарахтя, удаляется от берега надутый «Пели-

кан» с двумя одержимыми бородачами. Время от времени лодка останавливалась, вращалась на месте, таская за собой белую планктонную сетку, напоминавшую аэрофлотовский «колдун», которым определяют направление ветра на небольших аэродромах. Я зримо представлял, как Харитонов затем красными, замерзшими мокрыми руками доставал эту сетку из ледяной воды, тщательно сливал ее содержимое в пробирки, закрывал их пробками и лодчонка двигалась дальше, уменьшаясь на глазах, словно утопая в ряби волн. Пробы надо было отобрать по всему диаметру озера, а также у противоположного берега. Вскоре «Пеликан» превратился в точку, а затем и вовсе растворился в просторах пустынной, едва волнующейся синеватой глади.

С полудня над озером протянулись нити легких перистых облаков — предвестников ухудшения погоды. Верховой ветер уже достиг земли и поднял на озере волну. Я забеспокоился: не застряты бы моим альгологам — и решил сходить к соседям, разузнать, можно ли будет надеяться на помощь. Там кипела работа: разделяли и укладывали в бочки рыбу. Никогда еще я не видел таких жирных и крупных гольцов. Каждая рыбина была величиной с хорошего поросенка.

— С норовом тут рыба, — пояснил самый молодой рыбак, которому из-за удачного улова, видимо, просто необходимо было выговориться. Остальные рыбаки угрюмо помалкивали, делая вид, что они страшно заняты и им сейчас не до разговоров.

— В сети идет, — продолжал он, — только когда начинает портиться погода и непременно при северном холодном ветре. Колхозные-то рыбаки не знали, что ли, про это? Поуезжали. Оставили избы, бросили дело. Да разве можно такую рыбу отказываться ловить! Ишь какие жирные «огольцы». Смотришь, и душа радуется. Я отпуск свой трачу, на южные курорты не езжу, только чтобы здесь пожить да половить эту рыбку. Икрой, сволочь, питается. Не вру. Ребята видели. Друг за дружкой ходят и икру жрут.

Гольцы, которых укладывали в бочки, что и говорить, были отменными красавцами. Каждый килограмм по десять. В руке тяжело держать. Бывают и по двенадцать, подсказал словоохотливый рыбак. А самый большой голец, какого удалось здесь поймать, весил тринадцать килограммов! Его поймал, рассказал парень, спиннингист, который приезжал на озеро три года подряд. Взяв рыбину на блесну, чтобы утомить, не дать

сорваться, он водил ее целый день. И когда вытащил на берег, сам уже на ногах стоять не мог. Но рад было, будто в лотерею «Волгу» выиграл, счастья своего дождался. С тех пор тут больше не видели его...

Наверно, я бы и еще немало интересного мог услышать, но мне не терпелось узнать, могу ли я рассчитывать на помощь — погода на глазах портилась. «Если что случится, приходи, — заверили рыбаки, — тут уж лодку дадим без разговоров». Я поблагодарил и собрался было уходить, когда, разглядывая рыбы внутренности, заметил странного вида небольшую рыбку, которую заглотил гигантский голец. Я попросил отдать мне эту рыбку, а заодно и несколько рыбьих желудков, подумав, что они могут пригодиться Славе. «Бери», — сказали рыбаки, а заодно презентовали несколько молок. А самый тучный и неразговорчивый, должно быть бригадир, неожиданно расщедрился и вручил мне пару небольших гольцов. Примерно каждый по килограмму. Конечно, такой подарок рыбака не украл, скорее, говорил об удивительной для северянина скупости, но я не стал отказываться. Взял. Ведь вполне вероятно, что сюда еще предстоит обращаться за помощью.

Однако прибегнуть к этому не пришлось. Поздно вечером друзья возвратились. Харитонов был доволен: осуществить все намеченное удалось. Но признан: что временами было жутковато. Особенно на середине, когда пропали из виду берега и временами казалось, будто они одни в океане. Сразу вспомнилась и жуткая, в несколько сот метров, глубина этого озера.

На другом берегу они увидели палатку. Еще какие-то люди здесь жили. Возможно, люди науки, другие исследователи, но подойти не решились. А вдруг такие же рыбаки, как наши соседи. Не обрадуются приходу и чаем, как и те, не угостят. Так и проплыли мимо.

Еще день мы провели на озере. К соседям дважды залетал вертолет. Слава только головой покачивал от восхищения. Ему и на обратный рейс выбить машину не удалось.

— Ловил бы ты гольцов, — подтрунивал над приятелем Водя.

— Водоросли — это основа основ, — стоял на своем Слава. — Без них невозможна жизнь, они — наш кислород и пища. И когда люди отправятся в путешествие к другим планетам, то первое, что они с собой возьмут, это водоросли.

— Все это так,— не унимался Дядя,— а бочка солевых гольцов все-таки в наше время лучший презент, чем мешок водорослей.

— Тоже мне рыба—гольцы,— отшучивался Слава.— Да будь я вертолетчиком, я бы не стал на них и смотреть. Подумаешь, рыба! Да в ней нет даже красной икры. То ли дело наша анадырская кета или горбуша. Вот это рыбка!

При свечке друзья долго сидели над картой, изучая маршрут, по которому они будут сплавляться по реке Энмываам, вытекающей из озера. Слава считал, что пора сплавляться. Если идти по реке со скоростью восемьдесят километров в день, то у Дяди оставался шанс к первому сентября появиться в Харькове.

На мой взгляд, план этот был сущей туфтой. Я был уверен, что заданный график движения полетит ко всем чертям, едва мы двинемся по реке, а если даже и удастся добраться к первому сентября до Марково, то и тогда Дяде скоро в Харьков не попасть. В таком случае, не лучше ли было вообще не торопиться? Три года друзья мечтали о том, чтобы добраться до озера. И вот их мечты сбылись, они здесь. Есть дом, печь, дрова. Может, побудем здесь еще недельку, обращался я к Харитонову. Ведь, кто знает, доведется ли еще когда побывать здесь...

— Работа сделана,— стоял на своем Слава,— а путь предстоит нелегкий. Погода может испортиться в любую минуту. Не хотелось бы сплавляться в дождь или при снеге. Осень, ждать можно всякого, а впереди— Леоновские пороги. Мысль о них мне покоя не дает. Нет, надо отправляться.

Вечерело. Я вышел полюбоваться на озеро. Желтовато-бледный закат смыкался с синевой гор. Полоса темных облаков наискось перечеркнула небо. Озеро будто затаилось. Вода была как зеркало. На ночной стороне небосвода уже выступили яркие звезды. Они отражались в воде, будто лежали на дне, просвечивая сквозь прозрачную водяную толщу. Озеро казалось таинственным и загадочным, как все вечное. Как не хотелось так скоро с ним расставаться!

Припомнилось, что Сергей Владимирович Обручев после того, как увидел это озеро с самолета, не смог затем отказать от возможности, как это ни было в то время трудно, постоять на его берегу. В лютую зимнюю стужу пробрался он сюда с чукчами-проводниками на оленьих упряжках. «Лед гладкий, без торосов,— записал он в своем дневнике.— Только ред-

кие трещины кое-где пересекают его ровную поверхность. Интересно было бы дойти до середины озера, пробить лед и смерить глубину... Что таится под этим толстым льдом? Чукчи говорят, что здесь водятся большие рыбы».

Что ж, я видел, какие рыбы водятся в этом озере. И глубина озера давно промерена. Она равняется двумстам пятидесяти метрам. Харитонов теперь узнает, какие водоросли обитают в толще его вод. Дело по изучению загадочного озера, одним словом, продолжится. И что горевать, если я не увидел здесь белого медведя, побыл столь мало.

Вернувшись в дом, устроившись в темноте на нарах, я долго не мог заснуть. В воображении возник образ неутомимого искателя приключений Олега Куваева. Припомнились его слова о том, что «человек очень долго остается мальчишкой, который запоем читает о приключениях на какой-нибудь Амазонке и склонен к авантюрам в хорошем смысле этого слова». Они написаны были им примерно в то время, когда он взялся за поиски медведя на озере Эльгыгытгын. «И не надо скучнить жизнь,— писал он,— дорогу мечте и фантазии!»

Фарли Моуэт, Бернар Эйвельманс, медведь-кадьяк, медведь-гризли, переходящий через Берингов пролив,— все это теперь казалось милой несерьезной чепухой романтического плана, но—вспоминалось. Не будь этого, и мне, возможно, никогда бы не побывать здесь.

«...Конусовидные горы торчали в небо,— припомнились мне слова Куваева из очерка о поисках большого медведя, когда стало ясно, что медведя он здесь не встретит и надо уезжать.— Рыбы стояли в дремотной воде. Солнечное золото потоками падало с краев странного облака. Я смотрел на все это и вдруг подумал, что все-таки в это лето мне повезло... Я нашел на Чукотке диких оленей, в которых не верил и в которых не верят... И я увидел озеро, каким оно никогда, ни для кого не будет...» Мог быть доволен тем же и я. Озеро я видел.

ПО ЭНМЫВААМ НА ЛОДКАХ

Было раннее утро, когда мы начали загружать лодки. План был таков: в «Пеликане» плывем мы со Славой, а в шлюпке будет находиться Дядя. Туда же мы сложим весь свой скарб, которого все-таки набралось не так уж

мало. Шлюпку мы поведем в поводу, на течении, как считал Слава, моторчик потянет.

Напившись чая, мы принялись перетаскивать на берег вещи. Харитонов строго присматривал за всем. В начале пути предстояло плыть среди тундры, где не отыщешь и деревца для костра. Я насобирав дров на добрую неделю, но Слава приказал оставить запас только на два дня. В шлюпку мы погрузили палатку, спальные мешки, бачки с бензином. Получилась довольно внушительная гора, которую мы укрыли брезентом, стянув прочной веревкой.

Над озером повис белый туман. Он стлался полосой метрах в ста от берега. Озеро будто все еще спало, укрывшись этим легким одеялом. Неожиданно утреннюю тишину разорвал грохот лодочного подвесного мотора. На полной скорости пронеслась мимо красная моторка соседей. Трое людей, сидевших в ней, даже не повернули головы в нашу сторону, видно, очень куда-то торопились.

— Да,—сморщившись, вспомнил вдруг Слава,—выбросьте-ка вы этих гольцов, которыми они вас угостили.

Два гольца, что я вчера принес, конечно, были не ахти каким подарком. Но выбрасывать их теперь, разделанными, готовыми к тому, чтобы шлепнуть на сковородку и изжарить на первой же стоянке, мне показалось не то что невозможным, а просто кощунственным.

— Выбрасывайте,—приказал Слава.—Есть я их все равно не буду. Обойдемся. Сами поймаем.

Что было делать? Я пожалел, что лодка с рыбаками исчезла в тумане. Может, лучше было бы им обратно отдать. Но спорить со Славой было бесполезно. Размахнувшись, одного за другим я зашвырнул в воду разделанных гольцов. Что тут началось!

На плеск воды прилетела серебристая чайка. Увидев рыбу на дне, она что-то недовольно проклекотала, и на ее зов прилетела вскоре вторая птица. К ним подлетела третья. Четвертая... Чайки стали слетаться к отмели одна за другой.

Все исследователи озера в прошлом упоминали о том, что оно пустынно, эта его пустынность поражает. Птицы будто задались целью все это опровергнуть. Я насчитал уже сорок шесть чаек, а они все продолжали подлетать. Огромной стаей они кружили над местом, где на дне лежали рыбки, пикировали на воду, но пробить слой воды и взять их так и не решились. Будто

не верили, что хорошую рыбу можно выбрасывать просто так... Наверно, им казалось, что это хитрая приманка, не иначе.

— Как на море,—довольно улыбнулся Харитонов.—Как провожают пароходы.

«Пеликан» покачивался на волне. Я пробрался вперед, готовый первым увидеть белого медведя, если он будет идти по берегу реки на север. Слава сел на корме у подвесного моторчика. Он намотал на пусковое колесо мотора шнур, что есть силы дернул, тот хлестнул меня по спине, и наш караван медленно тронулся. К моему удивлению, моторчик не только толкал вперед «Пеликан», но и помогал тащить тяжело нагруженую шлюпку с Дядей. Посверкивая стеклами очков, с неизменной сигаретой в зубах, в меховой куртке и легоньком туристском картузе, он восседал в шлюпке так же привычно, как кучер на козлах или погонщик на слоне. Сплавляться на надувной лодке для него было самым привычным делом.

Пока мы плыли по озеру, все шло хорошо. Но едва караван нырнул в протоку вслед за вытекающей из озера водой, как днища лодок заскрежетали по каменистому ложу. Мотор в тот же миг заглох, и стало ясно, что наслаждаться легким плаванием не придется.

Пришлось расцеплять лодки, браться за весла. Река растекалась на несколько рукавов. Застоявшаяся вода будто торопилась разбежаться по зеленой долине. И как ни старался я, стоя на носу лодки, отгрести веслом, но мы то и дело натыкались на песчаные мели.

Слава стонал, мотал головой, заводил под лоб глаза, как индийский фокусник, и уверял, что если так дело и дальше пойдет, то нам никогда не добраться до дома. Но я ничего не мог поделать. Тогда я стал выпрыгивать из лодки, чтобы столкнуть ее с мели. Но и тут Слава умолял меня не спешить, убеждая, что так я могу разорвать «Пеликан» пополам. Оказывается, «Пеликан» был старым, много походившим по рекам, латаным-перелатаным суденьшком. Тогда, чтобы облегчить лодку, я просто выбирался на берег и, срезая петли, уходил вперед пешком. Однажды, поджидая лодки, я выследил скачущего мне навстречу песка. Облезлый, черный, он бежал по зеленому берегу речки, выискивая леммингов, и я спокойно снял его на цветную пленку трехсотмиллиметровым «Таиром». Песец, не подозревая засады, выбежал ко мне на расстояние «портретной» съемки, но тут он заметил подплывающие лодки,

на миг застыл, а затем, взметнув хвост трубой, стремглав понесся в горы.

Когда мели пропадали, плыть, конечно, было завораживающим удовольствием. Иногда впереди возникали кусты. Мы удивлялись, откуда кусты в тундре. Но когда подплывали ближе, кусты приподнимались. Это вставали дикие олени, отдыхавшие у реки. Покачивая огромными ветвистыми рогами, вскинув голову, они пружинистым легким шагом неторопливо уходили в глубь равнины.

В эти первые часы плавания мы встречали немало оленей. Небольшие табунки их виднелись на вершинах желтоватых сопок, где они отстайвались на ветерке. Иногда олени паслись неподалеку от реки, не обращая внимания на проплывающие лодки. Впереди все время маячила стая гусей. Подпустив нас на выстрел, гуси взлетали и опускались чуть дальше по реке, будто решив поиграть с нами в догонялки. Так продолжалось на протяжении многих часов.

К полудню на западе обозначились удивительно синие облака. Час от часу они увеличивались, приближаясь, становясь все красивее. Вылезая из лодки, забираясь на холмики, я немало извел пленки, снимая лодки, плывущие среди желто-зеленой тундры на фоне этих облаков, в душе понимая, что приближение их не принесет нам добра. Но пока никто из моих спутников будто и не обращал на них внимания, решил помалкивать и я.

Было уже около четырех часов дня, в дороге мы были более восьми часов, за это время пришлось до мозолей поработать веслом, намаяться, stalkивая с мели лодку, немало побегать по тундре, облегчая плавание, и мне, одним словом, стало невтерпех. В носу «Пеликана» стояла здоровенная кастрюля супа, специально приготовленного для дороги. Пора бы, как мне казалось, пристать, развести костерок да подзаправиться. Но Командор, как теперь мысленно я величал Славу, недвижимо сидевший на корме, устремив взгляд вперед, ответил на мое предложение, что «они с Дядей привыкли плыть с утра до позднего вечера и только тогда есть».

Есть поговорка: «Со своим уставом в чужой монастырь не лезь». И все-таки я не выдержал. Я предложил устроить скорый обед сейчас, а потом плыть хоть до самой ночи. Без видимого удовольствия Командор уступил, но, вкусив горячего супца, конечно, повеселел. Развалившись у костра, Слава позволил нам чуток

и отдохнуть, отвести душу. Стоит ли говорить, что дальше плыть сразу стало интереснее.

Синие облака уже затянули полнеба, стеной поднявшись от горизонта. Потянуло холодком, как-то незаметно исчезли постоянно маячившие вдаль олени. Не стало видно и птиц. Природа будто затаилась. Вот-вот должно было что-то произойти. Пора было побеспокоиться и о ночлеге, а мы плыли и плыли дальше, затеяв бесполезную гонку с рекой и временем, оставляя позади удобнейшие места для стоянки.

Стемнело так, что берега стали почти неразличимы. Налетев в очередной раз на отмель, я выпрыгнул из лодки и черпанул в сапоги ледяной воды. С досады я махнул рукой и пошел по воде к берегу переобуваться. Тут-то и налетел первый шквал. Завыл, закружил ветер, поднимая пыль и высохшие травинки, хлестанули редкие капли дождя. Пришлось второпях разгружать лодки, ставить на ветру палатку. Хорошо еще, что, облачившись в дождевики, успели согреть ужин, вскипятить на костре чаю, выпить по кружке. Начавшийся ливень заставил поскорее забраться под крышу.

Ветер не унимался всю ночь. В тесноте спалось плохо. Легонькая летняя палаточка была для двоих. И утром, когда забрезжил рассвет, полог палатки продолжал все так же вздрагивать и трепетать. Намаявшись без сна, я выбрался наружу и вынужден был тут же зажмурить глаза. Повсюду лежал ослепительно белый снег. Пришла зима. И совсем по-зимнему буйствовал ветер. Холодный, ледяной, он так и норовил опрокинуть, сбить с ног. «Да, прав был Командор, что надо торопиться,—подумал я,—но как при таком ветре плыть на наших надувнушках? Да еще при таком собачьем холоде?»

Ища от ветра спасения, я ушел под склон небольшого ледника. Тут было тихо, и я подумал, что неплохо было бы перенести сюда палатку да переждать здесь несколько дней, пока не кончится этот ураганный ветер. Бродя под ледником, я отыскал кайло. Кто-то и здесь успел побывать. Рядом с нашей палаткой на мысу я уже обратил внимание на кольшки от чужой палатки. Но заниматься расследованием не пришлось. Харитонов выбрался из палатки и, натягивая ватные брюки, подозвал меня к себе.

Вместо запланированных восьмидесяти мы прошли всего лишь двадцать километров. Отсиживаться в затишье он наотрез отказался. Надо было торопиться, плыть дальше во что бы то ни стало, так он считал.

Ледяные брызги летели в лицо. Ветер прижимал лодки к берегу, загонял их на отмели. Приходилось подолгу брести по колено в воде, пока удавалось вывести их на стремнину. С трудом давалась каждая сотня метров. Но речка от дождей и влившихся в нее ручьев пополнела. Иногда удавалось запустить мотор. Тогда мы цепляли на буксир шлюпку, метров двести тащили ее за собой. А затем винт чиркал о камень, мотор взывал—рвалась шпонка. Приходилось глушить мотор, ставить новую шпонку. Но в это время связанные лодки непременно начинало тащить к каменной гряде. Я становился на носу, надеясь энергичным гребком весла увести «Пеликан» от камней, но и Дядя тоже брался за весла, имея целью спасти шлюпку. В результате в самый неподходящий момент одна из лодок дергала другую, тянула за собой или разворачивала поперек течения. Слава с проклятиями хватался за весло, вина во всем, конечно, меня. Но в этой ситуации выйти из лодки и уйти вперед было уже нельзя. Плавание становилось напряженным.

К обеду ветер стал стихать, плыть стало чуть легче, поспокойнее стал и Командор, но река еще не вошла в единое русло, и мы нередко заводили с Дядей спор, в какой из рукавов править. Однажды, пока мы препирались, лодки швырнуло в бурлящий поток, где, как острия ножей, торчали черные камни. Проскочить, не повредив лодки, в первое мгновение показалось невозможным.

— Куда!—протяжно закричал Слава, но крик его потонул в реве воды. Дороги обратно уже не было. Осталось одно: нестись вперед, умудряясь лавировать между камнями.

Ударившись бортом о валун, отлетели к другому, лодку накренило, еще миг, казалось, и пенный поток перевернет, потащит нас по камням. Счет времени шел на доли секунды, и тут Слава остался без весла. Краем глаза я видел, как, опершись им на валун, пытаюсь оттолкнуться, он напрягся, и ручка весла надломилась, как спичка. Еще я успел заметить его округлившееся от ужаса глаза, но появившаяся свобода действий дала мне возможность сделать то, что нужно: накренив лодку, оттолкнуться от одного камня, отгрести от несущегося навстречу другого... и «Пеликан» вырвался из западни. За нами вылетела и шлюпка с Дядей.

Теперь отчитывать меня было не за что, и Слава молчал. Я понимал, что он наконец-то поверил в меня, и плыть стало спокойнее. Но от моих советов разъеди-

нить лодки перед перекатами он отмахнулся. Без Дяди, объяснил он, когда его нет рядом, плыть скучно.

Погода налаживалась. Ветер совсем стих. Засветило солнце, и прямо-таки на глазах тундра стала темнеть. К вечеру снег повсюду растаял. На этот раз на обед не останавливались. Река входила в русло, становилась глубже, все дальше удавалось идти под мотором, хотя шпонки по-прежнему летели одна за другой. В тот день мы их сменили восемнадцать штук. Под конец мы совсем увлеклись, шли до самой темноты. Однако на почевку встали всего лишь в восьмидесяти километрах от озера Эльгыгытгын. Река отыграла у нас половину намеченного, и было мало надежды, что когда-то нам удастся наверстать упущенное.

Спать я решил у костра. В палатке тесниться не хотелось. Небо было ясным, дождя не обещало, ночь можно было проспять и в кукуле. Геологический спальник был легким, непромокаемым, теплым. Я расстелил его у костра. Неподалеку шумела река на перекате, потрескивая, догорали веточки багульника. Темнота вплотную подступала к костру, а над головой все ярче разгорались звезды, заставляя размышлять о мирах, разбросанных в бескрайних просторах Вселенной. «Вот так и надо жить,—решил я для себя на будущее.—А не то и жизни реки по-настоящему никогда не узнаешь». Поворочавшись, незаметно уснул—как в яму провалился.

Проснулся я от диких пронзительных воплей. Придя в себя, лежа на берегу в застегнутом наглухо мешке, я сразу же подумал о шатуне—белом медведе. «Пришел-таки,—пронеслась в голове тревожная мысль.— Душит уж, верно, кого-то». Мое положение было не блестящим—оружия никакого...

Дернуть молнию, вмиг приподняться хватило мгновения. Готовый выскочить из мешка и бежать, я с облегчением рухнул обратно. Тоскливо-пронзительными голосами кричали птицы. Две большие чернозобые гагары плавали в воде в нескольких шагах от спального мешка. За ночь кукуль, как и перевернутые вверх днищами лодки, покрыло инеем. Птицы, видимо, и думать не могли, что в таком заиндевевшем кукуле может скрываться человек.

В ногах, чтобы не замерз за ночь, у меня лежал фотоаппарат с трехсотмиллиметровым объективом. Всегда осторожные, птицы были на этот раз совсем рядом. Вот было бы удачей их заснять! Красивые черно-белые мундиры гагар отражались в зеленоватой

воде. Отчетливо было видно, как стекали с острого, как шило, черного клюва прозрачные капли. Еще было немного, и я успел достать фотоаппарат, но птицы пришли в себя раньше. Ударили крыльями по воде, окропив мне лицо холодными брызгами, и, высоко подняв шею, оторвались от зеркальной глади и полетели, гогоча, словно удивленно переговариваясь друг с другом.

Погода выдалась ясной, тихой. Солнце уже поднялось и обещало вскоре пригреть. Обсыпавшись инеем, я выбрался из мешка, отряхнулся и с интересом оглядел незнакомый пейзаж — на ночевку-то вставали в темноте!

Желтая палатка стояла среди кустов голубики. Темные ягоды, прихваченные морозцем, съезжились, но были вполне съедобны и нежны на вкус. Вокруг простиралась все та же холмистая, зеленовато-желтая тундра. Неподалеку паслись олени — три самки с двумя оленятами. Переходя с места на место, пощипывая мох и осматриваясь, они медленно приближались к реке. Я замер, прислонясь спиной к берегу, и долго просидел так, наблюдая за оленями и много раз их сфотографировал. Животные вышли на берег, посмотрели в мою сторону. Как я был рад, что они не бросились от меня прочь, а, не торопясь, как бы признав за своего, прошли вниз по берегу и переправились через речку. Не хотелось пугать их, нарушать гармонию первозданного мира.

В восемь в палатке заиграла музыка. То проснулся Командор. Без транзисторного приемника в тундре он жизни не представлял. И слушал его всегда перед сном и во время побудки. Завтрак у меня уже был готов, можно было начинать сплавляться. Но Слава неожиданно объявил, что всё: торопиться нет смысла. Я не верил своим ушам. Неужели начинается спокойная и интересная жизнь? Да, говорил Слава. К чему куда-то мчаться, когда вокруг такая красота! Надо походить по окрестным озерам, произвести сбор водорослей, а заодно и поохотиться.

Рыба у Дяди не ловилась, сколько он ни закидывал блесну спиннинга. И с лодки, и с берега. Хотя нередко у нас перед носом шумно выпрыгивали из воды, ударяя хвостом, довольно большие рыбины. Свежатинки поэтому у нас не было, но консервов и прочих продуктов хватило бы на несколько дней. Об этом, исполняя обязанности кашевара, я хорошо знал.

— Может, не стоит охотиться, — сказал я, припод-

няв мешок с продуктами и тряхнув им. — Вон сколько всего у нас!

— Мало, — отвечал Слава, — а оленей мы видим здесь в последний раз. В горах олени встречаться не будут. Лучше запастись мясом сейчас.

Я понимал, что руки ему жгла лицензия на отстрел, полученная в связи с тем, что улетать мы должны были с ограниченным запасом вещей и продуктов — все из-за этой запасной бочки с горючим, но удерживать больше не стал.

Несколько часов понадобилось Харитонову, чтобы осмотреть окрестные водоемы, собрать образцы водорослей и добыть оленя. Дядя все еще безуспешно закидывал и закидывал в речку спиннинг, и разделять оленя Слава предложил мне. Пришлось с его ножом отправиться в тундру. Олень был красивым, молодым, темношкурый. Мне было жаль его. С собой мы могли взять только часть туши, все остальное доставалось песцам да рососохам. Не по большой необходимости, не умирая от голода, убили мы этого оленя. Но в моем ли положении было перечить: ведь навязался же в экспедицию, не уговаривали меня ехать, а тут еще и ворчуном сочтут.

Мясо оказалось вкусным. Мы развели костер побольше, истратив последние дровишки, приготовили жаркое, заварили крепкого чаю, не торопясь, отвели душу. И стали собираться, решив непременно дойти до кустарников, где только и могли посидеть у огня. С полярной тундрой мы должны были распрощаться через несколько часов.

Шлюпку накрепко привязали к «Пеликану». Хотя впереди был пережат, но даже мне он показался неопасным. Я договорился со Славой, что пройду пешком вперед, чтобы сфотографировать момент, когда караван будет одолевать этот пережат.

Светило яркое солнце, и всё — лодки, вода, камни с белыми бурунами — выглядело очень эффектно. Пережат был преодолен с легкостью, я едва успел сделать пару кадров. Сил у реки прибавилось, скорость течения возросла, лодки несло, как пушинки. Слава не без труда сумел подвернуть к берегу, и, когда я прыгнул в «Пеликан», сразу же отчалили. Течение подхватило караван.

Впереди, справа, начинались серые отвесные скалы. Основной поток реки устремлялся к ним, там было глубоко, мотор исправно работал, и я принялся, не видя причин для волнений, перезаряжать пленки в аппарате.

Опасность, на мой взгляд, могла быть дальше, когда вынесет на мелководье, тут уж надо смотреть в оба. Но все оказалось иначе.

Увлечшись перемоткой пленки, бросив взгляд в сторону, я обратил внимание на то, что поток воды стремительно несется мимо скал, а мы будто стоим на месте, хотя мотор продолжал работать в полную силу. И только когда он заглох, предварительно взвыв, а в наступившей тишине стало слышно шипение воды, я понял, что случилось что-то страшное.

Встав и обернувшись, я увидел вначале Дядю, который, раскинув руки, то ли отталкивался от скалы, то ли пытался влезть на нее. Оранжевую нашу спасательную шлюпку с принайтовленным к ней грузом течение вбило в небольшую выемку скалы и прочно удерживало там. А красный нейлоновый шнур, протянувшийся от носа шлюпки к розовой лопасти «Пеликана», напрягшись, как струна, удерживал его на стремнине, как коня, пойманного за хвост. Зеленоватая вода, заглушив мотор, мощным потоком вливалась через корму в лодку. Слава был уже по пояс в воде, шарил рядом с собой рукой.

— Нож... где нож? — кричал он, остервенело ругаясь. Этим ножом я разделял оленя, вернувшись, отдал Славе, он положил его рядом с собой, вместо того чтобы сразу же вложить в ножны. А теперь...

— Эх, Дядя, тонем же, — причитал Слава, все еще не отыскав нож, который только и мог нас спасти. Стоило перерезать шнур, и мы бы благополучно ушли от опасного места, а теперь... Я поднял сумку с аппаратами, готовясь прыгать за борт. Как глупо все получилось! Конечно, не утонем, вода выбросит на берег, но удастся ли удержать сумку с аппаратурой? Ведь только началось плавание, а теперь даже если и спасу фотоаппараты, то снимать они уже не будут до тех пор, пока не побывают в мастерской. Не везло. Год назад сгорели в экспедиции на полуострове Таймыр все отснятые пленки и аппараты. И вот теперь опять. Все это мгновенно пронеслось в голове. Вода уже наполнила лодку, пора было и нырять. И тут я отчетливо увидел совсем близко небольшой выступ на скале. К нему подносило нашу лодку. Не размышляя, радуясь тому, что есть возможность сохранить сухими фотоаппараты и пленки, я сделал шаг и оказался на скале. На небольшой приступочке в нескольких сантиметрах от стремительно несущегося потока. Приступочка держала, сумка с фотоаппаратами не побывала в воде, а

лодка, которую на стремнине водило, словно маятник на туго натянутом шнуре, уже была от меня далеко. И тут Слава отыскал нож. Он остервенело ударил им по нейлоновому шнуру, тот лопнул, и «Пеликан» вместе со Славой в мгновение ока унесло из поля моего зрения. Еще через несколько секунд от скал отвалила и шлюпка, в которой, подняв руки, молчаливо замер Дядя. Поток подхватил ее и тут же унес. Я остался один в полуметре от бушующего потока, не имея никакой уверенности в том, что меня когда-нибудь снимут отсюда.

Слишком сильным было течение, слишком слабым наш моторчик, на приступочке я не мог ни сесть, ни даже поставить рядом сумку. Надо было что-то предпринимать. И я стал подыскивать для начала место поудобнее для ожидания. Ведь неизвестно, сколько мне предстоит тут пробыть.

Еще утром я обратил внимание, что скалы все в осыпях. Но, к моему удивлению, снизу они оказались плотными. Где помогая себе рукой, где упираясь ногой, я начал подниматься выше и добрался до небольшой ровной площадочки, где можно было не только сидеть, но и улечься. Мне бы задержаться тут, дожидаться товарищей, но в каком-то радостном азарте, что удалось спасти фотоаппараты, выбраться с отвесной скалы, я полез дальше. Товарищам, ясно, сейчас не до меня, пусть и занимаются своими делами, выберусь как-нибудь сам. Так я думал, взбираясь на каменистую осыпь.

С широкоформатным аппаратом на груди, держа в руке кофр, эту тяжеленную сумку с аппаратом и несколькими объективами, я забрался по осыпи на высоту трехэтажного дома. Хотел было тут остановиться и передохнуть, как осыпь неожиданно пришла в движение. Не до конца осознав опасность, оттапливаясь от ускользящих камней, я продолжал подниматься вверх. Но вслед за нижними пришли в движение и верхние ряды камней и покатались мне навстречу. Я едва успевал уворачиваться, а скорость каменного потока нарастала.

«Попался, — промелькнуло в сознании. — Тут уж не выбраться». Я даже представил, как рухну в реку с проломленным черепом или сломанной рукой и поток, вращая меня, как куклу, потащит в глубину. Выплыть, спастись — тут уж надежд не оставалось. Не раздумывая, я поставил сумку с фотоаппаратами на какой-то камень — в начавшейся борьбе за жизнь она только

мешала. Камень тут же поехал вниз, и краем уха я слышал, как с особенным звуком, брэнча, покати́лась вниз и сумка. Я даже различил, как в общем грохоте камнепада она удари́лась о воду, но пожалеть дорогие аппараты не было времени.

Избавившись от сумки, я сразу же почувствовал себя свободнее, будто прибавилось сил. Я увернулся от одного, от другого камня, тяжело катившихся на меня сверху, но третий все-таки задел, ударил по ноге. Боль была терпимой, я продолжал упрямо стремиться вверх. Тонюсенькая веточка какого-то растения спускалась вниз, будто протягивала руку. Я рвался к ней, но камни уходили из-под ноги вниз, и временами я напоминал собой муху, бьющуюся на липучке.

Рывок в сторону от катящегося валуна. Пропустив его, сразу же делаю упор на соседний, еще не начавший двигаться камень и, толкая его вниз, вцепляюсь в веточку из последних сил. «Не выдержит — конец!» Но тонюсенькая веточка держит. Не долго, но этого оказывается достаточно для того, чтобы успеть перенести тяжесть тела на другую ногу, опереться о камень, который тут же уходит вниз, и вцепиться рукой в дерн. Теперь подтянуться... и все... Спасен!

Чуть отдохнув, я уползаю от гиблого места. Сажусь. Ноги дрожат. Весь мокрый. Пот прошиб, как в парилке. Отираю лоб. Аппараты на дне, а я готов хохотать от счастья. До чего же, оказывается, прекрасна жизнь! До чего красиво это голубое небо! Это солнце! Эта рыжая тундра и река, что так резко бежит подо мной. Страшно чешется вспотевшая голова, и, не боясь показаться смешным, я встаю, запускаю обе руки в волосы и чешу затылок, как год не мывшийся человек.

Озирая окрестности и продолжая восхищаться красотой пейзажа, как вернувшийся с того света, я не мог не отметить, что две человеческие фигуры стоят не там, где им надлежало быть: у лодок. А они стоят как раз напротив того места, где только что съпались камни и где я, прощаясь с жизнью, взбирался наверх. Да, это были они, мои товарищи. Стоит во весь рост и смотрит в мою сторону Борис Михайлович, а Слава... Почему-то он сидит. Руками зажал уши и в мою сторону совсем не смотрит.

— Эй, Слава! — крикнул я что есть мочи. — Брось переживать. Вставай. Все в порядке.

Но Слава продолжал сидеть, ничего не слыша и, должно быть, зажурившись, чтобы не видеть жуткую

картину падения человека со скалы. Потом я узнал, что, услышав шум камнепада, приятели сразу почувствовали неладное. Побежали вдоль берега к этому месту и увидели меня барахтающимся на осыпи среди срывающихся вниз камней. Но что они могли сделать, чем помочь, стоя на противоположном берегу реки?! Слава в бессилии замычал, а когда увидел полетевшую вниз сумку с фотоаппаратами, как рассказывал Дядя, опустился на землю, отвернулся и закрыл уши руками. Так и сидел, пока Дядя не догадался по моему сигналу потрепать его по плечу, сказать, чтобы вставал, что все в порядке. Только тогда он обернулся, увидел меня на скале целым и невредимым и без улыбки тяжело, как большой старик, поднялся, опираясь рукой о землю. Он покачал головой и, больше не взглянув на меня, направился к лодкам. Случись что со мной, вся тяжесть вины, конечно, легла бы на его плечи, но на этот раз судьба пощадила нас.

Пребывая в радостном возбуждении, не в силах усидеть на месте, но и не зная, оставаться ли мне здесь либо самому подыскивать место для спуска и переправы через речку, я ходил взад-вперед по бережку, когда с высоты обрыва увидел в воде свою сумку. Как, почему она не утонула, я до сих пор понять не могу. Ведь в ней был фотоаппарат и тяжеленные телеобъективы. Но сумка, покачиваясь на волне вверх дном, держалась на воде, как поплавок. И что странно, мощное течение не унесло ее, а загнало в единственную, наверно, в этом месте укромную заводь и не позволяло оттуда выбраться.

— Слава! — сделав рупором ладони, закричал я что есть мочи. — Моя сумка здесь, под берегом. Она не утонула. Подплывите сюда.

Сразу вспомнилось, что помимо пленок и фотоаппаратуры в сумке документы, деньги на обратную дорогу. Продержаться долго на плаву она не сможет. И если утонет на том же месте, то и тогда ее вряд ли можно будет достать. Под скалами всегда большая глубина. Но Слава и Борис Михайлович на мой призыв не прореагировали, будто и не слышали его. Раздевшись до трусов, со степенной деловитостью домохозяек они раскладывали на гальке вымокшее белье, спальные, придавливали камушками какие-то бумажки.

— Карты! — крикнул я, ударив себя по лбу. Перед отплытием Слава попросил меня положить их, как в самое надежное место, в мою сумку. Если сумка утонет, без карт мы как без рук.

Как был в трусах, альголог ринулся к «Пеликану», с одного рывка запустил вымокший мотор и, с трудом преодолевая течение, поплыл к указанному мной месту. Сумка была спасена. Я ликовав: все оказалось в целостности, и на радостях, желая освободить друзей от забот, прошел по берегу в обратную сторону, благополучно спустился со скалы и, подняв голенища сапог, решил преодолеть речку вброд. Сделав шаг и второй, дойдя почти до середины, я вдруг почувствовал звериную мощь реки. Тугая вода неслась с такой силой, что, сделав я шаг еще, и меня бы, как щепку, завертело в водовороте. Я растерялся, застыв посередине с блуждающей на губах улыбкой, а на самом деле будучи прикован к месту внезапно навалившимся страхом перед рекой, в которой я распознал вдруг смертельного хищника вроде удава, в любую минуту способного без всякого сожаления меня задушить, как мышь.

— Куда? Назад!—орал, ругаясь, Слава, в резиновых сапогах и трусах, с развевающимися рыжими волосами мчался ко мне по другому берегу. Для убедительности он еще и грозил мне здоровенным кулаком.—Назад и ниже по течению! Там вас заберем. И прошу вас, больше не экспериментируйте.

Я повиновался. Да, шутить с рекой нельзя. Все время надо быть начеку, готовым к опасности, а я только теперь, кажется, по-настоящему вник в это. По сути плавание только началось, а сколько испытаний пришлось вынести! Впереди Леоновские пороги, отмеченные на всех картах. Каково же там придется!.. Как мне вдруг захотелось оказаться сейчас дома. Оставить все и уехать. Окажись рядом вертолет, не размышляя, улетел бы с ним. Я даже стал проигрывать мысленно вариант возвращения обратно пешком. К тем рыбакам на озеро Эльгыгытгын. Так не хотелось мне продолжать это плавание.

— Шок. Так бывает,—успокоил Слава.—Пройдет. И пороги одолеем, но только, чур, давайте договоримся. Из лодки, что бы в дальнейшем ни случилось, на скалы не прыгать!

— И перекаты в связке не проходить,—счел нужным в свою очередь напомнить я.

В итоге нашего столкновения со скалой размок хлеб, вермишель и сигареты пришлось выбросить. Смыло резиновый клей, утонул фотоаппарат Славы. Пропала планктонная сеть. Из моих фотоаппаратов невредимым остался один, который во время начавшегося потопа висел у меня на шее. Все остальное

побывало в воде. Как я ни пытался вылить воду из длиннофокусных объективов, сделать это так и не удалось. Она осталась между линзами. Для съемки зверей и птиц я оказался обезоруженным. И если раньше я мечтал пройти эту реку не торопясь, то теперь думал только о том, чтобы побыстрее закончилось это путешествие.

Пока солнце не спряталось за облака, мы сушили вымокшие вещи на берегу, а затем стали собираться. Надо было плыть дальше. Здесь мы не имели возможности погреться у огня, дровишек у нас уже не было. С чувством страха перед рекой садился я на свое место в лодке. Но Энмываам приняла нас милостиво. Русло ее, как только прошли прижим, доставивший нам столько неприятностей, распрямилось, стало напоминать канал, созданный руками человека. Дно было идеальным—ни одного опасного валуна, сплошная голубовато-серая галька. Мотор работал с каким-то упоением, ни разу не чихнул. И страх мой начал постепенно проходить. Мы быстро миновали предгорье и вошли в теснину Илirianского края.

ВО ВЛАДЕНИЯХ СНЕЖНЫХ БАРАНОВ

Задолго до подхода к ущелью мы услышали шум переката. Слава сам, без напоминаний, остановил лодку, отвязал шлюпку с Дядей и пустил его вперед. Мы тронулись было следом, но тут альголог заметил белую пену у поворота. «Вот так валзло!—радостно вскричал он, забыв про утопленный фотоаппарат и все остальное.—Вы даже не представляете, сколько ценного материала содержится в этой пене!» Быстро наполнив пробирки, он повел лодку к ревевшему перекату.

За ним вода ударялась о скалы и поворачивала почти на девяносто градусов, тут следовало смотреть в оба. И как раз тогда, когда нас понесло к огромным валунам, едва выплывшим из воды, моторчик заглох. Я взялся за весло, а Вячеслав перевернул мотор и стал заменять на винте треклятую шпонку. Не имея на привязи тяжелой шлюпки, я довольно легко увел «Пеликан» от опасного места. И выполнил это так ловко, что страх мой перед рекой вмиг улетучился. Я опять поверил в себя.

Только теперь я понял по-настоящему значение слова «сплавляться». Река заметно шла под уклон, и мы неслись по ее упругой поверхности, как на санях с ледяной горы.

Скалы вздымались по обеим сторонам потока на многие десятки метров. Ощущение было такое, будто мы вошли в гигантский храм и непрерывно переходим из одного зала в другой. Цвет скал постоянно менялся, и я жалел, что солнце скрылось за горизонтом и съемка при слабом призрачном свете уже невозможна. Слева, на высоте полутора десятков метров от воды, я заметил сухие ветви в нише скалы. Белые следы помета указывали, что гнездо принадлежит крупному хищнику. И тут же в небе над нами появился силуэт парящего сокола. Трудно было определить, кто это: сапсан или кречет. Но Командор сидел на корме с отрешенным видом, глядя вперед, и я не рискнул попросить пристать к берегу. Так, без остановок, мы шли и шли по реке. И только стгутившиеся сумерки заставили Славу подумать о ночлеге.

Скалы в этом месте расступились, и на берегу росли кусты ольховника. Это были первые кустарники на нашем пути. Можно было запалить костер, отогреться и выпить чайку.

Слава весь как-то посерел. Он сказал, что у него начинается головная боль, достал таблетки и на четвереньках пополз в палатку. Ужинать он не стал.

— Плохи дела,—покачал головой Дядя, когда мы остались одни перед костерком.—Как бы вновь у него не началось, тогда несколько дней не встанет.

— Разве он болен?—удивился я, имея мнение о Харитонове как о переполненном силой и здоровьем молодце.

— Э-э, куда там,—махнул рукой Дядя.—В жизни ему привелось немало всякого перенести, другой бы на его месте вряд ли бы плавал и забирался в такие углы, а он...—и тут он рассказал мне о Славе такое, что я стал смотреть на него не иначе как с уважением.

За недолгие тридцать лет Вячеславу пришлось побороться и за жизнь, и за верность избранной профессии. В двадцать лет при пустяковой прививке ему был занесен какой-то микроб, и рука отнялась, ее парализовало. Нежданно-негаданно имевший большие планы студент становится инвалидом. Многие месяцы колдуют над рукой врачи, но она продолжает оставаться недвижимой. Наконец признаются—надежды нет. Но Вячеслав не желает с этим смириться. Ездит от одного врача к другому, настойчиво продолжает искать специалиста. И все-таки находит таких врачей, которые не сразу, но помогают. На это ушло два года. И вот рука заработала, он смог вернуться к прежней жизни.

Без размышлений Слава сразу же возвращается к альгологии. Он отправляется в Магадан, устраивается на работу в Институт биологических проблем Севера и приезжает в Марково.

Несколько лет он разъезжает по Анадырю и его многочисленным притокам, собирая интереснейший научный материал о водорослях Анадырского бассейна. Друзья прочат ему кандидатскую диссертацию, но опять нежданно-негаданно лодку его утаскивает под затор. Остановился в самый неподходящий момент мотор, и Слава уже ничего не мог сделать.

Он помнил, как, оказавшись под водой, влекомый сильным течением, боролся, не раз пытался выбраться, всплыть вверх, вдохнуть глоток спасительного воздуха, но всякий раз наткался головой на корявые бревна, коряги, пока совсем не потерял сознание.

Он очнулся, лежа в воде на отмели. Жив остался потому, что река выбросила его лицом вверх. Казалось бы, хватит. С работами на реке, да еще такой своенравной, как Анадырь, надо кончать. Не стоит более испытывать судьбу. Но Вячеслав продолжал собирать все новые образцы водорослей. Наконец намеченная работа была выполнена. Пробирки с образцами заняли огромный чемодан. С этим чемоданом Слава приехал в город, добрался до своего института. Оставалось дозвониться до начальства, выписать пропуск.

Привыкший за время жизни на Севере к царящей тут порядочности, альголог и не подумал прихватить чемодан с собой. Уходя звонить, он оставил его у дверей. А к чемодану, как рассказывали потом свидетели, подошли двое парней, с ними вроде и девушка была. Они подняли чемодан, как свой, и унесли. Харитонova едва инфаркт не хватил.

У следователя было предположение, что за Харитоновым воры следили от самого аэропорта, беря в расчет, что бородатый парень летит с огромным чемоданом из самого Магадана. Была надежда, что, увидев пузырьки с водой, они одумаются, подкинут чемодан. Но «порядочными» жулики, как оказалось, только в приключенческих книжках бывают. Чемодан так и не был найден. А за халатность в дополнение ко всему Харитонов получил выговор. Но, как признавался, был рад тому, что не уволили, вовсе с альгологией не разлучили.

Не теряя больше на материке времени, он возвращается назад, в Марково. И с удвоенной энергией принимается за работу. Все пришлось начинать сначала. И

вот, когда дело близилось к завершению, в попутчики к нему навязался я — «искатель приключений». Теперь я понимал, что, когда он увидел меня на скале вот-вот готовым сорваться, хороня мысленно меня, он хоронил и себя, и свою научную карьеру. Немудрено, что к вечеру он слег. Я постарался не мешать — все, что мог в ту минуту сделать. Взял спальник и ушел отдыхать на берег.

Лежа под кустом ольхи, оставшись в одиночестве, я невольно вспомнил белого медведя, из-за которого я оказался в этих краях. Неужели он так и не встретится, и я не увижу его грязно-белую шкуру? Вот уж было бы обидно!

...Едва проснувшись, я увидел на гальке лежавший рядом со спальником огромный изогнутый, с зазубринами рог. Подумалось, что он когда-то принадлежал вожаку снежных баранов, предводителю большого стада. Сколько раз, отстаивая право быть вожаком, скреживал он свои рога в битвах с соперниками. Горделиво поводил ими, стоя на вершине скалы, и вот нет уже этого чубука, или толсторога, как еще называют снежных баранов. Куда он делся? Убит ли охотником? Или разбился в пропасти, убегая от волков? И как попал сюда этот рог? Большим подарком он мог оказаться для мастера — резчика по кости. Но мне невозможно было загружать и без того постоянно протекающую лодку. Слава сидел на корме по щиколотку в воде. Заклеить дыры было нечем. Я решил оставить находку на том же месте для другого путника. Но рог мне подсказал, что мы входим во владения снежных баранов. Так оно и оказалось.

Слава оклемался за ночь. Не очень бодрый, он вышел из палатки и решил, что надо следовать дальше. Задерживаться в нашем положении было опасно. Поскорее нужно было выходить к людям. В сером предутреннем сумраке мы начали сплавляться, а в дороге Слава совсем повеселел.

В пробуждающемся дне на синеватой скале одного из ущелий мы внезапно увидели горделиво застывшего снежного барана. Серой шерсти, с завитками огромных рогов, тот неподвижно стоял на скале в нескольких десятках метров от нас и, склонив голову, наблюдал за лодкой с людьми, плывущими по зеленоватой воде внизу, на дне ущелья. Он так и не шелухнулся, пока мы проплывали мимо и переговаривались, рассуждая о его силе и грациозности.

— Нам жец-то довелось увидеть, — улыбался Хари-

тонов. Слышать мне это было удивительно. Столько лет на Чукотке, в каких уголках только ни был, а снежного барана встретил впервые.

Но это было именно так. Видимо, весьма редким стал этот когда-то распространенный здесь зверь. Вскоре мы заметили еще одного красавца рогача, покойно возлежащего на вершине сопки. И этот чубук не обратил на нас внимания, не встал и не пустился бежать при виде лодок. Должно быть, люди редко появлялись в этих горах, и снежные бараны не привыкли считать их своими врагами.

Наконец мы выбрались из ущелий Илirianейского кряжа. Перед нами расстилалась долина, устланная побелевшим от времени галечником. Видимо, в паводки она покрывалась водой, сейчас же река здесь разделялась на несколько небольших рукавов.

Справа поднимались коричневые скалы, перед которыми высились напоминавшие скульптуры с огромными головами останцы. На скалах расположилось небольшое поселение серебристых чаек. Возможно, тех самых, что залетают на озеро Эльгыгытгын. Я приметил, что какие-то белые птицы снялись со скалы и стремительно поспешили скрыться. Полет их отнюдь не напоминал полета чаек. Надо бы побывать у птичьего базара, осмотреть его. Но кормчий сидел мрачный и смотрел вперед. В лодке опять было полно воды, ноги у него от этого постоянно замерзали.

Надо было решать, в какую протоку править, а тут одна за другой начали на нас пикировать серебристые чайки. Где-то неподалеку, видимо, были их птенцы. Птицы будто взъярились. Отлетев, они забирались повыше против солнца, задерживались там, прицеливаясь, и, сложив крылья, бесстрашно падали вниз на наши головы. Слышно было, как ветер свистит в крыльях, когда они с шумом проносились, едва не задевая голову. Приходилось на всякий случай пригнаться. И мрачный альголог не сдержался. Схватил ружье и двумя точными выстрелами сразил изготовившихся к нападению чаек.

Птицы застыли в воздухе, словно удивляясь тому, что такое возможно: умирать в воздухе, в такой прекрасный и солнечный день, и, сложив крылья, окровавленными пали на гальку с такой силой, что тела их дважды подбросило.

— Ишь, разошлись. Пусть попробуют теперь помешать, — равно хохотнул Слава. Птицы и в самом деле смолкли и осторожно кружили в стороне. Но тут же

внт чиркнул о камень, полетела шпонка. Пришлось останавливаться, поднимать мотор, менять шпонку. Я припомнил, что шпонки не летели у нас с тех пор, как мы плыли при ледяном ветре.

— Хотите сказать, что это мне природа отомстила,— усмехнулся альголог. Конечно, тут была не месть природы. Стреляя, Слава отвлекся, не заметил камня, но мне не хотелось больше быть свидетелем подобных сцен. И я сказал, что да, так считаю.

— А тогда, когда едва не потонули, что же это, по-вашему, из-за убитого оленя?

— Конечно,— без всякой усмешки ответил я.

Слава расхохотался, но больше уже на живое, хотя и соблазны были, ружье не поднимал. И с тех пор, поверит ли в это читатель или нет, шпонки больше у нас не ломались, мотор работал как часы, и единственное, от чего мы по-прежнему страдали, так это от воды, просачивающейся в лодку. Но тут уж Слава был сам виноват. Должен был захватить запасной тубик с клеем да хранить его получше.

Весь день ушел на преодоление долины. Река здесь обмелела, течение ослабло. Пришлось расцепляться, плыть на веслах, а иногда и впрягаться в лямку, тащить лодки против ветра. На ночевку встали у сопочки столь золотистого оттенка, что издали да при низком солнечном свете ее можно было принять за вылезший из земли гигантский кусок золота. Рядом была сопочка, которую без особой натяжки можно было назвать серебряной.

Утром, пока друзья спали в палатке, я отправился поглядеть на сопки. Подойдя к берегу реки, на вершине «золотой» сопки я приметил снежного барана. Он отдыхал. Нас разделяло не более пятидесяти метров. Наверное, я мог бы подойти и ближе, если бы река здесь вновь не соединялась в единый поток, одолеть который было трудно.

Снежный баран встал. Как козел, пригнул голову и, поднявшись на задние ноги, ударил передними по земле и задиристо посмотрел на меня. Как пожалел я, что в телеобъективе все еще плескалась вода! О таком кадре можно было только мечтать. Мне рассказывали таймырские охотоведы, как тяжело им было выследить этих осторожных животных в горах плато Путорана, как трудно было сделать их снимки, а тут редчайшее явление природы само просилось в кадр.

Не желая пугать покорителя снежных гор Чукотки, я не нашел ничего лучшего, как проблеять в ответ:

«Бя-а-ша, хороший баранчик». К моему удивлению, это подействовало. Я давно заметил, что ласковое обращение никогда не вредит, а в установлении дружеских отношений с животными только помогает. Снежный баран вначале удивленно и настороженно посмотрел на меня, а затем пригнул голову и сделал несколько игривых прыжков, как будто приглашая меня с ним поиграть, пободаться. Я растерялся. Прием этот был мне знаком. В детстве мне доводилось пасти молодых козлят, и они нередко точно таким же образом приглашали меня «на турнир». Я соглашался, вставал на четвереньки и пригибал лоб, но однажды получил такой удар, что искры буквально посыпались из глаз. И это от козленка! С бараном играть я бы не решился. Пусть поищет себе другого товарища. На всякий случай я опять сказал: «Бя-а-ша, иди, иди себе, гуляй». Но баран сделал еще несколько таких же пригласительных прыжков, и, честно говоря, я порадовался, что нас разделяет водяной поток.

Не дождавшись ответного жеста с моей стороны, снежный баран, кажется, даже немного обиделся. Он повернулся и спокойно, не прыгая, взобрался на вершину соседней, «серебряной», сопки и улегся там отдыхать.

Мои попутчики, вставшие, как всегда, в восемь, когда на костре кипел чайник, жарилось мясо и доваривалась кастрюля супа, которую мы брали с собой в дорогу, рассказу моему, конечно, не поверили. Мыслимое ли дело, чтобы снежный баран сам шел навстречу охотнику да еще предлагал пободаться? За долгие годы съемки зверей и птиц я не раз попадал в подобные ситуации, когда слушатели, ухмыляясь, не скрывали своего полного недоверия к тому, о чем рассказывалось. Но тем-то охота с фотоаппаратом и хороша, что есть возможность показать снимок, а то и серию снимков, где все до последнего движения зафиксировано. Но здесь все, что я мог, так это предложить Славе прогуляться к «серебряной» сопке. Снежный баран, возможно, еще отдыхал там. Кто знает, может он и с ним захочет «пободаться».

Харитонов сходил, не поленился, но я совсем позабыл предупредить, чтобы он не брал с собой ружья. А он взял. И баран ему не повстречался. Видимо, они тоже были «ребята не промах» — знали, с кем поиграть, а от кого спастись.

— Как это вы ему сказали? — долго, ухмыляясь, все переспрашивал он. — «Бя-а-ша»? Надо запомнить.

Может, придется когда повстречаться. А что, я бы попробовал. Пободался...

А на горизонте опять маячила синяя горная гряда. Где-то там простирались грозные Леоновские пороги, и Скалистый ручей все убыстрял свой бег, словно торопясь добраться до них, буйно-весело поиграть, побороться, вскинуть к небу белую пену, да и наши лодки впридачу.

Только через них лежал путь к речке Мухоморной, где находилась метеостанция, единственное на нашем пути поселение людей. Только там мы могли надеяться отдохнуть, запастись провиантом, куревом и бензином на весь оставшийся путь. Но до Мухоморной мы должны были одолеть еще один горный кряж.

На перекатах стоял грохот. Не выключая мотора, мы легко уходили от скал, у которых кипела вода. Но шлюпку с Дядей нередко заносило, и дух захватывало, когда, обернувшись, мы наблюдали, как, посверкивая стеклами очков, небритый преподаватель, сжав зубы с неизменной сигаретой, с веслом наперевес неся на скалу. Смягчив удар, он тут же отталкивался и быстро ушливал прочь.

При входе в горное ущелье нас встретила среди серых камней на берегу огневка — почти красного цвета лиса. Она бегала у воды, посматривала в нашу сторону и облизывалась, словно предвкушая скорое угощение. На осыпях по склонам гор отчетливо просматривались тропки, оставленные снежными баранами. Дважды вопреки предсказаниям Славы мы встречали диких оленей, крупных, с большими рогами. Поднявшись с галечниковых пляжей, они неохотно убегали от реки. Совсем неожиданным для нас было встретить среди диких ущелий многочисленные поселения ласточек, которые гнездились не всюду, а только в каких-то определенных, удобных им местах. Попадались в этих горах и небольшие гнездовья серебристых чаек, но эти птицы вели себя осторожно.

Пройдя невысокую теснину, мы оказались в довольно просторном распадке, где по склонам зеленела трава и кустарники. И тут, как-то совершенно неожиданно, состоялось свидание, о котором я мечтал.

Медведь стоял на задних лапах, когда, вывернув из-за поворота, мы увидели его на фоне кустов. Заведомо зная, что в кадре зверь будет едва различим, я тем не менее успел сделать несколько снимков широкоформатным аппаратом. Запечатлел его поднявшимся на задних лапах, с вниманием прислушивающим-

ся к тархтению нашего моторчика. Увидев яркой окраски лодки, людей в них, медведь тут же опустился на все четыре ноги и с безразличным видом, как если бы и не видел нас, пошел вперед, курсом против течения, как я и ожидал, строго на север. Мне ничего не оставалось, как запечатлеть странного бродягу в своей памяти.

Медведь не показался нам гигантским, узкомордым и страшным. И все-таки это был необычный зверь. Он был, как я и предполагал, белым, но не совсем. Словно его обсыпали белой мукой, а лапы черные. Я-то ожидал встретить истинно белого, морского зверя, хозяина льдов. И предполагал, что в горах он должен выглядеть сероватым, подзагрязнившимся. Но встретившийся нам медведь и габитусом, и хорошо прорисовывающимися ушами, и широкой мордой на белого медведя мало походил.

Не будь он столь необычного цвета, я без всяких размышлений отнес бы его к бурым, но встречаются ли среди бурых медведей звери с белой спиной и черными лапами, об этом мне слышать не приходилось. А медведь уходил, поднимаясь к перевалу, все тем же маршрутом. Приставать к берегу, мчаться за ним, чтобы снять обычным фотоаппаратом с расстояния более близкого, — об этом Слава и слышать не хотел. «Мало ли что необычного цвета, — отмахнулся он от моих просьб. — Мне главное, чтобы он вас не съел». Тут уж мне крыть, как говорится, было нечем.

Обернувшись, я все еще продолжал смотреть на удаляющуюся фигуру бело-черного медведя, как вдруг кормчий предложил мне взглянуть вперед. Там, в каких-то ста метрах от нас, торопливо взбиралось по склону целое медвежье семейство. Бурая медведица с двумя черными увальнями медвежатами. Взволнованная мамаша, издали заметившая лодки, спешно уводила медвежат вверх по склону подальше от реки. Она мчалась впереди, поджидала затем медвежат, подгоняла их лапой, а потом опять обгоняла, задавая темп.

Поведением эта медведица совсем не напоминала только что встретившегося нам медведя-флегматика. Лодки с людьми ее по-настоящему взволновали. Загнав медвежат в ольшаник, спрятав их там, медведица высунула из кустарника черную лобастую голову и долго затем за нами наблюдала, готовая дать деру, если мы вдруг решимся пристать к берегу.

Две эти встречи заставили меня задуматься: а не мог ли свирепый медведь, нагонявший панический ужас

на чукотских пастухов, быть не истинно белым медведем, а повзрослевшим детенышем какой-нибудь вот такой же черной мамыши, встретившей в брачную пору в горах Анадырского плоскогорья белого морского бродягу?

Сразу припомнилось, что в литературе, посвященной белым медведям, мне доводилось читать о получении жизнеспособных гибридов при скрещивании белых и бурых медведей. А если это возможно в зоопарках, то почему бы этому не случиться в природе? Горы Чукотки—идеальнейшее место для встреч белых с бурными медведями. Причем, пожалуй, единственное на всем земном шаре.

— Эврика!—готов был крикнуть я. Вот где, оказывается, собака зарыта! Белому медведю, как зверю более сильному, случайно оказавшемуся в горах Чукотки и повстречавшему по пути свадебную процессию бурых медведей, ничего не стоило отогнать соперников, добиться расположения самки. Белый медведь затем возвращается в свою любимую Арктику, а года через два в горах появляется необычный гигант светлой окраски. Не сомневаясь, что гипотеза эта верна, я готов был плясать от счастья, совсем позабыв о коварстве реки. А «Пеликан» между тем несло на мель, где мне было уготовано купание в ледяной воде, о котором я пока и не подозревал.

Мы опять шли в связке, когда «Пеликан» со всего маху сел на мель и латаное-перелатаное днище его зловеще заскрежетало. Я, не раздумывая, шагнул за борт. Глубина была небольшая, лодку сразу приподняло, я столкнул ее с мели, но тут меня обошла шлюпка с Дядей и туго натянувшимся шнуром подсекла под коленки. Я растянулся в воде, выкупавшись с головы до ног. Вода была ледяной. Я успел продрогнуть, пока Слава расцепил лодки и возвратился за мной, но и тогда продолжал радоваться своему неожиданному открытию, решив обязательно по возвращении в Москву поговорить об этом со специалистами. «Неприменно надо побеседовать с Саввой Михайловичем Успенским»,—думал я, бредя по воде навстречу с трудом плывущему против течения «Пеликану». Липла к телу мокрая одежда. Где-то нужно было отыскать сушилка, разжечь костер да поскорее сушиться. А по берегам здесь рос лишь кустарник.

Славе удалось вскоре отыскать отмель, где половодье набросало много вырванного с корнем кустарника. Можно было устроить хороший костер. Но едва я,

облюбовав завал из сушилка, засуетился возле него со спичками, как явился с кастрюлей супа Дядя. «Зачем такой огонь делаешь? Весь наш суп сгорит»,—остановил он меня. Как будто я для супа костер разжигал. Как будто он не видел, что я с ног до головы мокрый. И что мне сушиться надо.

— Сегодня же первое сентября,—вовремя подоспел Слава, не дав мне сорваться. Он взял кастрюлю, перенес ее к другой куче кустарника, сам развел там костер, отправив Дядю закидывать спиннинг.

Раздевшись догола, пританцовывая, как дикарь в пляске, перед огромным костром, я сушил дымящуюся одежду и размышлял о своеобразном характере Дяди.

Первое сентября. Тысячи преподавателей шли в эту минуту в школы, училища, вузы. Встреч с ними ожидали истомившиеся ученики, а нашему товарищу еще не один день предстояло сплавляться по безлюдной реке, лететь через всю страну на самолете. Раньше чем через неделю нечего и мечтать оказаться в родном городе. Как-то там его в училище встретят, ведь путешествие на озеро Эльгыгытгын за интересными для науки водорослями не столь уж основательная для опоздания причина. Но, с другой стороны, мне был понятен его риск, когда он вместо того, чтобы запретить себе и думать о поездке на озеро, как того бы должен был требовать здравый смысл, стал разрабатывать вариант быстрого по времени путешествия, в которое—заведомо ясно было—никак не уложиться.

«Бродягами не становятся, а рождаются»,—припомнилось мне изречение Куваева. Страсть к путешествиям есть талант души, и осилить эту страсть здравому смыслу не всегда бывает по силам.

Когда я обсох, мы пообедали, отдохнули и, не торопясь, двинулись дальше. Леоновские пороги, мысль о которых нас заставляла внутренне содрогаться, мы прошли, пожалуй и не обратив бы на них внимания, если бы не справились по карте. Лодку подбросило, чуть трянуло—и пороги были пройдены. Первые два дня пути—теперь я мог сказать совершенно твердо—были для нас самыми трудными. Сложности, связанные с преодолением в те дни перекаатов, не шли ни в какое сравнение с форсированием Леоновских порогов.

На выходе из горного кряжа нам попались две самки снежных баранов с ягнятами. Они стояли на невысоком холме, не обращая на лодки внимания. Слава не утерпел, подвернул к берегу. Решил проверить, на какое расстояние они подпустят человека. Но

не смог приблизиться к ним и на расстояние верного выстрела. Легко, как птицы, исчезли звери в зелени кустарника. А затем повстречалась опять лисица, такая же огненная, как при входе в ущелья этого кряжа. Поначалу даже показалось, что эта та же самая. Она прибежала сюда специально, чтобы проводить нас. Мы попрощались с лисой и горами.

Каменистые берега сменились на низменные, торфянистые, поросшие кустарником. Энмываам широко растекалась по зеленой долине. Собственно, она тут и кончалась. Но по карте Энмываам переставала существовать лишь в том месте, где воды ее сливались с водами реки Юрюмкувеем. От их слияния начиналась Белая, но до этой реки нам еще предстояло доплыть.

По берегам, у самой земли, все чаще стали попадаться красные и золотые листочки—первые знаки подступающей осени. Совсем немного оставалось до прихода холодов и нескончаемых морозящих дождей. В душе каждый из нас радовался, что и дожди и холода еще не настигли нас. Успеть добраться до Мухоморной хотя бы. Мысли все чаще и чаще обращались к этой реке и метеостанции на ее берегу.

— Должно быть, там мухоморов много растет, если реку так называли?—поинтересовался однажды я.

— Наверно,—пожал плечами Слава.—Мне там бывать не приходилось, но грибы эти на Чукотке в прошлые времена вместо одурманивающего средства использовали. Об этом Тан-Богораз писал. Существовало поверье, что стоит съесть мухомор, как явится дух в образе человека с головой, как грибная шляпка. Дух берет за руки и уводит показывать страну мертвых. Потом отпускает. Один гриб съешь—один дух приходит, два—два духа. Самое страшное, когда съешь три. От трех духов уже невозможно отбиться. Они утаскивают навсегда в страну мертвых.

Лодка наша протекала уже как решето. Время от времени мы останавливались, выливали воду, но не проходило и часа, как Славе приходилось опять сидеть по щиколотку в ледяной воде. На Мухоморной мы мечтали раздобыть резинового клея, еще бензинчику, продуктов да сигарет. С думами об этом пересекали Полярный круг.

За невидимой границей пейзаж сразу преобразился. Появились первые, пока еще невысокие деревья. Но по мере того, как река все дальше несла наш караван на юг, стволы их становились толще, дерева поднимались выше, и вскоре они начали образовывать небольшие

рощицы, переходя затем в густые пойменные леса.

Сквозь толщу воды мы уже неоднократно замечали темные спины кеты, пришедшей на заветные места нерестилищ. Большими стаями держались рыбы в уединенных заводях. Под сумраком крон в рощах опять замелькали красные гроздьи крупной смородины. Порой казалось, что мы плывем где-то неподалеку от Марково по самому Анадырю.

На ночевку пришлось остановиться в лесу. До Мухоморной дойти не успели. Трава в лесу была по пояс, всюду попадались лежанки лосей. Но ни мошки, ни комара уже не было. Я остался ночевать у костра, но спалось беспокойно. Отчего-то думалось про медведей и росомах, которые, несомненно, должны в этих лесах обитать.

ВСТРЕЧА НА РЕЧКЕ СЕРНОЙ

По спальному мешку барабанил дождь. Он был не сильным, и спросонья мне показалось, что можно, не вставая, переждать его в кукуле. Но дождь не переставал, и вскоре струйки воды стали добираться до лица. Пришлось подниматься. Я развел посильнее огонь в костре, перетащил кукуль под дерево. Нарубил веток, настелил их на нижние ветви дерева, получился неплохой навес над моим новым ложем. Капли дождя уже не досаждали, рядом весело потрескивал огонь, было тепло—в кукуле можно было переждать дождь хоть неделю. Но спать не хотелось, уже светало. Я высушил хорошенько сапоги, приготовил завтрак. Мне думалось: проснувшись в дождь, Слава и Борис Михайлович, придя под навес, непременно решат здесь остаться до тех пор, пока он не кончится. Но друзья встали хмурые: вода, проникающая под палатку, заставила их проснуться раньше времени.

— Началось,—пробурчал недовольно Слава.—Теперь зарядит.

— Недели на две,—вторил приятелю и Дядя.—До самой Усть-Белой придется идти под дождем.

В этих местах я был впервые, местных условий не знал, но мне не верилось, что дождь продлится неделю. Слишком уж светлыми были облака. К обеду солнышко пригреет, облачность приподнимет, и дождь перестанет. Такое всюду бывает в начале осени. Я предложил переждать дождь хотя бы до обеда. К тому же Слава опять жаловался на головную боль, побаливала у него и

поясница. Но хмурые друзья решили отправляться сейчас же.

Под усилившимся дождем мы принялись загружать лодки. Сапоги мои были хорошо просушенные, имелся плащ, так что плавание меня не пугало. Но незадолго до отплытия я отбежал пособрать на косе камушков на память. Могли в таких местах быть и интересные. Слава воспринял это как отвиливание от общественных дел и строгим командирским тоном сделал мне выговор. Поэтому, когда стали сталкивать лодку в реку, я с таким рвением взялся за дело, что позабыл отвернуть у сапог голенища и сразу же черпанул в них ледяной воды.

Выплывая на стремнину под тарабанившим по плащу и речной глади дождем, я стискивал зубы от злости: в таких сапогах мне не приходилось отправляться в дорогу и в солнечный день. Однако вскоре и все остальные части тела намокли, как и ноги. Плащ оказался укрытием ненадежным. Я будто искупался в реке. Вода была всюду: поднималась с днища, стекала по бортам, лилась ручьями за шиворот — укрываться от дождя стало бесполезным. За мутной завесой водяных струй порой не видно было берегов, но Слава с упорством одержимого вел караван на юг, к теплу домов, что поджидали нас на речке Мухоморной.

Постепенно светлело. К полудню дождь стал утихать. Справа по берегу показалась сухая осина, возвышавшаяся над прибрежным кустарником. На вершине ее чернело гнездо орланов-белохвостов. В гнезде стояли, понуро опустив головы, два крупных вымокших птенца.

— Снимать будете? — поинтересовался неожиданно Слава. — А то подплыву поближе, если надо, постоим.

Его миролюбивому настрою я удивился. Обычно в хорошую-то погоду он неохотно соглашался делать остановки по моим просьбам, а тут вдруг в дождь изъявил желание. Видимо, понял, что напрасно заставил и себя, и нас мокнуть под дождем. Вот и старался угодить.

— Гони в Мухоморную, — махнул я на съемку рукой.

Однако часа через два Командор наш не выдержал. Сам повернул к берегу.

— Замерз, — пряча глаза, признался он. — Ноги совсем ооченели. Давайте обогреемся, поедем супчику.

Под густыми кронами деревьев мы отыскали совершенно сухие ветки, наломали их, они загорелись сразу,

как порох. Мы натаскали их отовсюду, и получился отличный костер. Отходить от него уже не захотелось. Мы пообедали, а потом долго грелись, подставляя теплу то один бок, то другой, просушивая заодно и нашу промокшую до нитки одежду.

К полудню, как я и предполагал, дождь перестал, на горизонте засинело, облачность стала быстро рассеиваться, можно было и расслаживаться по лодкам.

Судя по карте, до манившей нас, как магнит, речки было совсем недалеко. Мы внимательно присматривались к берегам, стараясь не пропустить ее русло. Наконец увидели металлический канат на двух опорах, протянувшийся через речку. На канате через равные промежутки были сделаны узлы. Слава пояснил, что канат — это специальное приспособление для гидрологов, которые следят за режимом реки. Метеостанция должна быть где-то совсем рядом. Но... ее мы так и не нашли. Лес, росший на берегу, был так густ, что ни домов, ни каких-либо сооружений, указывающих на человеческое присутствие, за листвою деревьев мы не увидели.

Обеспокоенный Слава вставал, приставлял руку к глазам, смотрел направо и налево, а река несла нас все дальше и дальше. Теперь уже было ясно, что Мухоморную мы промахнули, но и на возвращение не могли решиться. Мотор не потянет две лодки против течения. Да и на одной с ним далеко не уйдешь. Грустные мысли уже наполняли голову, как вдруг по левому берегу мелькнула желтая моторка. Она стояла у тропинки, убегающей в чащу. Слава повернул к моторке: «Может, сюда перенесли метеостанцию?» — загорелся он надеждой. Пристали. Тропинка вывела нас на поляну, заросшую высокой травой. На поляне стояли три длинных рубленых дома. Зашли в один — никого. Во второй — та же картина. Дверь не заперта, в комнатах чисто прибрано, стояли заправленные кровати, а людей не было.

Когда направились к третьему дому, залаяли собаки. Это нас обрадовало, заставило ускорить шаги. У третьего дома на распялках сушилась огромная шкура бурого медведя. Обойдя дом, увидели целую свору собак, сидевших на чурбаках перед крыльцом. Они-то и подняли радостный лай. Это были разношерстные ездовые лайки. А особняком, выделяясь басовитым лаем, сидела на цепи черноспинная крупная овчарка.

Дверь дома растворилась, и на крыльцо вышел высокий черноволосый парень, одетый в помятые до-

машние брюки и потрепанный пиджак. Он был, как и мы, в резиновых сапогах и так же давно не брит. На руках он держал малыша, которому не было и двух лет. Малыш с удивлением рассматривал нас.

— Это что еще за туристы тут объявились,— обратился он к нам без усмешки, но благожелательно.— Постой-постой, да ведь это же никак Слава! Харитонов!

— Жена!— прокричал он в дом, ставя малыша на пол.— Ставь самовар, накрывай на стол. Спаситель мой приехал!

Вскоре изголодавшиеся и подзамерзшие, пододичавшие за время плавания по Энмываам, вконец отчаявшиеся в этот день отыскать приют под теплым кровом, мы блаженствовали в жарко натопленной избе хозяина перевалочной базы оленеводов на речке Серной.

О существовании базы на этой речке Слава не подозревал, на карте она не была указана, и нам ничего не оставалось, как благодарить судьбу, занесшую нас сюда по воле случая. Не наткнись мы на базу оленеводов, были бы обречены на нелегкое плавание. Теперь же все страхи и сомнения остались позади. На столе стоит огромная, как таз, миска. В ней кетовая икра. А хозяйка все подает и подает на стол. Мясо, рыбу, моченую бруснику, соленые грибки, печенью, конфеты— глаза разбегаются.

Дядя достает из своих запасов бутылку вина, которой он надеялся украсить стол по завершении маршрута. А хозяин пожимает плечами. На базе у них сухой закон. В совхозе порешили, чтобы сюда спиртного не завозить.

— Правильно порешили,— подает голос его жена Валя.

— Кто спорит,— соглашается хозяин.

Володя худощав, бледноват лицом. На вид ему лет тридцать, а глаза по-мальчишески сияют. За разговором узнаем, что родом он из Запорожья, там получил профессию гидролога, долгое время работал затем на Ерополе— притоке Анадыря, где и довелось ему познакомиться с Харитоновым. Причем знакомство это произошло при такой ситуации, что, не случись его, как считает сам хозяин, не состоялось бы и этой встречи на Серной.

— Произошло все так,— припоминает он.— Я тогда гидрологом на метеостанции работал. Лето только начиналось, кое-где еще снег в тундре лежал. Река вздулась, мчит как бешеная, к берегу подходить

страшно. Для безопасности у нас через Еропол канат натянут. Такой, как видели, когда промахнули Мухоморную. За этот канат мы цепляем лодку и производим замер скорости течения. Без этого каната на стремнине не удержаться. Течение в реке настолько стремительно, что иной раз смотреть вниз страшно, голова начинает кружиться.

Работу отправились выполнять вдвоем, все, как и положено,— передавая расшалившегося малыша в руки жены, продолжает хозяин.— Сели в лодку, дошли до середины. Это я точно помню. На тросе была отметка. Собрались произвести замеры, но, что произошло затем, для меня так и осталось тайной. Опомился уже в воде. Лодка и трос далеко позади. Обернулся— исподалеку Виктор, мой напарник. Он успел ухватить два полиэтиленовых шарика, что были приготовлены для работы, держит их перед собой, как поплавок, а мне кричит: «Не подходи!» Совсем, видно, от страха спятил. Как мне «подойти», когда течение несет нас словно на транспортере. Ни назад, ни вперед, ни вправо, ни влево—никуда не выпрести. Ватная одежда намокла, не двинуться. Хорошо еще, что вниз не тянет. Удерживает на стремнине.

На метеостанции нашей, знаю, никого не осталось,— затянувшись дымком сигареты, продолжает гидролог.— Да и вообще на сотни километров вокруг никого в эту пору нет. Вот и конец, подумалось. Река будет нести, пока не оледенеет. Страшно стало. И жалко себя. Что вот так ни за что ни про что приходится пропадать. И решил я закричать. Закричал, как мне показалось, громко, на всю округу. На весь шар земной. Пусть хоть кто-то меня услышит...

— Мы тогда в палатке отдыхали,— вступает в разговор Харитонов.— На Еропол меня, конечно, за сбором водорослей понесло. Места там необследованные, река интересная, но для работы трудная. Погода выдалась мерзкая: холодно, сыро, мелкий дождичек, не переставая, моросит. Из палатки выходить не хочется. Который уж день в ней коротаем. Товарищ мой, с которым довелось тогда работать, в кукуле лежит, вставать не хочет. Говорит, давай и сегодня отдохнем. Отоспимся как следует. Все равно погода дрянь. И вдруг мне послышалось, будто кричит кто-то. Не громко, но как-то отчаянно. Прислушался—не кричит больше. «Показалось,— говорит приятель.— Откуда здесь люди. Метеостанция не близко, охотников сейчас нет, а рыбаков, сам знаешь, рыбинспекция из поселков не

выпускает». Запретны для них реки в период нереста. Все так, думаю, однако выйду погляжу. Вышел — и в самое время! Вижу несет по реке двух человек. Только головы торчат из воды. Запоздай я немного, и не разглядеть бы их, скрылись бы за поворотом.

— А я уже ничего не видел. Смирился со всем. Замерзать начал, — подхватывает гидролог. — Будто во сне вижу — моторка мчится. Меня догоняет. Рыжебордый парень правит, руками размахивает, что-то мне кричит, а я уже как труп. Шевельнуть рукой не могу. Сил нет. Только смотрю, и все. Вылавливал он нас, затаскивал в лодку, как утопленников. В палатке мы в себя пришли. Отогрелись, чаю напильсь. На душе радостно стало. Спаслись, от неминуемой смерти ушли. Говорю, собирайся Слава, поедем к нам на метеостанцию, пир закажем. А он вдруг посерел весь. Погодите, говорит, ребята, у меня чертовски голова болит. Я лучше завтра к вам приеду. Мы ждали-ждали, а он ни на следующий день, ни на третий так и не приехал.

— Я и в самом деле хотел на следующий день приехать, — смутившись, объясняет Слава. — Но тут вдруг видим: опять по реке люди плывут. Трое. Казанка у них перевернулась, но они сумели выбраться на днище и мокренькие там лежат. Тащит их течение, к берегу близко не подносит. Километров двадцать так уже отмахали. А лодка от тяжести проседает, воздух из нее выходит, того и гляди пойдет на дно. Те трое, как потом рассказывали, уже решили жребий бросить. Чтоб всем не погибать, кому-то первым прыгнуть с лодки. Двоим на ней еще какое-то время продержаться можно, а там, может, и помощь подойдет. Хотя какая там помощь, кроме нас в этих местах и не было никого. Вот и пришлось нам этих мужичков спасать. А когда выловили, упросили они нас в Чуванское их доставить. Совсем плохи были. Вот и повернули мы тогда в Чуванское. На метеостанцию так и не довелось в тот раз попасть, а потом приехали, говорят, гидролога нет. На свадьбу в Анадырь уехал.

— Верно, — смеется хозяин и рассказывает, что профессию гидролога ему пришлось сменить на пост заведующего факторией не из страха перед рекой, не из боязни утонуть, а по причине изменения семейного положения. В поселке Анадырь на метеостанции он встретил Валю. Девушка ему понравилась, и он предложил ей руку и сердце. Но только с одним условием: жить они отправятся непременно куда-нибудь на отдаленную точку.

В городе я уже не мог, — признается он. — К охоте пристрастился и жизни себе без нее не представляю. Так и Вале сказал. А если жизнь со мной не понравится, в тягость покажется, неволить не буду, сам обратно отвезу. Так, вроде бы смехом, обо всем и договорились. Попробуем, мол. Вот и попробовали: третий год живем. А Валентина так к жизни здешней привыкла, что, когда подошло время в роддом отправляться, побывала там немножко и обратно вернулась. Чего там лежать. Вертолетчики знакомые пообещали в нужный срок за ней прилететь, а тут, как нарочно, когда началось, пурга завернула, да такая, что в двух шагах ничего не видно. Какой уж там вертолет. Пришлось мне в роли акушера выступать. Сам дите принимал. Переполоху было. Врачи по рации консультации мне давали да требовали, чтобы я объяснял, что да как. Вот это был репортаж...

— Ну, все разболтал, — корит супруга Валя.

— Разве не правда? — не унимается хозяин. — Что тут стесняться. Слава и вовсе спаситель наш.

Слава тушует и, стараясь перевести разговор на другое, рассказывает, как оказались мы на озере, как сплавлялись оттуда, как повстречали снежных баранов, медведей.

— Завидую я вам, — мечтательно произносит вдруг гидролог. — Вы третьи, кто прошел реку от самого озера, пока я здесь, на Серной живу. Первыми были геологи. Они спустились по Энмываам на надувных плотках. Потом туристы объявились. Они вышли из Певека, пешком дотопали до озера Эльгыгытгын, а оттуда сплавлялись на байдарках. Вот парень подрастет, попробую тогда и я осмотреть реку от истоков до устья.

— Тебе-то чего не хватает, — вмешивается Валя, — медведей, что ли, не видел. Вон, под окнами шастают, из дому выйти не дают. А лисы, так те к крыльцу подбегают.

— Что верно, то верно: зверья тут хватает, — соглашается Володя. — Весной я по нескольку медведей иной раз за день встречаю. Целые процессии наблюдаю, когда у них свадьбы. И лоси здесь не редки. Очень крупные встречаются. Лисы, россомахи есть.

Тут уж я не утерпел: перевел разговор на медведей. Спросил, не встречал ли он белых. Тот удивился: ведь белые в океане живут. Тогда я спросил, а не доводилось ли видеть медведей странной окраски вроде того, что попался нам. Ответ и на этот вопрос последовал

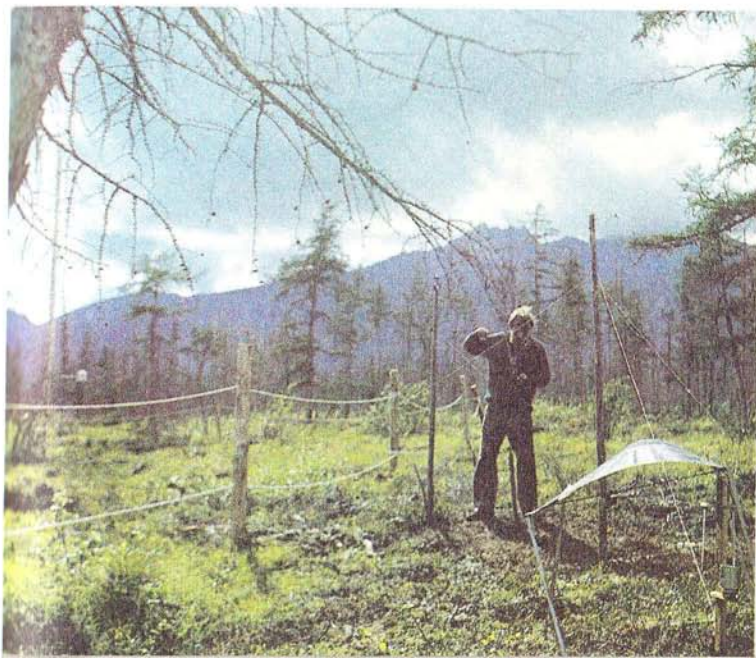
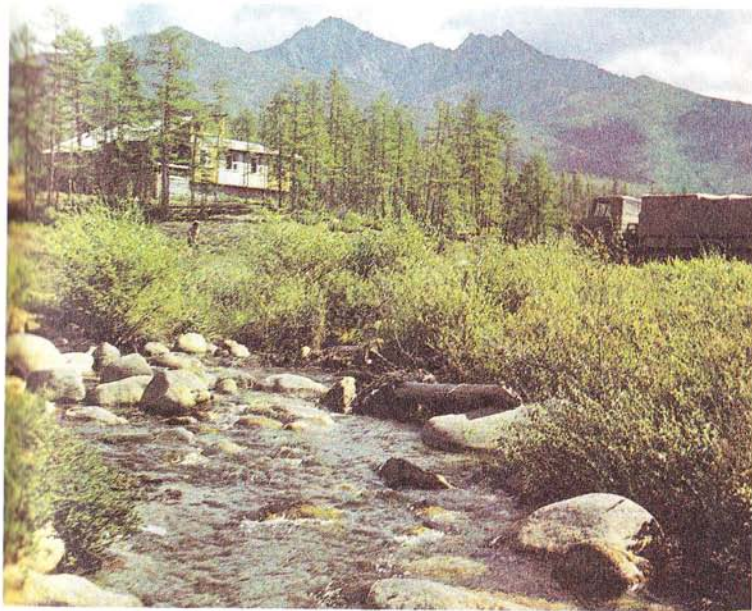
отрицательный. И это лишь подтверждало, что белые медведи очень редко заходят на горную Чукотку, а еще реже встречаются охотникам.

Рассказав ему на всякий случай о появлении белых медведей в Марково, о том, чего от них можно ожидать, я поинтересовался и о белом кречете. Не приходилось ли его встречать во время охоты на уток в окрестностях. Но гидролог о таких птицах и не слышал. Как и большинство охотников, занимающихся добычей зверя, к птицам он был равнодушен. Знал, что водятся здесь орланы-белохвосты, гуси есть, гагары, много уток, но еще больше серебристых чаек и воронов. Последних он не любил — приманку из капканов воруют, правда, нередко сами в них за это и попадают. Но больше всего досаждают ему сороки. Самые вредные птицы. Приманку воруют, пойманную добычу пожирают, шкурки портят, а сами настолько хитры, что проучить ни одну не удастся. На выстрел не подпускают.

Затем разговор пошел о ружьях, моторах, заготовке на зиму дичи, рыбы, где специалистами были больше Дядя со Славой. Просидели за столом да поздней ночи. Хозяин отвел нас в гостиницу, где останавливаются оленеводы. Сейчас не сезон, пастухи в тундре, недели через две подойдут со стадами, а пока мы можем располагаться — каждому хоть по комнате.

Отдых в чистой и теплой гостинице на фактории подействовал на нас расслабляюще. Даже Дядя вдруг перестал торопиться, решил, что можно пару деньков и отдохнуть. А тут еще возникла надежда, что на факторию залетит вертолет пожарной лесной охраны. Тогда Дядю можно было бы отправить с вертолетом в поселок Усть-Белая, а мы со Славой сходили бы на озеро Чировое, а затем двинулись бы по Белой вдвоем, не торопясь. После всего, что я узнал за эти дни о Харитонове, я готов был плыть с ним хоть на край света. Но вертолет не прилетел. Мы потеряли еще два дня, пока не стало ясно, что ожидания напрасны.

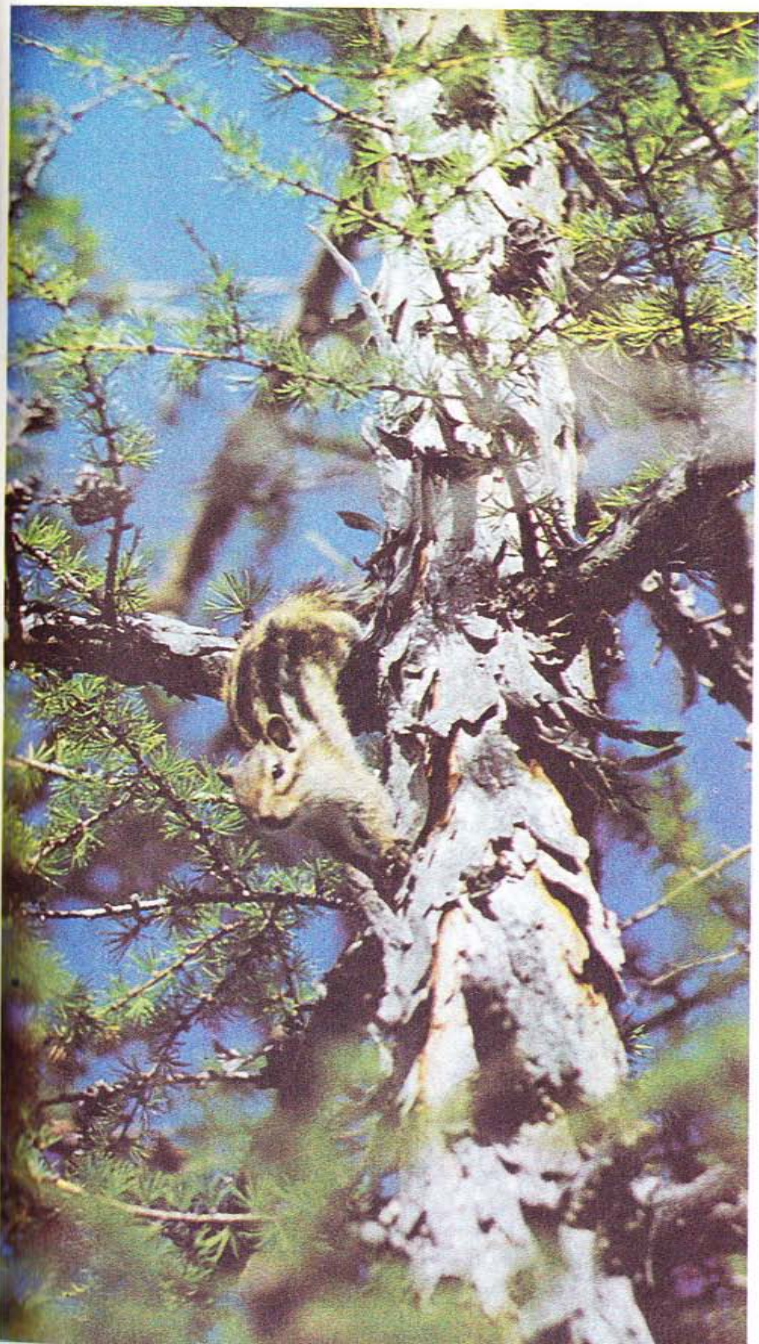
Залатав дно «Пеликана», запасшись бензином и сигаретами, мы сердечно попрощались с гостеприимным семейством и продолжили плавание. Вначале «Пеликан» показался маленьким и неудобным, но вот волна подхватила нас, вынесла на стремнину, и все встало на свои места — будто и не жили в гостинице, не спали на теплых и чистых постелях.

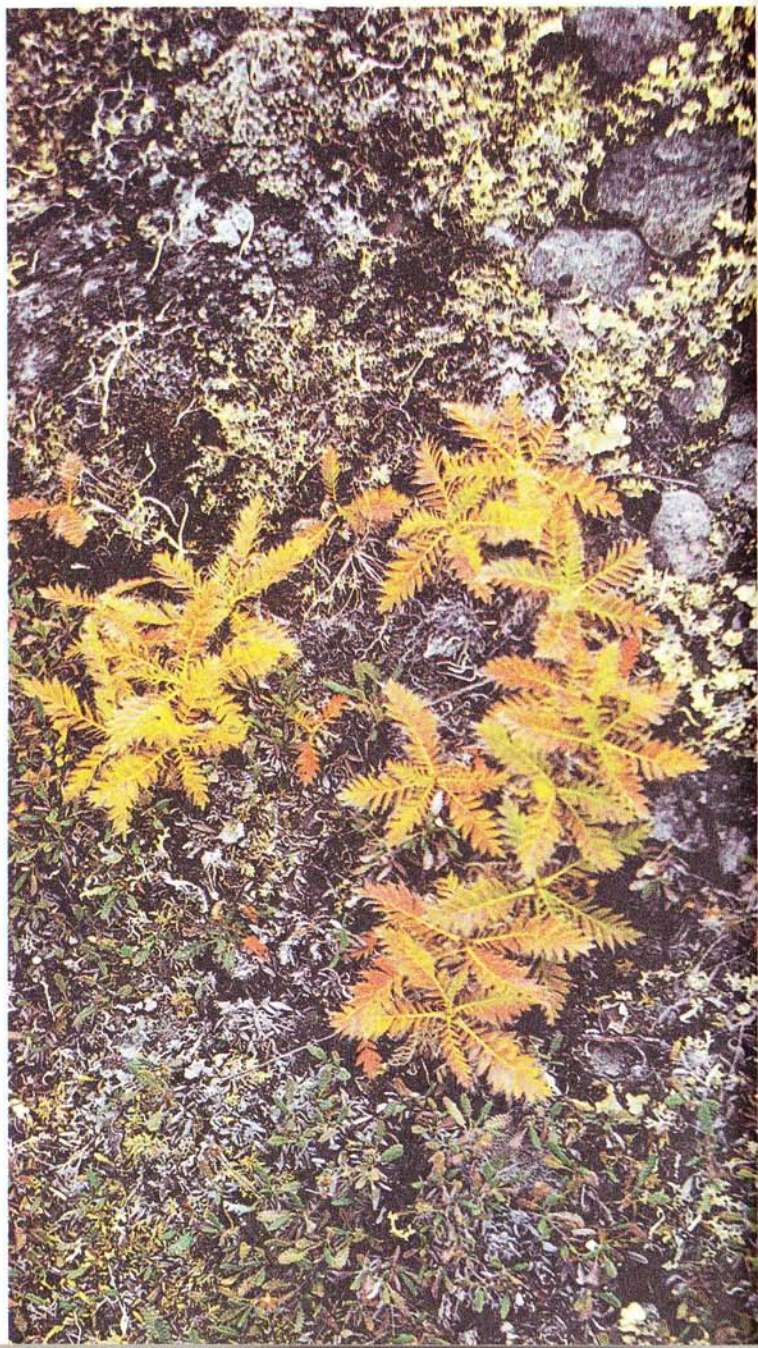
Евражка — длиннохвостый
суслик

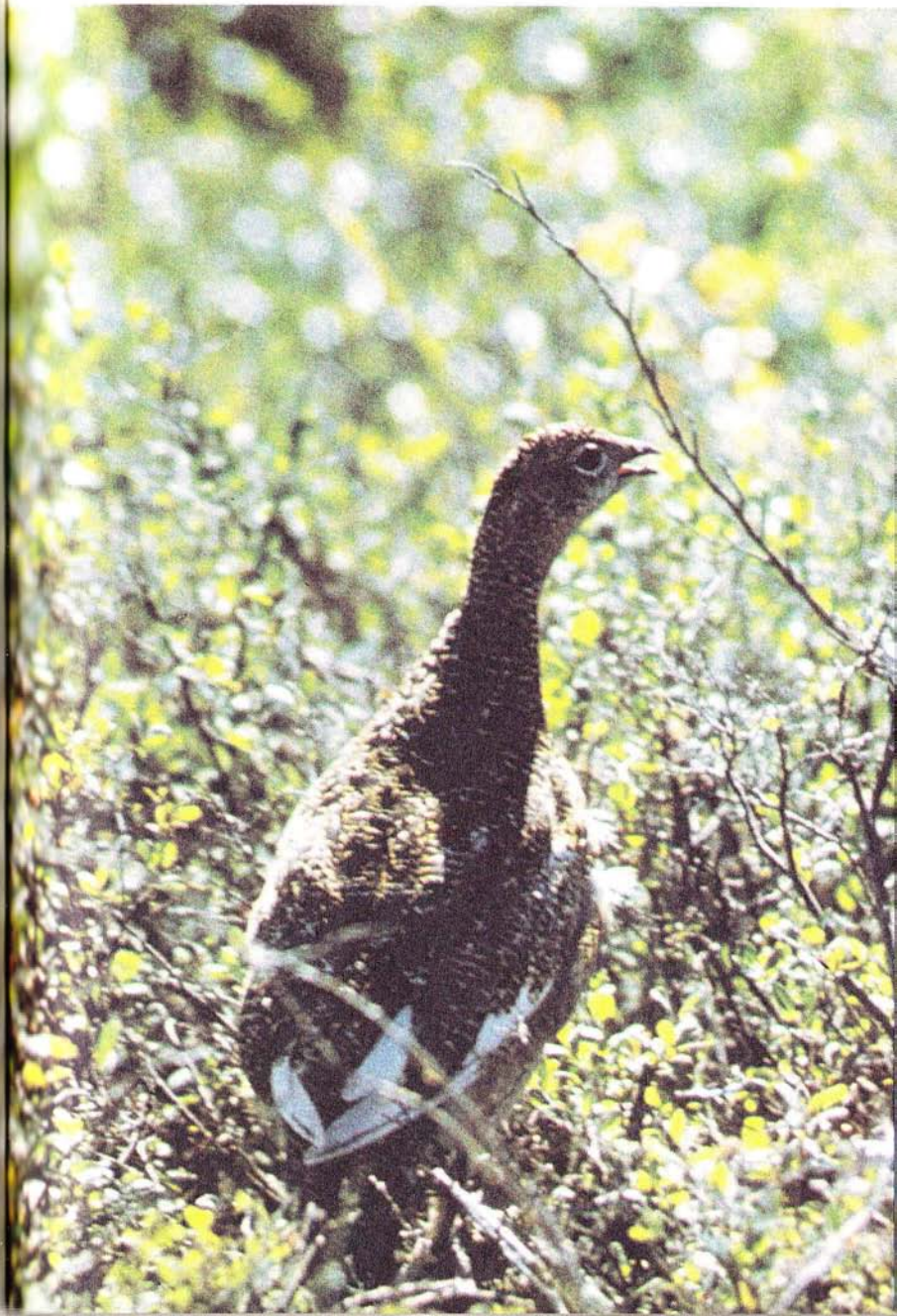
Бурундук

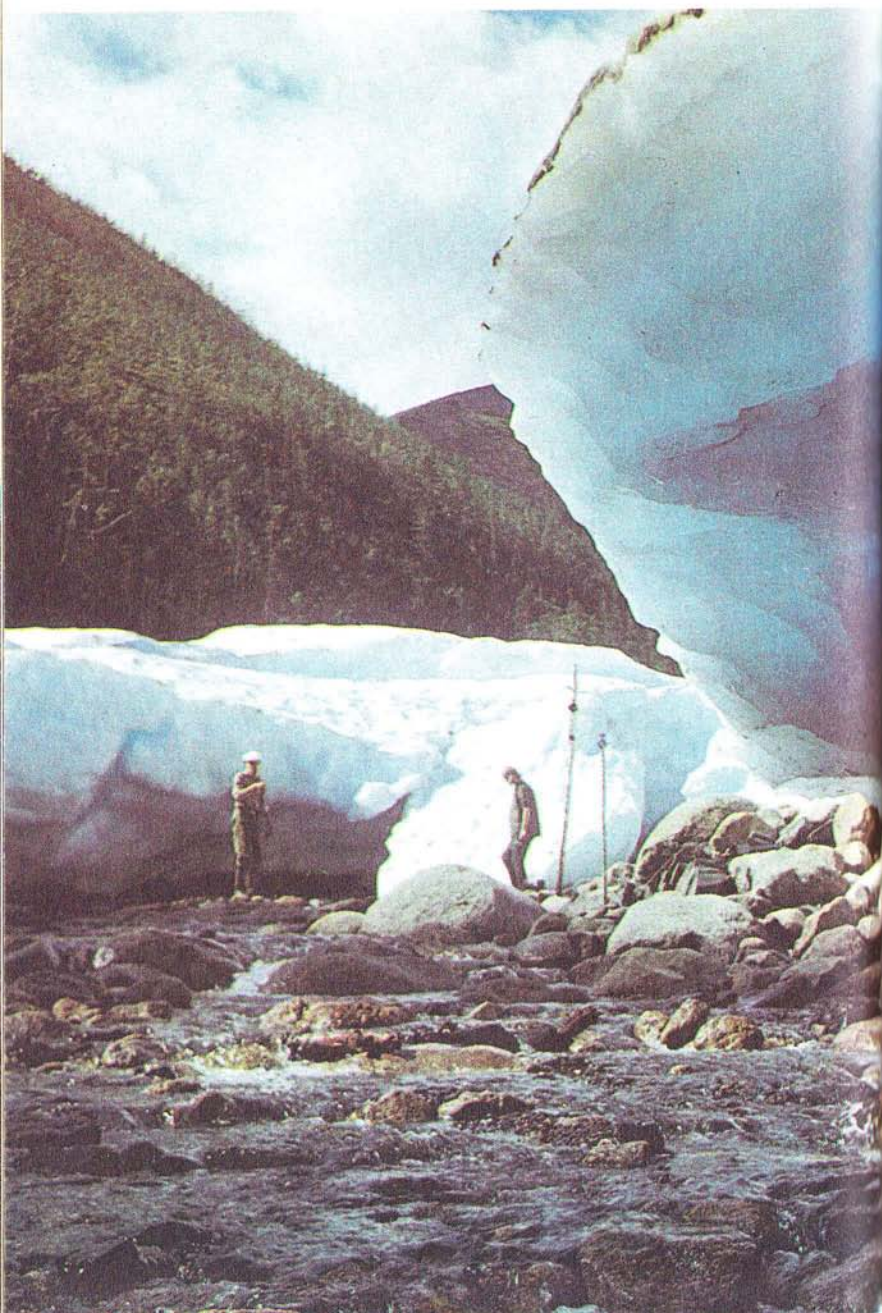
И в каменных осыпях буйная
жизнь

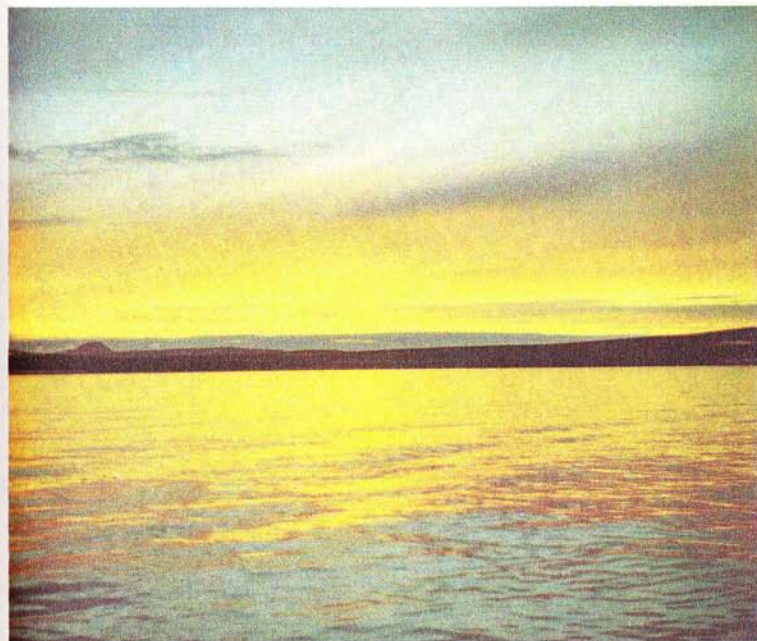
Куропатка

Наледь

Закат в Беринговом море

На острове Аракамчечен

Кигиляхи — каменные изваяния,
созданные природой

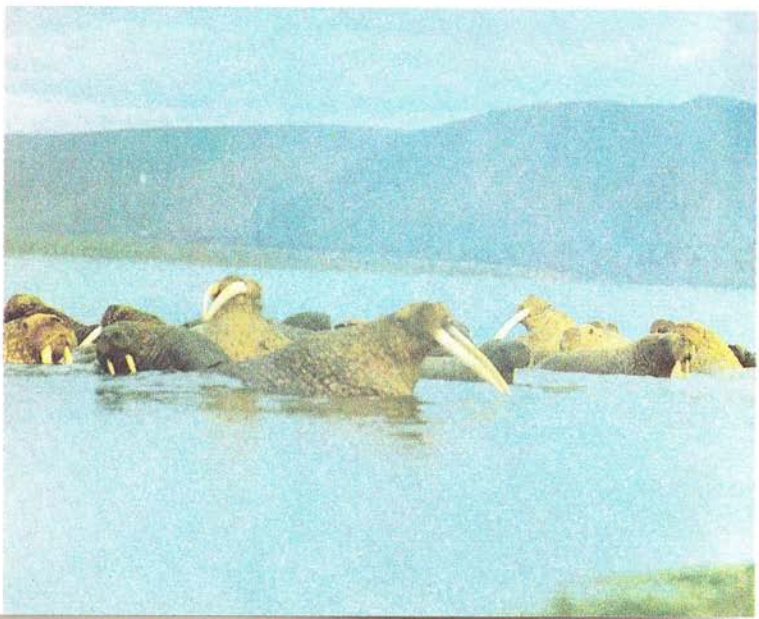
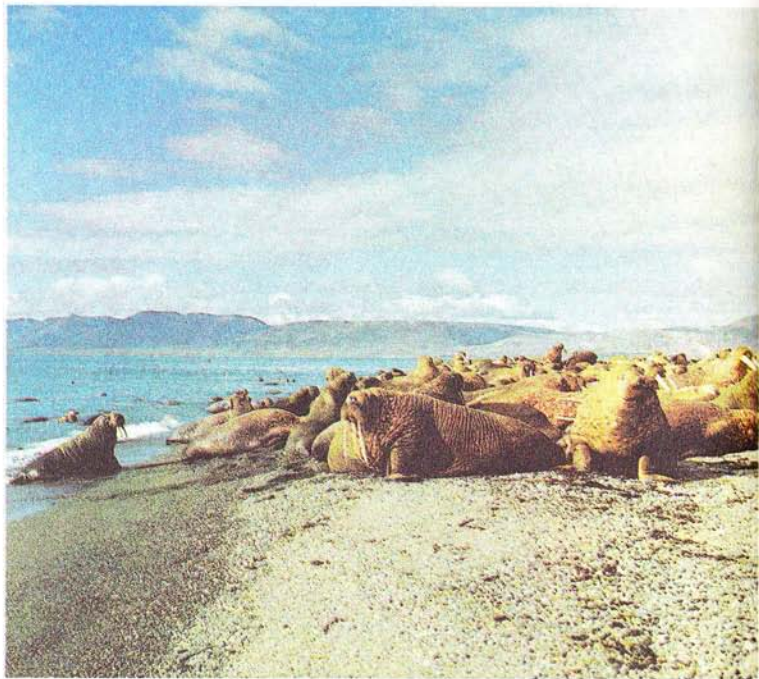
Склоны мыса Кригуйгун

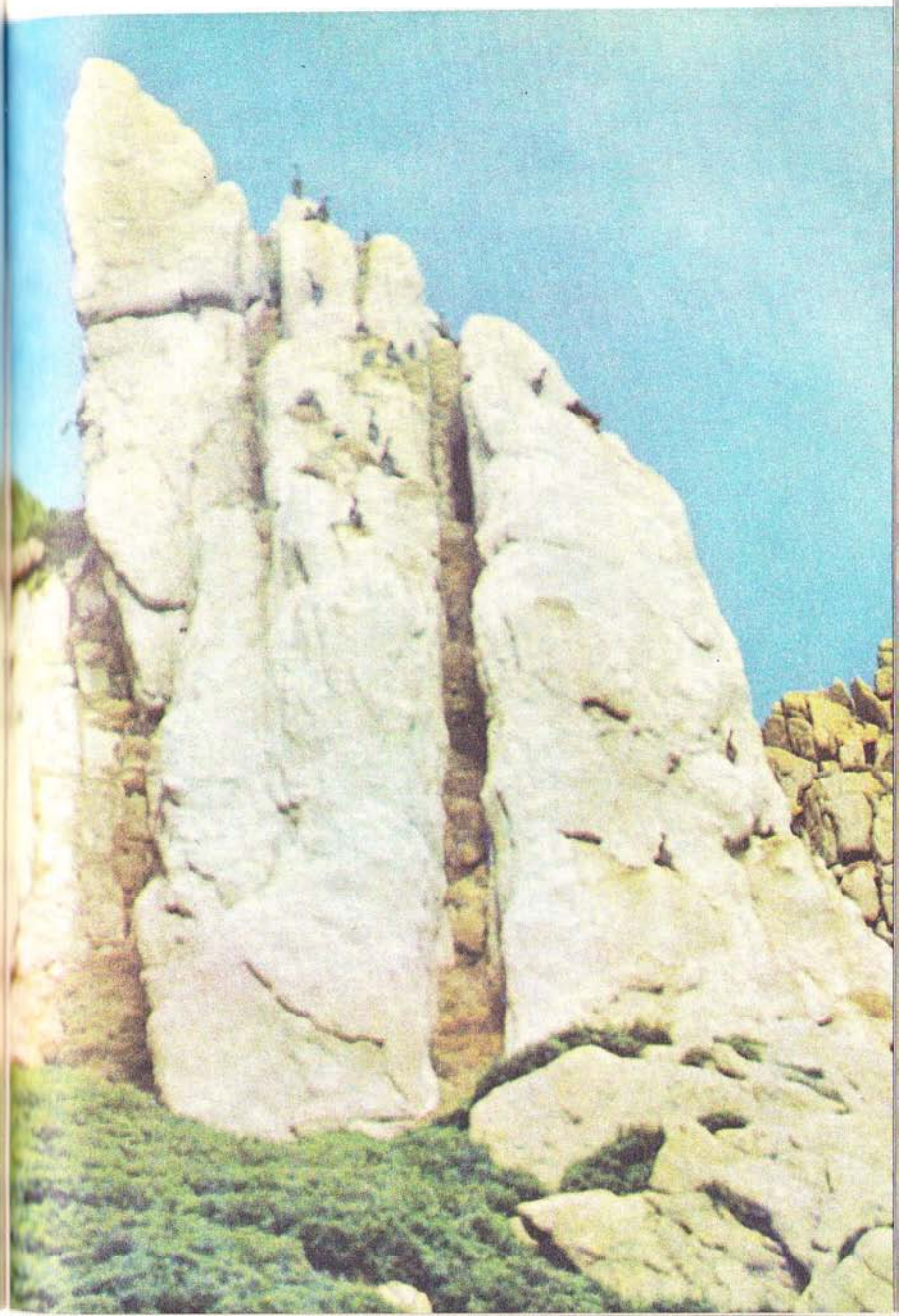
Птичий базар

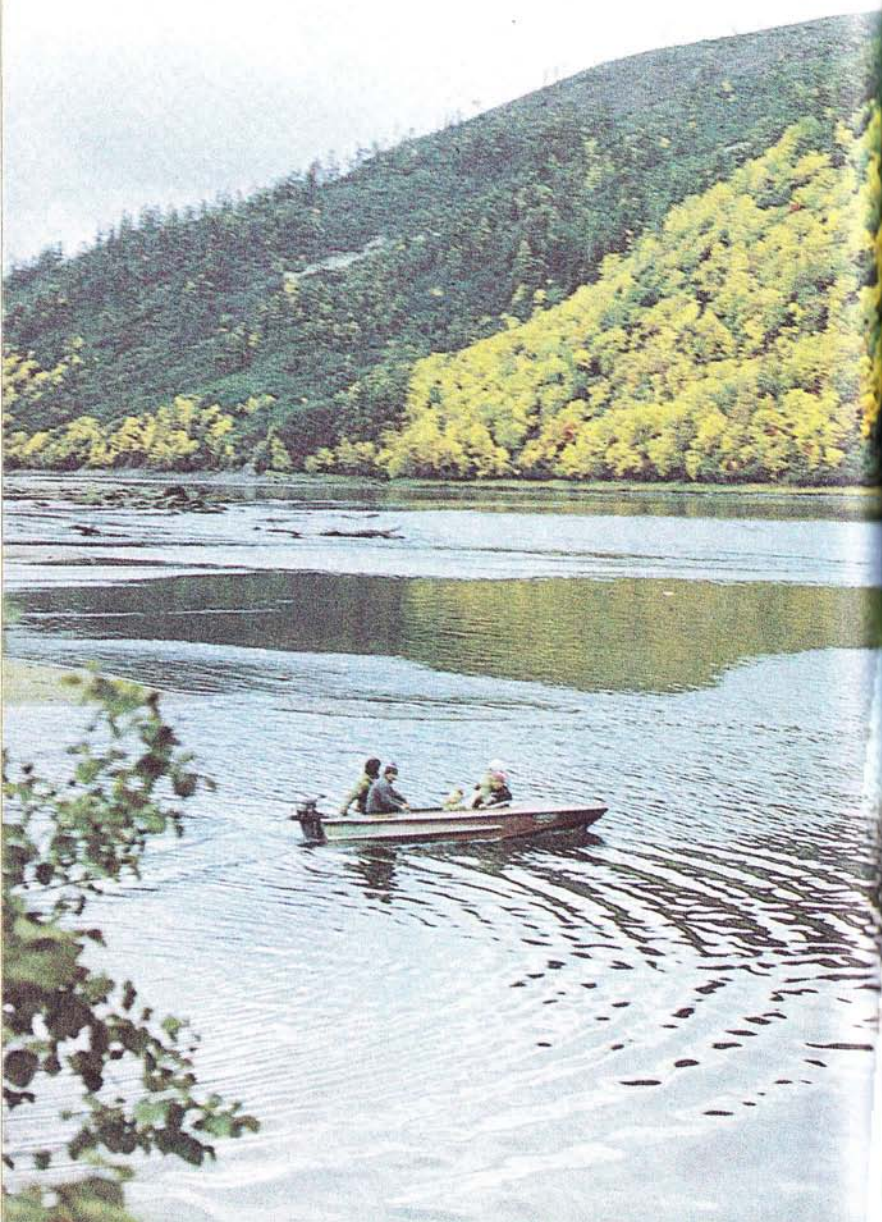
Моржи на лежбище

Гнездовье бакланов

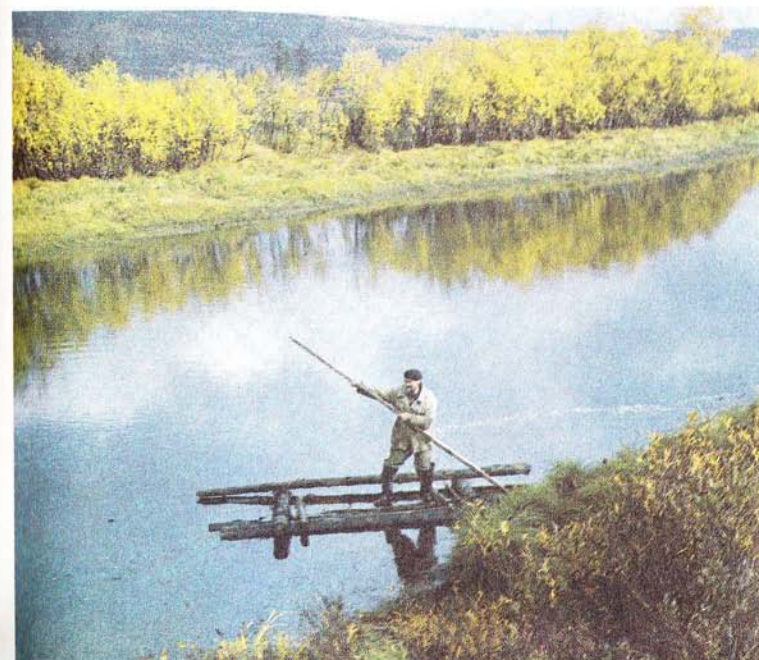
У слияния Кавы и Челомджи

Золотая осень украсила сопки

На притоке Кавы

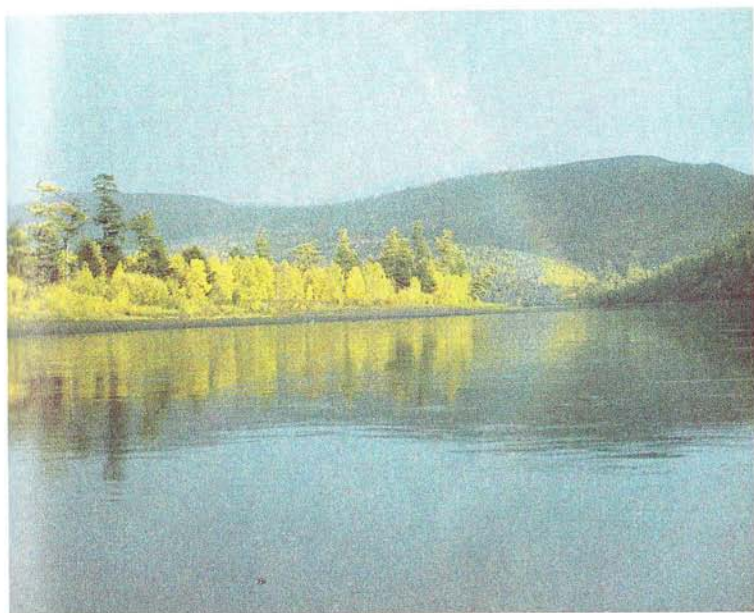
Заповедные дали

У косарей

Гидуга

В Тауйской губе

СРЕДЬ ПОЙМЕННЫХ ЛЕСОВ ПО БЕЛОЙ

За время пребывания на фактории мне удалось разоб- рать телеобъективы, вылить из них воду, но теперь напрочь отказал подзаржавевший затвор фотоаппарата, и я по-прежнему не имел возможности снимать птиц и зверей, а их на равнине отнюдь не поубавилось. То и дело попадались белохвостые орланы. Иногда они по трое носились друг за другом, устраивая в воздухе настоящую карусель. Немало мы видели боронов, серебристых чаек, проказливых сорок. А однажды на небольшом островке в гуще кустарника заметили лося. Темношкурый, с широкими лопатообразными рогами, он застыл на высоких ногах, как лесное привидение, издали, видимо, давно уже наблюдая за нами. Но заметив, что обнаружен, в тот же миг будто растворился. Только треск сучьев подсказывал, в каком направлении он удирал.

Затем мы увидели на отмели зверя, который всем нам сразу же напомнил кошку. «Рысь!» — воскликнули мы почти одновременно со Славой. А позже припомнил, что хвост у этого зверя не в пример короткому, будто обрубленному, хвосту рыси был длинен и на конце закруглялся, как у тигра, и только поэтому не полочился по песку и не оставлял на нем следа.

Дома я просмотрел различные справочники, изучил район обитания похожих на кошек зверей. Получалось, что, кроме рыси, обитать в этих местах никто из семейства кошачьих не должен, но и по сей день у меня остаются сомнения, в том что видели мы рысь...

В тот день, когда мы еще недалеко отошли от фактории, природа представила возможность полюбоваться на редкое зрелище охоты пары кречетов.

Восседая, как и раньше, в носовой части «Пеликана», я обратил внимание на необычное поведение серебристых чаек. Эти крупные птицы не брезгают ни падалью, ни рыбой, ни яйцами, ни птенцами из чужих гнезд. И словно догадываясь о неприязненном к ним отношении, человека близко не подпускают, предпочитая держаться от него на расстоянии. Но здесь целая стая чаек сидела на воде, и, несмотря на приближение нашего каравана, ни одна из птиц не торопилась улетать. «Уж не подранки ли», — мелькнула у меня мысль, столь необычно они себя вели. Чайки расплывались перед носом «Пеликана», как утки, будто позабыв, что у них есть крылья.

Удивленный, я смотрел по сторонам и тут заметил

серовато-коричневый силуэт крупной птицы, стремительно летевшей над рекой. От поверхности воды ее отделяло не более метра. Не успел я разобрать, что это за птица, как она, резко тормознув в воздухе крыльями, словно бы привстала на хвосте и, грозно вскинув голову, нацелила на одну из чаек когтистые лапы с типичными для соколов «штанами». «Кречет!» — не веря глазам, радостно вскричал я, стараясь привлечь внимание своих товарищей к птице. Разыгравшаяся сцена была редчайшей. Крупная, с мощным желтым длинным клювом чайка только испуганно вскинула свои большие, как паруса, серебристо-белые крылья и заполоскала ими, отбиваясь от кречета, но взлететь не пожелала. А ведь это-то, как я сообразил, и было кречету нужно.

Поверху, над рекой, мы вскоре увидели чуть позади второго летящего кречета — напарника. Соколы не берут добычу, сидящую на земле или на воде. Забравшись повыше, они сверху сбивают летящую птицу. А для этого один из кречетов летит понизу, вспугивая их. Так и не заставив взлететь первую чайку, кречет метнулся ко второй, третьей, но чайки молча отчаянно отбивались крыльями и не взлетали.

Взмыв вверх и опустившись низко над водой, кречет снова помчался искать жертву, а в небе продолжал невзмутимый полет второй сокол. Подлетев к берегу, первый сокол свечкой взмыл вверх перед высокими осинами. И тут только мы увидели стаю воронов, облепивших ветки деревьев, как бескрылая тля цветок. Сделав несколько галсов на уровне сидящих неподвижных птиц, раздосадованный кречет налетел на ворона и стал сталкивать его вниз. Но ворон отбил крыльями и оставался сидеть на ветке. Вот где нужен был фотоаппарат! Я даже не стал просить Вячеслава пристать к берегу, чтобы досмотреть окончание кречетиной охоты. Последнее, что мы видели, ибо лодки свернули в протоку, это как кречет налетел на второго ворона, но и тот не поддался, не взлетел, отбиваясь крыльями.

Значит, кречеты водились в этих местах. Только были они здесь, вероятно, столь редки, что хозяин фактории просто их не замечал. Не мешали они вести промысел, а возможно, даже и помогали.

Река все чаще разветвлялась на протоки. Высоченные леса по берегам нередко теперь мешали ориентироваться. Провожая, гидролог рассказал, как добраться до охотничьей избушки, в которой можно было скоротать ночь, но отыскать ее нам не удалось.

Увидев слева устье большой реки, поняли, что входим в Белую. Речной простор ее показался нам сродни морскому. Встречный ветер разогнал волну, лодки запрыгали, как в шторм. Брызги летели в лицо, слабосильный моторчик едва помогал продвигаться вперед. Пришлось уходить в протоку, где было потише и мотор мог оказать нам в продвижении существенную помощь.

Дело близилось к вечеру, решили подыскивать место для ночлега. Пристали к одной отмели, но там было столько медвежьих следов, что решили плыть дальше. Пристали к следующей — та же картина. Решили плыть, пока совсем не стемнеет, а там уж останавливаться у первого подходящего места. Но и когда подошло время окончательно приставать, убедились, что и здесь до нашего прихода медведей перебивало немало. Рядом поднимались кустарники, куда, судя по следам, уходили медведи. И возникало опасение, а не отлеживаются ли они там и не выйдут ли к реке, как стемнеет. Ружьёца-то у нас не было. Только дробовик.

Но искать другое место для ночлега не стали. Кто может гарантировать, что и там мы не наткнемся на медвежьи следы? «Следы — это еще не медведи», — изрек глубокомысленно Харитонов, но палатку на этот раз ставить не стал, решив, что лучше заночевать всем отрядом в спальниках под открытым небом.

Развели на берегу костер побольше, подтащили полусгнивший ствол ивы и расположились в кукулях неподалеку, надеясь, что дерево будет гореть до утра и огонь защитит нас от непрошенных гостей.

Снизу, из кукуля, черный дымящийся ствол, постреливающий красными угольями, по форме напоминал крокодила. Фиолетовое небо за ним постепенно переходило в черноту. Вся обстановка была какой-то нереальной, сказочной, и было хорошо и жутковато лежать рядом с этим костром в кукуле, у реки, где живут медведи. Я с грустью сознавал, что это последняя наша ночь на реке. Завтра, по расчетам Славы, мы должны выйти к поселку Усть-Белая. Заканчивалось наше путешествие, а я уже знал, что буду не раз вспоминать эту реку, тосковать по ней, видеть во сне. Может, удастся, думалось, повторить плавание. Хотелось бы с зоологами, лучше в одиночку. Никому не мешать, останавливаться где пожелаешь, фотографировать всех зверей и птиц, а чтобы не было скучно, взять с собой собаку. Хорошую лайку. Может, даст какой-нибудь охотник на время, размышлял я, засыпая...

— Э-э, вставайте,— разбудил меня хриплый возглас Дяди.— Вон зверь. Вон стоит. Медведь или еще кто. Без очков не разберу. Смотрите.

— Тьфу,— упал в мешок Харитонов.— Да это же росомаха, Дядя. Стоило ли нас поднимать? Время-то— пяти часов нет!

— Если бы я знал, что это росомаха,— оправдывался тот,— тогда бы не будил. Спросонья-то не разглядишь. Прошлый-то раз, на Майне, помнишь, медведь все-таки пришел.

— Тогда-то мы завтракали,— проворчал недовольно Харитонов, с головой скрываясь в спальнике. Похожая на медвежонка хищница убежала к кустам.

— Верно,— мечтательно вспомнил Дядя.— Сидели кофе пили. Эх, кофейку бы сейчас да кусочек белого хлебушка с маслом. Давно уже кофе не пили. А тогда, верно, только уселись на бревнышко у костра, а он, глядь, и идет. На завтрак. Не помню, зачем я обернулся, а он в десяти шагах от нас. Здоровый медведище. Застыл, стоит с приподнятой лапой, будто только теперь меня и увидел. Ружье в лодке, до лодки шагов двадцать. Раньше медведя не поспеть. Бежать или не бежать?..

— Бросьте врать-то,— прорычал из кукуля Слава, уразумев окончательно, что спать ему больше не дадут.— Ну и сочинитель вы, Дядя. «Бежать или не бежать?..»— передразнил он.— Вы лучше сознайтесь, что от страха с места не сдвинулись, положения не изменили. Бежать или не бежать за ружьем, про это думал я. А вы, как сидели с полуоткусанным бутербродом с маслом, так и продолжали сидеть.

— Да. Сидеть-то я сидел,— и не подумал обидеться Дядя,— но, согласись, если бы не я, неизвестно еще, чем бы все это кончилось.

— Соглашаюсь. Знаете, что сделал Дядя?— обратился ко мне Слава, вылезая из кукуля.— Он сказал три раза «Э». «Э э э». И все. Медведь посмотрел, подумал, потом развернулся, да как рванет! Только галка полетела из-под когтей. Расскажи мне такое, не поверил бы. Но тут уж сам всему свидетелем был. Истинный факт.

— Надо знать, кому и что сказать,— не упустил случая похорохориться Дядя. Мы решили встать. Наступил последний день нашего плавания по реке.

Легкие облачка затянули небо, было зябко, но дождя не предвиделось. Погода прямо-таки баловала нас. Река легко подхватила лодки, уверенно понесла

и вперед. Поплыли мимо густые леса, где таились медведи, лоси, росомахи. Все чаще в воде мелькали черные спины большущих рыб, пришедших на нерест. В небе кружили ширококрылые орланы, обучавшие полету покинувших гнезда птенцов. По случаю нереста их собралось здесь немало. Но самым удивительным событием дня стала для нас встреча с морским тюленем.

Заметив впереди поднышающую над водой черную обтекаемую тушу с небольшой головой, я удивился: что за зверь? «Тюлень,— подсказал Слава.— За рыбой сюда пришел».

Мы прикинули: километров двести пятьдесят пришлось тюленю плыть против сильнейшего течения в пресной воде, чтобы оказаться среди безлюдных лесистых берегов. На стремнине тут не поспишь— унесет. Для отдыха тюленю приходилось выбираться на берег, где следовало опасаться и медведя, и волка, и росомахи— зверей тюленю непривычных. Отчаянной же смелости был этот морской зверь.

Несколько лет назад, побывав на Каспии, я услышал от ученых, что тюлени попали в это крупнейшее южное озеро из северных морей. Ученые, считали, что пробрались они на Каспий, когда после периода оледенения на Земле вновь наступило потепление и начали бурно таять ледники. В пору весенних паводков верховья рек соединялись, и тюлени, преследуя косяки рыб, перебрались из северных рек в те, что несли воды на юг.

И если раньше эта версия казалась мне малоубедительной, то теперь я получил наглядное подтверждение в ее пользу. Тюленю и в самом деле ничего не стоило пройти по реке за рыбой расстояние в несколько сот километров. Слава встречал тюленей у Марково, куда речные теплоходы добираются из Анадырского залива около девяти суток. Подумалось: шли бы косяки рыб в озеро Эльгыгытгын— тюлени добрались бы и туда.

Настойчиво плывя против течения, тюлень вынырнул теперь уже совсем неподалеку от нас. Вздохнув, он исчез в воде, не удостоив нас взглядом, торопясь куда-то по своим делам. От рыбаков потом мне приходилось слышать, что тюлени, преследуя рыб, порой играют с ними, как кошка с мышью. Не раз приходилось вынимать из сетей рыб со следами тюленьих когтей на коже. Видимо, даже насытившись, тюлень не может отказать себе в удовольствии погоняться за рыбой. В одни и те же места, уверяли рыбаки, обычно

приплывают одни и те же тюлени. И это свидетельствует о том, что в реки скорее всего они заплывают случайно, но, ощутив прелесть необычного путешествия за рыбой однажды, они возвращаются сюда уже неоднократно.

Потеряв из виду тюленя, плывшего вверх по реке, мы пристали к берегу передохнуть, привести себя в порядок перед скорой встречей с людьми, и тут нас потешил Борис Михайлович. Наконец-то, впервые за все это время, когда до Усть-Белой оставалось всего два десятка километров, он поймал двух хариусов. Мы называли Дядю молодцом. Хотя что скрывать, рыбаком он оказался самым никудышным. На такой реке и почти за полмесяца поймать всего лишь две рыбины...

Вскоре нам повстречались катера рыбной инспекции... Инспекторы поднимались на мощных моторных катерах к верховьям в объезд владений, искали, не засели ли где браконьеры. О том, что будут сплавляться ученые, их предупредили. Радушно поприветствовав нас, спросив, все ли у нас в порядке, здоровы ли, они поинтересовались, не видели ли где мы подозрительных людей. Таких мы не видели. В одном месте мы заметили большое скопление чаек на берегу.

— Надо проверить,—решили инспекторы,—чайки нередко помогают обнаружить браконьеров.

Сообщив, что на почте для нас имеются телеграммы, они заторопились, умчались к верховьям реки. А мы поплыли дальше и встретили лодку еще одного рыббинспектора, оставленного, должно быть, для заслона. Мы представились, Слава попросил подбросить нас в поселок. Друзья торопились теперь на почту, плыви мы своим ходом, не успели бы попасть на нее до закрытия. Довольно плотного, внушительного сложения рыббинспектор, показавшийся мне несколько угрюмым от природы, почесал в затылке. По всей вероятности, это не входило в его планы, но, не став вдаваться в объяснения, он решил нам посодействовать, предложив перебраться в его моторку. Надувнушки взяли на буксир, и вскоре они понеслись за моторкой, как перышки. В полчаса пройдя остаток Белой, мы пересекли русло Анадыря и пристали к поселку, стоящему на правом берегу. Двухэтажные дома поднимались на склоне друг за другом и издали напоминали сакли горцев. Это и был поселок Усть-Белая, конечная точка нашего маршрута.

Пока Слава с Борисом Михайловичем бегали на почту, я разговорился с рыббинспектором, который

оказался весьма словоохотливым человеком, влюбленным в свой край и вообще в природу. Узнав, что мы встречали по пути снежных баранов, медведей, лосей, росомах и тюленей, он, покачав в восхищении головой, сказал, что Белая — уникальнейшая река, которую надо охранять не только как источник рыбных богатств, но и как место гнездования птиц, прибежище редких животных. Всю ее, говорил он, следовало бы превратить в заповедный край.

Рыбинспектор предложил нам переночевать на судне, которое принадлежало инспекции. А утром мы переправились на лодках на остров. Там мы сложили в мешки лодки, послужившие нам верой и правдой, неказистый с виду мотор, весь свой скарб и погрузили все в прилетевший вертолет.

Опять под нами поплыла болотистая зеленоватосиняя тундра, вся в озерах, поросшая невысоким кустарником. Когда до Марково оставалось совсем недалеко, Слава подозвал меня к окошку, указал на стоящий неподалеку от озера небольшой бревенчатый дом.

— Вот здесь,—прокричал он, прикинув к моему уху,—белый медведь и хотел было съесть Гошу. Он шел за водой к тому озеру. Пяти шагов не сделал, как медведь положил лапы на плечи...

Увидев озеро и одинокий дом среди тундры, я ощутил вдруг озноб, будто воочию увидел всю эту жуткую сцену. И порадовался за Гошу. Сумел постоять за себя, не растерялся. А тут показался знакомый поселок на берегу.

В радостном возбуждении мы подходили к неказистому домику биологического стационара в Марково. Невысокая молодая женщина с сереньким зайцем на руках поджидала нас на крыльце. Тут же суетился Синопс и Харитонов-младший, прыгнувший к отцу на шею. Впору было садиться за стол и праздновать возвращение, но в кассе аэропорта нам пообещали два билета на самолет, отлетающий в Анадырь. Дяде начинало везти!

Арсений Васильевич Кречмар все еще не вернулся из Магадана, и я решил лететь вместе с Дядей. Хотя и не удалось познакомиться с удивительным конструктором фотороботов, но за это время я успел узнать и увидеть немало интересного. Было с чем возвращаться в редакцию, о чем рассказывать и писать. Слава отправился нас провожать. Синопс, будто понимая человеческие слова, первым ринулся к аэропорту.

Черный хвост его развевался, голова гордо вскинута — всему миру должно быть ясно, что вернулся его хозяин. На ворчливых лаек он и внимания не обращал. Первым ринулся Синопс и к стоящей на стоянке «Аннушке», на которой нам предстояло лететь в Анадырь. Как в лодку, без колебаний Синопс шагнул в салон и разлегся в проходе между креслами. С нами он готов был лететь куда угодно. Хоть в Москву, хоть в Харьков. И я, припомнив пророчество охотника с речки Опаленой, едва поборол искушение упросить Славу отпустить собаку с собой. Да вовремя опомнился. Городская жизнь ей, привыкшей к вольной жизни на берегу большой реки, конечно же была бы в тягость.

— Прощай, Синопс,— хотя я и не поднималась рука, подтолкнул я сеттера из самолета.— Не гоняйся за медведями, особо бойся белого, очень большого медведя.

Но сеттер и не думал прислушиваться к моим словам. Оказавшись на земле, он продолжал с азартом носиться вокруг самолета, надеясь, очевидно, когда тот взлетит, погнаться за ним, как за моторной лодкой. Наверно, он думал, что непременно догонит его где-нибудь в одной из протоков, а там уж никто не посмеет его выставить.

Но самолет не лодка. Едва взлетев, он растворился в облаках. А когда пропал и шум его мотора, Синопс, по-видимому покружив по полосе, определил, что хозяин его никуда и не улетал, а находится здесь, в Марково.

Я представил себе, как, чуть ссутулившись, в синем спортивном костюме с белыми полосами, Харитонов возвращался к стационару, где его ожидали жена и сын. Он торопился домой, радуясь тому, что еще одно дело в его нелегкой работе выполнено. И закончилось оно хотя и не без приключений, но все-таки хорошо. Можно было отправляться в Ленинград и приниматься за работу над диссертацией.

Тут огромными прыжками его настиг Синопс и, взвившись свечкой, лизнул в рыжую бороду.

— Ты что, обалдел? — сказал хозяин. — А ну марш, пострел, домой!

И счастливый пес, завивляв хвостом, как щенок, помчался к дому. Эту картину я дорисовывал в своем воображении, сидя в самолете, пристегнутый ремнем в кресле. Невидящим взором смотрел я на проплывающую под крылом облачную пелену и, уже ощущая зарождение той смутной тревоги, которая меня будет

потом нередко одолевать, думал, удастся ли когда-нибудь побывать еще в этих краях, доведется ли свидеться...

* * *

История эта получила довольно неожиданное продолжение в Москве. Проявив пленки и убедившись, что встреченный нами на берегу Энмываам странной окраски медведь все же получился на цветном слайде, я, не теряя времени, отправился к Успенскому. Савва Михайлович пользуется большим авторитетом как специалист по белым медведям. Он очень хорошо знает животный мир Заполярья.

— С чем пожаловали? — поинтересовался Успенский, не раз выручавший меня своими консультациями.

Но едва я упомянул имя Куваева и историю его поисков на Чукотке очень большого медведя, Савва Михайлович вскинул руки, не дав мне договорить.

— Олег Михайлович, — сказал он с грустной улыбкой, — был очень хорошим человеком и талантливым писателем. Очень жаль, что он так рано ушел из жизни, книги его я очень люблю читать. Но с гипотезой своей он, того, мягко говоря, перебрал. Чтоб огромный зверь мог путешествовать с Аляски на Чукотку, оставаясь при этом не известным никому, кроме чукчей-пастухов, — это, простите, форменная чепуха. Литературная фантазия.

Но в чукотском фольклоре, — продолжал Успенский, — действительно есть немало преданий о полуфантастическом медведе кочатко — огромном, шестиногом, наводящем ужас на людей.

Легенды, как известно, во многих случаях оказываются основанными на реальных фактах или каких-то предпосылках к ним. И прочтя куваевский очерк, я всерьез задумался над тем, кто же в самом деле мог послужить прообразом этого легендарного кочатко.

Наблюдательные от природы охотники-чукчи называли его очень большим. А в этой части земного шара все медведи, как известно, крупны. На Аляске, Камчатке обитают самые большие бурые медведи.

Можно было предположить, что огромные бурые медведи заходили и в горы Анадырского плато, пугая непривычными размерами оленеводов.

— Но Чукотский полуостров есть одно из немногих мест в северном полушарии, где вдали от морских побережий, в глубине суши, можно встретить и белого

медведя. Так, к примеру,—Савва Михайлович достал с полки книгу и быстро полистал ее,—за период, скажем, с 1939 по 1962 год их встречали в глубине материка пятьдесят раз!

— Что же влечет их туда? В глубь материка, где нет ни полыней, ни тюленей?

— Все очень просто,—ответил Успенский.— Действительно, белый медведь не большой охотник путешествовать по суше. Отправляться в странствия его заставляет дрейф льдов. Со льдами медведи попадают в Берингово море, где могут долго и успешно охотиться. Тут немало тюленей, моржей. Медведи могут питаться и остатками зверобойного промысла, когда с забытых зверей снимают лишь шкуры. На распадающихся ледяных полях их приносит к берегам Камчатки, в Охотское море, а были случаи, когда белые медведи объявлялись на Сахалине и в Японии.

Как все далеко мигрирующие звери, белые медведи легко ориентируются, хотя механизм их ориентировки до сих пор остается загадочным. Оказавшись на незнакомом берегу, они направляются кратчайшей дорогой к себе в Ледовитый океан. В последние годы удалось установить, что их основные дороги—долины рек Пенжины, Гижиги, Анадыря, Белой.

А ведь белый медведь—самый крупный медведь на земле. Он достигает трех метров длины и до тонны веса. И такие экземпляры не редкость среди хищников этой породы. Выглядит он посвирепее и пострашнее самого большого бурого медведя, что, конечно, не могло не броситься в глаза жителям Чукотского полуострова.

Замечено, что в пути, страдая от гнуса и мошки, не имея возможности, как в океане, регулярно купаться и чиститься о лед, белые медведи закапываются в землю, отлеживаясь при отдыхе в ямах. Конечно, шкуру после этого уже никак не назовешь белой. И вполне понятно, почему чукотские пастухи, встречая медведя в горах, не решались называть его белым, а применяли слово «светлый». В то же время, оказавшись в непривычных условиях, вынужденный подолгу голодать, медведь этот может отважиться на разбой. Разорять склады, яранги, где хранятся съестные припасы, быть опасным и для людей.

— Размышляя так,—закончил Успенский,—я пришел к выводу, что именно белый медведь стал прообразом легендарного кочатко. Правда, кочатко в фольклорных преданиях, да и на рисунках всегда изобра-

жался как медведь с шестью ногами. Но если отбросить эту выдуманную пару ног, то в остальном это очень точно схваченный портрет белого медведя. Небольшая острая голова без ушей, длинная шея, хорошо прорисовывающиеся когти на лапах...

Мне оставалось признаться, что к такому же выводу пришел и я, когда совсем недавно побывал в Марково и узнал о нашествии на этот поселок трех белых медведей. Савва Михайлович со вниманием выслушал мое сообщение.

— Все верно,—радостно подхватил он, когда я передал ему историю, случившуюся с охотником с речки Опаленой.—Бросающиеся в глаза следы на снегу, которые кажутся «с бочку», могут принадлежать только белому медведю. Его ступня напоминает снегоступы—приспособление для хождения по снегу. Потому-то след и кажется очень большим. А тридцать девять—сорок один сантиметр—вполне обычный для этого медведя размер следа. Так что загадки тут нет. Большой медведь, о котором Олегу Куваеву рассказывали пастухи, был обычным белым медведем.

Но тут я достал припасенный слайд и выдвинул свое дополнение к этой достаточно аргументированной и хорошо разработанной версии.

— Да,—сказал я,—вы правы. Нет никаких сомнений, что белые медведи заходят в горы Чукотки, они-то и пугали пастухов. Но не могло ли случиться так, что от встреч белых и бурых медведей потом рождались гибриды необычной окраски?

И я рассказал о встреченном нами медведе с белой спиной и черными лапами на речке Энмываам, предложив ученому взглянуть на слайд.

Савва Михайлович взял свою знаменитую лупу размером едва ли не с чайное блюдце и внимательнейшим образом рассмотрел на свет настольной лампы принесенный мной шестисантиметровый цветной диапозитив.

— В практике зоопарков,—сказал он раздумчиво,—в настоящее время действительно удается получить вполне жизнеспособные гибриды от скрещивания бурых и белых медведей. Мне доводилось видеть их в Штутгарте. Это очень светлые звери, телосложением напоминающие бурых. Но предполагать, что на Энмываам вам повстречался гибрид, оснований нет. По снимку, хотя тут и видно, что зверь какой-то седой и с черными лапами, этого не определишь. Нужны более солидные доказательства, чтобы ответить на этот воп-

рос. К примеру, шкура, череп и так далее. Но и без шкуры и черепа я могу ответить, что подобное невозможно. Ведь природа — строгая блюстительница чистоты вида. И то, что возможно в зоопарке, на воле практически неосуществимо! Период спаривания у бурых и белых медведей происходит в разное время, и это не дает никакой надежды увидеть на Чукотке их гибрида.

— Тогда что же за медведя я запечатлел на пленку?

— Маловат он, конечно, на снимке, — отвечал Савва Михайлович, — определить трудно. Но, думается, снят тут белый медведь. Подзагрязнившийся, а потому и столь необычной окраски.

На том и порешили. Я получил в результате этой встречи солидное научно аргументированное подтверждение, что очень большой медведь, которого искал Олег Куваев, он же зверь кочатко из чукотских легенд, есть не кто иной, как белый полярный медведь.

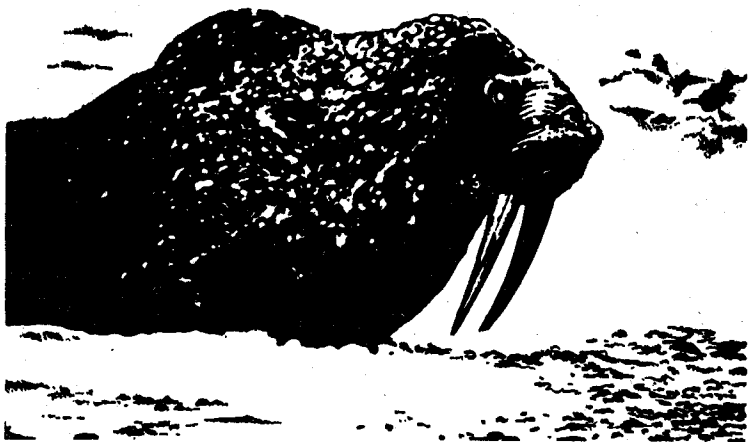
Можно было бы на этом поставить и точку, но как-то под Новый год, спустя несколько месяцев после нашего разговора, С. М. Успенский позвонил мне.

— Я получил зоологический журнал с Аляски, — сказал он. — В нем приводится очень интересный снимок: бурый, но совершенно белой окраски медведь. Снимок сделал охотовед. Он с неделю наблюдал за этим зверем, изучал повадки, образ жизни, так что ошибки тут быть не может. Вот я и подумал, не довелось ли вам на Энмываам снять бурого медведя очень редкой окраски?

К этому времени я уже получил несколько писем читателей и устных отзывов на очерк, опубликованный в журнале, где я рассказал о встрече с необычным медведем на Энмываам. Общий вывод их сводился к следующему: среди бурых медведей попадаются звери очень светлой, а иногда белой окраски. Таких медведей видели на юге Таймыра, в Саянах, на Камчатке и даже в горах Кавказа. А целое семейство светлошкурных зверей с черными лапами — медведицу с двумя медвежатами — обнаружил геолог на Кольском полуострове. Так что и мне, по всей вероятности, довелось встретить на Чукотке не белого, а бурого медведя.

К тому же выводу в конце концов пришел и я. Нет, не кочатко нам попался в горах на берегу Энмываам. Не был этот зверь ни могучим, ни страшным, ни свирепым, а уж тем более «видом своим наводящим ужас». И напрасно Савва Михайлович меня успокаивал, уверяя, что снять такого бурого медведя — большая

удача. «Ведь вы первый, — напоминал он, — кому удалось в нашей стране запечатлеть такой необычной окраски медведя на пленке». Горечи разочарования я отнюдь не испытывал. Главное было сделано: тайна легендарного кочатко раскрыта, а снять белого полярного исполина, прокладывающего в горах Чукотки путь с юга на север, я еще успею. Надеюсь побывать там еще не один раз.

ДОМ У ПИКА АБОРИГЕН

В Магадан я прилетел, чтобы участвовать в интересной международной экспедиции биологов, проводимой под флагом этого института, на полуостров Тайгонос.

Двое американцев, канадец — все известные в научном мире ученые, доктора наук, собирались провести там исследования, которые помогли бы пролить свет на давно интересующую всех проблему, каким образом получилось так, что, несмотря на пролив, разделяющий Азию и Америку, и на Чукотке и на Аляске обитают одинаковые виды сухопутных животных. И если в прошлом на месте Берингова пролива существовал перешеек, то откуда они расселились?

Экспедиция на полуостров Тайгонос, как сообщал ученый секретарь ИБПС, приславший приглашение, обещала быть нелегкой: гористый полуостров — безлюдное место. Летом тут сплошные туманы, ни вертолету, ни самолету не долететь. А у членов экспедиции запланированы «встречи» с волками и росомахами, снежными баранами, а также с самыми крупными бурими медведями, которые обитают только в этой части земного шара. Но это, что скрывать, меня и привлекало. Возглавлять экспедицию собирался орнитолог, тот, что конструировал фотороботов, и таким образом появлялась возможность, не торопясь, спокойно и обстоятельно поговорить с ним обо всем.

До отправки экспедиции на Тайгонос оставалось дня четыре. Высадку ее решено было осуществить с помощью китобойца — единственного, пожалуй, судна в эту жаркую пору навигации, оставшегося не у дел. Китов в Тихом океане не промышляли, судно стояло у стенки. И вот ему подфартило — пришлось «разводить пары».

Четыре дня — немалый срок, подумал я, услышав разговор о том, что к пику Абориген отправится машина, там разместилась экологическая станция — один из стационаров ИБПС. Мне довелось слышать, что расположена она в очень красивом месте, здесь удобные лаборатории, ученым легко работается, а создана эта станция для того, чтобы проследить, как будет влиять на природу водохранилище Колымской ГЭС.

— Может, успею, — обратился я к ученому секретарю, — до отхода судна посмотреть на экологическую?

Машина должна была доставить туда альголога, прибывшего из Ленинграда.

— День туда, день обратно, — почесал он авторучкой кончик носа. — Успесть-то можно.

— И не размышляйте, — сказал вошедший в комнату высокий, элегантно одетый мужчина, размашистыми движениями напоминавший оперного певца.

— Китобойца в случае чего подзадержать сможем, — уверенно пообещал он, — но вы и без того успеете, уверяю вас. Неподалеку там проходит трасса — машины идут постоянно. Поднимите руку — любой шофер до Магадана довезет. Только не вздумайте деньги давать! Люди у нас с характером, в тот же миг высадят, ни на что не посмотрят.

— И в самом деле, поезжайте, — вступил в разговор ученый секретарь, по всей вероятности, уставший переживать и волноваться за гостей. Институт лихорадило. Начался полевой сезон, и со всей страны съезжались ученые, которых надо было устраивать в гостиницы, переправлять на стационары.

— Успеете вернуться, — решил он. — По пути будете останавливаться: альголог пробы отбирать, а вы пейзажами любоваться. В горах у нас сейчас такая красота! Не Колыма, а Швейцария! Сами увидите. Не будь у меня здесь дел, отправился бы с вами.

— Деньги, деньги только не вздумайте предлагать, — напомнили мне на прощание. Я пообещал.

...Машина, на которой предстояло добираться до экологической станции, оказалась мини-грузовичком с

кузовом, крытым брезентом. Место в кабине здесь было только на одного пассажира, и оно, конечно, принадлежало Раисе Ивановне — альгологу. Где наша не пропадала, ободрил я себя, втаскивая в кузов свой тяжеленный объемистый рюкзак. Не удосужившись узнать, как долго ехать, я почему-то был уверен, что станция находится неподалеку от Магадана. Возможно, потому, что ученые рассказывали о ней как об одном из ближайших стационаров.

Деревянная скамеечка в кузове была низенькой, но поначалу езда мне показалась даже приятной. Грузовичок легко катил по автостраде, толчков почти не ощущалось. Как на экране, из полумрака кузова открывался передо мной постоянно убегающий вдаль пейзаж. Сужаясь, как с бухты пожарного шланга, разматывалась и убегала вдаль светлая лента дороги.

Давно остался позади шумный Магадан с кварталами новостроек. Промелькнули знакомые сопки с торчащими на месте прежнего леса тонкоствольными пеньками. Меж них ходили люди с корзинами. Грибники! Вот уж кого не ожидал увидеть в Магадане. Но оказывается, грибы растут не только в Подмосковье. За поселком Палатка повернули на Усть-Омчуг, и по обеим сторонам дороги открылись густые, зеленые леса. Засинели неподалеку горы. Дорога побежала по долинам рек, где благоухал аромат разнотравья. Уносились назад поляны, розовые от цветов иван-чая. Остановиться бы, побродить у реки, но машина, не сбавляя скорости, продолжала мчаться вперед.

Чем дальше мы отъезжали от Магадана, тем больше появлялось на дороге колдобин, и прочувствовать это я мог, как говорится, на себе. Подбрасывало порой так, что я, как мячик, взлетал вверх, цепляясь за что попало руками, умудряясь не упасть и не прикусить язык. К тому же скамейка час от часу становилась все тверже. Когда же, проехав без малого три часа, я вздумал робко спросить, не скоро ли экологическая, то услышал со смехом сказанное: «Да только отъехали. До экологической часов пятнадцать еще. К ночи, не раньше, будем».

Тут я немного занервничал: хотел было выйти, проголосовать да вернуться в Магадан. Все-таки нелегкое это дело провести скрюченным в кузове такой машинки восемнадцать часов — все равно что проехать от Москвы до Черного моря. Но потом махнул рукой — пребывание в пути, как я отметил, всегда интереснее, чем коротание времени в номере гостиницы.

Альгология, как назвал я попутчицу, оказалась женщиной деятельной. Завидев у дороги лужицу, болотце или родничок, она быстро выбиралась из кабины, наполняла водой пробирки, и вскоре уже следовал сигнал трогаться дальше. Я едва успевал ноги размять, до съемки пейзажей дело не доходило. Но самое неприятное началось позже: когда морозящий мелкий дождичек, сопровождавший нас от Магадана, в горах прекратился.

Облачность рассеялась, проглянуло солнышко, дорожка подсохла, и за машиной желтоватым шлейфом потянулась едкая пыль. Такой мне не приходилось встречать даже на прославленных своей пылью высокогорных дорогах Памира.

Стоило шоферу чуть притормозить, как пыль врывается в кузов и принималась меня душить. Приходилось и кашлять, и бить себя в грудь, но только это мало помогало. Особенно же досаждала пыль, когда наш шофер пытался обогнать идущую впереди машину. Конечно, никому не хотелось следовать в пыльном хвосте другого, и тут начинались такие гонки, что впору было бы снимать их для какого-нибудь приключенческого фильма. Поочередно машины исчезали в облаке пыли, ненадолго выныривали из нее, шоферы осматривались, переводили дух, и гонки продолжались. Тут уж я не выдерживал и принимался стучать по кабине, чтобы не спешили.

И опять уносились назад дорога. Открывались новые дали. Проплывали деревеньки с избами из красноватых лиственничных бревен, чайными и собравшимися возле них грузовиками. А затем начинались леса, то подступающие к дороге вплотную, то удаляющиеся, чтобы уступить место многоэтажным домам нового поселка. Мы одолевали мосты, подъемы, взбирались на горные перевалы, где рос лишь мох, а затем медленно спускались вниз вслед за вереницей груженых машин по извивающимся лентам серпантина.

Прежде чем исчезнуть за горизонтом, ненадолго показалось из-за туч солнце, осветив все резким желтым светом. Быстро стусились сумерки, и наступила темная ночь. А мы все продолжали катить по дороге, и казалось, что этому не будет конца. Прошло, как говорят пилоты, расчетное время. В дороге мы уже находились более восемнадцати часов, но ни шофер, ни альгология не думали бить тревоги. Я стал подозревать, что мы заблудились. Так оно и вышло, да только мне постеснялись сказать об этом.

К паромной переправе через Колыму нас выводили старатели. Они уже отмахали по тайге двадцать километров пешком и шли бы оставшиеся сорок, если бы, на их счастье, не оказалась на этой заброшенной дороге наша машина. Наш шофер только начинал работать в институте, на экологическую станцию совершал первый рейс и, отчаявшись поспеть к переправе, вздумал пуститься искать метеостанцию, где можно было бы заночевать. Но в конце концов заплутал. Давно уж по этим местам не ездил.

А у старателей случилась беда. После многодневных проливных дождей вышла из берегов Колыма. Вода затопила их участок. Бульдозеры, машины, вся промывочная техника оказались под водой, и современным золотоискателям ничего не оставалось, как своим ходом добираться до поселка Ветреный. Ночь они собирались провести у костра, заварили чаек, как вдруг заметили во тьме блуждающий свет фар одинокой машины. «Есть бог!» — сказал старшой и что есть духу помчался машине наперерез.

Радостно переговариваясь, наскоро объяснив шоферу дорогу к переправе через Колыму, веселой гурьбой старатели посыпались в кузов, стиснув меня сразу со всех сторон. Но теснота показалась не в тягость. Впервые в жизни встретились мне люди столь необычной профессии, и я рад был случаю поразузнать что-либо о их жизни.

— Эх, напрасно я, видно, связался с вами, — вздохнул молодой парень, сидевший в углу кузова. — Лучше бы плавать пошел. Диплом механика есть, стаж бы уже был, глядишь, и на дальние страны поглядел бы. А тут вот сиди! Придешь домой без копейки.

— Раз на раз не приходится, — басовито отвечал ему бородатый, ладно скроенный дядя, что сидел рядом со мной. — В прошлом году Миха, вон, одиннадцать «колов» за сезон взял. Дождался «фарту» и окупил разом все затраты.

— Так сколько лет ему ожидать этого пришлось! — не унимался молодой. По всему чувствовалось, что в эту темную ночь молчать ему никак не хотелось, требовалось непременно выговориться. — Глядишь, к этому времени у меня волосы повывлежут, а тогда на кой шут и деньги эти будут нужны! Нет, пока не поздно, уходите от вас надо.

— Уходи, если сможешь, — усмехнулся басовитый. — Все поначалу так говорят. Ты вот у нашего старшого спроси, сколько раз он зарекался, обещал

старательство бросить, а моет металл уже двадцатый сезон и все остановиться не может.

Позади нас появилась машина. Она шла на большой скорости, уверенно догоняла. Шофер включил дальний свет, давая понять, что намерен обходить. В кузове стало светло, как в комнате. Старшой, что сидел рядом на корточках, затянулся в последний раз и выбросил сигарету за борт.

— Ишь, как шпарит, — заметил он. — Вывраться вперед хочет. Увидел, что народу много, вот и гонит, чтобы раньше нас в гостиницу попасть. Да только бесполезно это. В гостинице мест все равно нет. При такой-то погоде. Это уж точно.

Старшой был невысоким, щуплым человеком с темной, как у цыгана, бородой и такими же цыганскими черными глазами.

— Да-а, — молвил он, как бы продолжая разговор, затеянный старателями. — Дело наше такое — своеобразное, не на каждый характер. Хотя и не держим, как старатели прежних времен, мы золотого песка при себе, не носим на груди в кожаных мешочках, но все от него зависит: как пойдет. Ведь никто не знает, сколько его там, в земле, лежит, когда получаем участок. А вдруг — жила, вот и фарт! Много денег получишь, так что есть всегда в нашей работе азарт. Но бывает и так, как сейчас. Может, и лежит сейчас там наше золото, да как взять? Пока вода схлынет, пока технику приведешь в порядок, а там и морозы подойдут, сворачиваться пора. Удачу тут не запрограммируешь.

Задетый, должно быть, недовольством новичка за живое, он рассказал, что современные старатели берут авансом под будущую добычу у государства бульдозеры, промывочную технику, машины, балки для жилья, продовольствие на весь сезон, взрывчатку, топливо. По существу это старательские кооперативы.

— Живем мы неплохо, — продолжал пояснять старшой. — Домики у нас, как у геологов. Спим на чистом. Повару солидно платим, только бы вкусно да сытно кормил. Кормежка в нашем деле главное, потому что работа — от зари до зари. Без праздников и выходных весь промывочный сезон. Это сейчас вот река взбеленилась да все затопила, а то разве бы с участка ушли! Никоим образом! Насчет дисциплины у нас строго. Прогул штрафуются. Явился на работу пьяным — увольняем! Пока работаем — сухой закон. И вообще промотчиков всяких, гуляк, которые заработанное го-

товы спустить в первом же кабаке, мы к себе не принимаем. И люди у нас большей частью работают серьезные, многие семейные. Свои строительные кооперативы имеем, чтобы люди могли жилье приобретать, помогаем покупать автомашины, всякие вещи для хозяйства, а иначе разве работа такая имела бы смысл?

— А мне и сама работа нравится,— сказал бородастый, что сидел рядом со мной.— Семь месяцев вкалываешь, хоть и нелегко порой бывает, но зато потом пять отдыхаешь. Такая работа по мне.

Далеко за полночь мы въехали в поселок Ветренный. Небольшая гостиница, как и предсказывал старшой, была набита битком. Из-за разбушевавшейся стихии паром через Колыму, как выяснилось, не работал уже несколько суток. В поселке скопилось много машин, и в гостинице были заняты все раскладушки. Только из женской солидарности сурового вида хозяйка согласилась принять нашу альгологиню, отыскав ей местечко на кухне, а нас без всяких разговоров выпроводила вместе со старателями на крыльцо. Старшой припомнил, что где-то есть общежитие, в котором можно было бы переночевать, и увел туда свою бригаду, а я перебрался в кабину. После пыльного стылого кузова местечко здесь показалось мне райским. Было тепло, тихо. Но спать не хотелось. И я спросил шофера, знает ли он, что за попутчики у нас были.

— Сразу узнал,— отвечал он.— Сам ведь когда-то старательствовал. За фартом, пропади он пропадом, гонялся. Большие деньги поймать хотел, только на это и ставил, да только фарт-то знает, видимо, к кому идти.

— В прежние времена,— заговорил он, облокотившись на руль и встряхнув головой, перемогающая подкрадывающаяся дрему,— бродил здесь, как рассказывают, старатель Бориска. Считают, будто он первым золото на Колыме обнаружил, с него, мол, все и пошло. Полагаясь лишь на свое чутье, бил и бил он по речкам шурфы. В последнее время работал один. Подозревал, что вскоре на россыпь выйдет, не хотел, чтобы кто-то об этом узнал. Нашли его у шурфа мертвым. Как ни колготился он, как ни старательствовал, а при нем нашли лишь небольшой мешочек с золотым песком. Фарта своего он так и не поймал. А в тысяча девятьсот двадцать восьмом году прибыли на Колыму тогда молодые парни, Библин с Цареградским, а с ними и еще несколько геологов. Эти ученые считали, что Колыма, как и Аляска, должна быть богата золотом. Не было у них цели, одним словом, чтобы золота

побольше намыть. А оно взяло да и пошло к ним! Да так, что и по сей день удачников таких не знают! Самородки на перекатах голыми руками выбирали! Поверить трудно, нашли клад: полную самородков банку из-под какао! С кем такое еще бывает? И что интересно, неподалеку от того места, где нашли этот клад, артель старательская билась, а счастья так и не испытала. Вот и выходит, знает фарт-то, к кому идти...

История Первой Колымской экспедиции, положившей начало освоению Колымского края, широко известна. Приходилось и мне об этом читать, но, должно быть, лишь личное участие в нелегком старательском деле да неудачи заставили нашего шофера взглянуть на успехи первооткрывателей под столь необычным углом зрения. Хотя давно подмечено: кто твердо идет к своей цели и труд свой ставит на благо своей Родины, успеха всегда добивается.

— Ушел я из старателей,— рассказывал шофер, глядя невидящим взором в темноту.— Сын вырос без меня, пока я за большим рублем гонялся. Жене стал не нужен. И как нарочно, когда узнал об этом, на берегу реки на самородок наткнулся. Сапогом ткнул, а он и лежит. Приличный кусочек. С голубиное яйцо. Взял я его, подержал в руке. Вот оно, золото, а зачем теперь оно мне? И со всего маху зашвырнул его в реку. Не пропадет,— успокоил он меня,— драга вымоет. А я сначала к геологам подался; с ними работал, а потом вот—сюда. Хочется быть к природе поближе. Ведь раньше всей этой красоты земной я вроде как и не замечал. Только теперь и стал природой любоваться.

Начинало светать. Засеребрилась река. Вся в водоворотах, стремительная—прославленная Колыма. Обозначились вдали угрюмые горы. Темнел на другом берегу лес, небо все еще хмурилось, и трудно было предсказать, каким окажется день, не случится ли так, что нам придется долго ожидать здесь парома. Но я уже не жалел, что отправился в путь: дорога становилась все более интересной...

— Боже, какие милые зверушки тут бегают,— разбудил меня женский голос. Под утро нас незаметно скосил внезапно подкравшийся сон. Разъяснилось. На берегу уже собрались люди, бульдозеры сгребали гальку, сооружая причал для парома. Кажется, буйная Колыма утихомиривалась.

— Так скажите же мне, что это за зверушки?— не унималась альгологиня, свежая, как цветок, хорошо выспавшаяся и умытая.

— Собаки, наверно,— буркнул я, желая еще немного поспать.

— Евражки это,— сладко потянувшись, улыбнулся шофер,— суслики колымские.

Часа полтора затем вместе с исследовательницей водорослей я ползал по земле, фотографируя евражек. Рыженькие, с пятнистыми серебристыми спинками, поблескивая бусинами глаз, евражки легко становились на задние лапки и, вздергивая длинный хвост, издавали пронзительный крик, будто приглашали нас поиграть в догонялки. Но стоило приблизиться, как зверьки быстро ныряли в норку. И в тот же миг призывный клич раздавался где-то уже позади, из другой норки. «Иди сюда, вот я, попробуй поймай»,— будто предлагал юркий зверек. Поймать их, конечно, было бы невозможно. Но стоило присесть и протянуть руку с угощением— кусочком печенья или конфетой,— как евражки, словно ручные белки в Сокольническом парке, безбоязненно бежали к человеку.

— Наш брат шоферня привадил их,— объяснил один из водителей.— Переправа рядом, здесь обычно машины и стоят в ожидании парома. Скучно, вот и выдрессировали. Такая забава. В экспедициях-то евражки всегда заместо кошек да собак. Уважают их тут. Всю зиму морозы под пятьдесят шпарят, реки до дна промерзают. Земля что камень становится, бульдозеры не берут, а евражки все это время в ней спят. Представить трудно, как удастся им выжить. Но чуть потеплеет, смотришь, уже стоят на бугорках у своих норок солдатиками. Лапки передние сложат, мордочку к солнцу тянут, весну встречают...

Суслики эти обитают только на Чукотке и на Аляске. В науке они именуются сусликами длиннохвостыми. Евражками же их скорее всего прозвали казаки-землепроходцы. Не могли они, конечно, не обратить внимание на симпатичных зверьков, которые, как и люди, предпочитали жить поселениями, устраиваясь обычно на берегах небольших евражков.

Мы так увлеклись фотографированием и наблюдением за евражками, что и про паром забыли. А он уж, сращенный из двух речных теплоходов, принялся за работу: перевозил на другой берег Колымы партиями застоявшиеся машины. Подходила и наша очередь. С неохотой расстались мы с поселением симпатичных зверьков, но шофер уверял, что их тут всюду тьма-тьмуцкая. В любом месте встретить можно.

Старатели уехали раньше, устроившись на попутный

автобус. В кузов к нам забралась геолог с письменным столом, который они везли на буровую. Приметив, что я снимал евражек, стали рассказывать, что у них на буровой живут совсем не боящиеся людей бурундуки и горностаи.

— Забавные,— рассказывал немолодой москвич, половину жизни, как он признался, проживший на Колыме.— Чуть свистнешь, бегут, чертенята. Как собачата. Угостишь—возьмут, но попробуй потом отнять—не отдадут. Горностаи, так те рычат. А проголодаются—бегут обратно, умора с ними.

Мы высадили геологов среди леса. Когда я вновь забрался в кузов, пик Абориген уже был виден. Он вздымался над лесом и вершинами гор синеватой громадой. Казалось, что теперь до него рукой подать, но в дороге мы опять заблудились и выехали на какой-то прииск. Людей не было видно. С трудом отыскался в балке бригадира. Он охотно пояснил, как добраться до экологической станции.

Альгологию заинтересовал вид цветущей воды в отстойниках. Она принялась вылавливать водоросли, надеясь отыскать среди них виды, которые неизвестны науке.

— Всё экологи ваши,— сказал бригадир.— Запретили нам отработанную воду в Колыму сливать. Потребовали, чтобы переходили на замкнутый цикл. Иначе штраф. Сооружаем теперь отстойники. Что тут скажешь? Правильно, хотя и не совсем удобно для нас. Но природу надо беречь.

Объяснив, что прииск не работает по случаю обещанного перерыва, он пожелал нам счастливого пути.

Облачность совсем рассеялась. На голубом небе запыльхало жаркое солнце. Температура воздуха быстро подбиралась к тридцати. Машину накалило, и в кузове опять стало душно. По лесной дороге, разбитой вездеходами, наш грузовичок еле полз. Пыль клубилась в кузове, не оседая, избавиться от нее не было никакой возможности, и до экологической станции я добрался в таком виде, как будто вывалился в дорожной пыли.

Невысокий черноволосый человек, раздувшуюся щеку которого бережно укрывала синяя повязка с белой ватой, едва я выбрался из машины, предложил: «У нас вездеход собирается на озеро Джека Лондона. Места там красивейшие, не хотите отправиться?»

Я поблагодарил. После таких мытарств, да еще вездеход...

— Тогда пойдете со мной,— потянул меня за собой молодой рыжеволосый, с интеллигентной бородкой неизвестный мне муж науки.— Попаритесь в нашей баньке. С дороги это здорово помогает. Враз оживете.

Все-таки банька! Не душ и не ванна, а настоящая русская банька с парилкой, с веничком и в самом деле есть лучшее средство для восстановления сил после нелегкого пути! Особенно же, если банька эта стоит у прозрачного лесного ручья, где, разомлев, можно осветить лицо и грудь ледяной водой. Не зря исстари было заведено приглашать с дороги гостя прежде всего в баньку.

Только после бани я по-настоящему разглядел красоту синеватых зубчатых гор, вздыбившихся к ослепительным белоснежным облакам, будто застывшим в бездонной синеве неба, необычайную свежесть зеленых лиственничных лесов на склонах, влажность мхов, обилие трав и кустарников в долине говорливой речки, называвшейся весьма изысканно — Вакханка. Поражало обилие ягоды: голубики, черники, брусники, морошки, росшей всюду, а также прозрачность воздуха и удивительная тишина, от которой, казалось, звенело в ушах.

И дом, и подсобные помещения стационара скромно прятались за деревьями на склоне горы, не нарушая ощущения первозданности в этом урочище. Дом был выкрашен в желтые, синие, коричневые тона и радовал взор. Большой, с мезонином, построен он был не без претензий на экстравагантность. С крыши его свисал канат, по которому, минуя лестницу, можно было при желании спуститься с чердака. На чердаке, как потом я узнал, работали ученые, любящие уединение. Но, судя по тому что канат был чистым, спускались с верхних этажей все-таки по лестнице.

Войдя в дом, гость прежде всего попадал на веранду. Здесь перед столом стояла лавка. И вероятно, возвратившись из дальнего маршрута, на ней было приятно посидеть, выткнув ноги, отдохнуть, посмотреть собранные за день коллекции.

За дверьми открывался просторный зал, где вечерами, ведя беседы, все собирались за чаем. Простые деревянные стены, не тронутые краской, были украшены самодельными масками, бутафорскими «медвежьими» шкурами, которые изготовлялись... из овчины! А дальше находились лаборатории, где стояли столы с микроскопами и была, одним словом, совершенно рабочая атмосфера, какая и должна присутствовать в настоящих лабораториях.

— Нравится?— спросил меня биолог, руководитель работ на станции, приглашая устроиться в кресле, когда я зашел к нему в кабинет. Здесь тоже стояли микроскопы, красовались коллекции собранных букашек и бабочек, а на стене висела карта звездного неба, помогавшая, вероятно, биологу в минуты раздыха уноситься мысленно в космические дали. Я не стал скрывать, что чувствую себя здесь отнюдь не плохо.

— То-то и оно,— торжествуя воскликнул он.— Все: и баню, и дом, и лаборатории— построили не какие-нибудь плотники, а наши же сотрудники. И станцию разместили так, чтобы вписывалась в пейзаж. Если бы не ребята, не их желание сделать все, чтобы было не только удобно и уютно, но и красиво, вряд ли была бы такой наша экологическая. В лучшем случае тут стояло бы несколько вагончиков.

Экологическая станция своим появлением на Колыме,— объяснил он,— обязана прежде всего заботам энергетиков. У Синегорья росла ГЭС, возникло водохранилище. Вот и было запланировано сразу же создать исследовательскую станцию, чтобы выяснить, как повлияет водохранилище на окружающую природу. Ведь на очереди было сооружение ГЭС и на других реках Чукотки и Магаданской области. Электроэнергия требовалась для развивающейся промышленности этого богатого края.

— Когда мне предложили заняться созданием станции,— вспоминал биолог,— я задумался, как заманить сюда ученых. Следовало в короткие сроки, пока не заполнилось водохранилище, провести огромный цикл наблюдений, чтобы потом было с чем сравнивать происшедшие изменения. А этого с десятком специалистов и за десять лет не сделаешь. Надо было привлечь как можно больше специалистов разных наук, пригласить их из других институтов нашей страны. И тогда я решил первым делом позаботиться о месте: чтобы были красивые ландшафты. Красота, известно, возбуждает ум и привлекает людей. Не раз и не два облетел я долину Колымы на вертолете. И вот удалось отыскать это место.

— Место местом, а когда оно было найдено, пришлось взяться за сооружение самой станции. И тут мне повезло: подослали таких ребят, словно они для того и появились здесь, чтобы построить красивое и удобное жилище для исследователей. Сразу решили: никаких временок, никаких палаток. Хватит подобной романти-

ки. И без того к сорока годам многих из наших исследователей уже мучает радикулит и тому подобные последствия экспедиционной жизни.

— Одного из них вы видели. Михаил, тот, что в баню вас водил. Кстати, сам ее и построил. А второй, Владимир, главный заводила и мастер на все руки, который масками да шкурами помещения украсил наверху сейчас. На самом пике Абориген. Наблюдения за солнечной радиацией ведет. Живет там один в избушке. Завтра спустится.

Он припомнил, что появление этих парней в Магадане было встречено с настороженностью. Первоначально заявили они в гидрометеослужбу, попросились, чтобы их на «таежку» наблюдателями послали. Да не на какую-нибудь, а на самую что ни на есть отдаленную. Кадровики, ознакомившись с документами, растерялись. Высшее университетское образование, служба в армии за плечами, таким командирами производства быть, а они — простыми наблюдателями! Отказать сумели, объяснив, что для работы на таежке необходимо знать морзянку и уметь работать на ключе. Потому-то и появились они в ИБПС.

Выйдя на крыльцо, я сразу же увидел Михаила, он отесывал на верстаке доску. Объяснил, что на станции уже ощущалась нехватка рабочих мест. А специалисты не переставали прибывать, вот он и решил возвести еще одну пристроечку для лаборатории.

— Как банька? — поинтересовался он. Я признался, что в лучшей париться не приходилось.

— Так я и знал, — довольно ухмыльнулся он. — Как для себя строил. Тоже париться люблю. Особенно зимой. Великое дело. А скажите, — неожиданно он перевел тему разговора, — Олега Куваева вы знали?

Оказалось, что книги Куваева и разбередили душу двух друзей, решивших после армии отправиться в отдаленные области, описываемые в рассказах Куваева.

— Мама из меня мечтала ученого сделать, — признался Михаил. — Хотя сама была простой рабочей, но своих детей хотела видеть только докторами наук. Пришлось послушаться, поступить в университет. Через силу зубрил я азы науки, а душа рвалась в дальние края. Хотелось жить среди снегов на Чукотке, охотиться, управлять упряжкой собак, ходить в море на байдарках, есть сырое мясо, уметь самому поставить для себя избушку. Сам удивляюсь, как до конца высидел, весь курс наук одолел. Брат мой тот не

выдержал: с третьего курса физмата ушел. Стал работать каменщиком. Научился секреты кладки древних мастеров раскрывать. Способности у него такие открылись. Ушел в лабораторию к реставраторам и не жалеет. А мне свои способности отыскать служба в армии помогла. В строительных частях служил. Там встретил и Владимира, давнего приятеля по университету. Оказалось, что и ему океанология, курс которой он прослушал, почти безразлична. Тогда и решили мы свою жизнь определить согласно желанию души. После демобилизации отправились вместе в Магадан, надеясь попасть наблюдателями на таежную станцию, а в результате оказались здесь.

— Поначалу-то нас отправили в Певек, — припомнил Михаил. — У института там есть еще биологический стационар. Занятые исследованиями ученые не нашли ничего лучшего, как предложить поискать самим для себя тему научных исследований, если хотим поработать головой, а если руками — то хотя бы построить сараюгу. Показали доски, бревна, где топор отыскать. В Певеке — тундра. Леса нет, а тут такой строительный материал. Жалко стало переводить его на сараюгу. Подумали мы с Владимиром и решили сделать дом. Что мелочиться-то! Опыт кое-какой есть. Ночей не спали, спорили, друг другу доказывали, как строить. Ибо сразу выяснилось, что многих вещей мы просто не представляли. Не знали, к примеру, как сложить венец, врезать оконную раму. Всю полярную ночь провозились, но с делом справились. Сделали дом. Ученые ахнули, удивились, решили, что вышла прекрасная лаборатория, и в доме быстренько расположились. А нам, сами понимаете, следовало выметаться — в лаборатории занимались исследованиями, далекими от нашего профиля знаний. Грустно это — уходить, хотя радость, что сделали людям добро, окупает многое. Но тут родился план создания экологической станции, и в дирекции института сразу вспомнили о нас. Так мы попали сюда.

— Что ж теперь? — спросил я. — Дело сделано, станция построена...

— Нелегко она нам далась, — отвечал Михаил. — Немало тут пришлось пережить и испытать, и сердцем к ней, что скрывать, привязались. В пятидесятиградусные морозы тянули сюда линию электропередачи, чтобы сохранялась чистой, не загазовывалась атмосфера, создавались идеальнейшие условия для наблюдений. Ох и тяжело тогда было! Руки, лицо — все стыло.

Не забыть, как зимой перегоняли сюда автомашину. Она была очень нужна для работы. Колыма стала, но во льду промоин тьма. Сумерки наступили. Владимир впереди шел, я в кабине вместе с шофером. И вдруг—треск, вода врывается в щели, мы на дне! Хорошо, что не глубоко было. Свечкой взмыл вверх, на лед выскочил—и к берегу. Пропади она пропадом, думал в ту минуту, эта машина. А Владимир потом тросом нырял за ней в воду. Достали-таки. Перегнали сюда.

Затем урочище это от охотников защищали. Не заповедник и не заказник, охотники, как в свои владения, заходят. Вот и пришлось по приискам окрестным ходить, собрания собирать да объяснять, по каким причинам нельзя нарушать биоценоз в этих местах. Да не все сразу поняли... Теперь поутихла стрельба в наших местах.

Конечно, большое это дело суметь построить хороший дом для людей,—вернулся он к сути вопроса,—но не навсегда же мы в строители записались. Хотелось доказать себе, что и это ты сможешь. Вот мы и доказали. А теперь Владимир с головой в науку ушел, нашел себе тему исследований. Я ему помогаю, но углубляться не тороплюсь. Делишки кое-какие остались. Подправить кое-что, пристроить, подкрасить. Сами знаете, какая нынче молодежь. Любит на готовенькое. Кисть дашь, скажешь: «Выкраси стену». А он тебе в ответ: «Сам крась, мое дело наукой заниматься». И понимать не желает, что для себя же!

Наш разговор прервал звонок будильника. Михаил отправился на площадку снимать показания приборов, а затем предложил мне осмотреть окрестности. В кустах багульника и голубики мы наткнулись на выводок рябеньких куропаток. От жары птицы тяжело дышали, не торопились убежать, безбоязненно вскакивали на пеньки. Пожалуй, нигде раньше мне не доводилось так спокойно снимать куропаток. Потом мы повстречали бурундука, забравшегося на тонюсенькую сосну и оттуда с любопытством уставившегося на нас. А затем по долине реки поднялись к ущелью, загроможденному валунами. И тут взору открылась неожиданная картина: среди зелени листвы голубели многометровые ледяные глыбы, из-под которых вытекала сверкающая на солнце вода. Рядом желтела моршка, росли подберезовики, желтели и голубели цветы, и тут же, звеня капелью, оттаивали льдины. В памяти моей прогулка эта так и осталась, как фантазмагория совершенно

несочетаемых красок льда, солнца и листвы. Михаил признался, что такой Колыму и он себе не представлял, направляясь сюда, а теперь полюбил еще больше.

Ночевать мне пришлось в пустовавшей комнате Владимира. Чердак оказался весьма удобным местом для жилья. Здесь было тихо. Из окна открывался чудесный вид на склоны гор, поросшие лесом и диким кустарником. Робкие ветви лиственниц тянулись к окну. Обставлена комната была просто. Стол, кровать, застеленная спальным мешком, на стене полка с книгами. Издали я разглядел красный корешок книги Олега Куваева «Каждый день, как последний», ставшую своеобразным завещанием романтикам. Конечно, она непременно, подумалось, должна быть здесь.

На столе стояла неоконченная деревянная скульптура: бюст девушки, придерживающей рукой развевающиеся на ветру волосы. Манера исполнения была довольно условна. Мастер лишь приноравливался к форме дерева, внося штрихи в сами собой образовавшиеся складки древесины, но по изяществу и красоте рождавшегося лица нетрудно было угадать и душу этого мастера. Несомненно, книга Куваева принадлежала ему.

Проснулся я оттого, что меня ласково лизала в нос собака. Она стояла на задних лапах и виляла хвостом. Не сразу я сообразил, что появилась она не случайно: вернулся хозяин и она предлагает освободить ему место. И верно, худощавый, светловолосый молодой человек стоял в дверях и, не скрывая неудовольствия, вопросительно смотрел на меня.

— Вы Владимир,—попытался угадать я.

— Допустим,—отвечал тот.—Хотя занявшему чужую кровать следовало бы для начала представиться.

Я объяснил, что вошел сюда по личному разрешению его лучшего приятеля, и представился.

— Так это вам лежит внизу телефонограмма,—смутившись, спохватился Владимир.—Предлагают срочно выезжать в Магадан. Судно ожидает у пирса.

Безлюдные горы полуострова Тайгонос вновь замаячили перед глазами. Но, странное дело, уезжать отсюда стало жаль. Подняться бы на пик Абориген, съездить на озеро Джека Лондона, побыть бы еще здесь хоть несколько деньков. Но шофер уже готовил свой мини-грузовичок.

— В кабине поедете,—успокоил он.—Да и ехать недалеко. Довежу вас до Ветреного, там пересядете на рейсовый автобус.

Пришел Евгений. Проводить меня вышла и альгологиня. И словно для того, чтобы развеселить компанию, на полянку перед домом выбежал евражка. Он встал столбиком, обнял лапками травинку и принялся завтракать. Раиса Ивановна обрадованно охнула, присела, протягивая евражке какую-то сладость. Но евражка застыл, как-то весь оцетинился, заверещал и припучтил к норке. Но добежать не успел.

Откормленный куцехвостый фокстерьер мчался за ним.

— На место, нельзя, Дик!— кричал Михаил, но фокстерьер уже настиг евражку, придушил в два счета и, отшвырнув на землю, встал над ним, победно помахивая обрубленным хвостом.

— Ваш Дик,— сказала, едва не расплакавшись альгологиня,— гадкая и мерзкая собака!

Гибель евражки конечно же не была великой потерей. Скорее она была наглядным примером того, как трудно сохранить любой участок природы в первоначальном виде, если там поселяется человек даже с самыми благими намерениями. Но Михаил совсем растерялся и стоял смущенный, будто пес по его приказу задавил евражку. Мне вспомнился его рассказ, как они с приятелем вставляли грудью перед ножом бульдозера, не позволяя привыкшему все крушить водителю расчистить площадку для станции, научив уважать бульдозериста каждое деревце. Припомнились и его рассказы о том, как увещевали охотников не искать добычи в этих местах, и вдруг любимый пес известного профессора, светилы, приехавшего изучать лишайники и мхи, прямо перед домом биологов устраивает дикий разбой.

— Ну, погодите,— сказал Михаил и, забыв попроситься, заторопился в дом.— Я ему скажу. Пусть сажает свою собаку на цепь. В конце концов здесь же не дача, а лаборатория. Экологическая станция!

Таким, негодующе поднимающимся по лестнице в дом, он и остался у меня в памяти. Уже подкатил грузовичок, пора было и трогаться.

На этот раз мы быстро добрались до парома, переправились через Колыму, но автобус отправлялся лишь на следующие сутки, и пришлось отдохнуть в опустевшей гостинице поселка Ветренный. В Магадан я попал лишь к концу следующего дня.

— Ну и хорошо, что опоздали,— сказал ученый секретарь. (Судно, оказывается, уже успело сходить на Тайгонос, высадило экспедицию и вернулось обратно.)— Наш орнитолог, руководитель экспедиции, когда

узнал, что и вы собираетесь быть в этой экспедиции, сказал, что ждать не стоит, что все это не для вашего пера.

— Почему?— удивился я.

— Видите ли,— отвечал ученый секретарь,— я сам-то, признаться, сразу не сообразил. Экспериментаторы, канадец и американцы,—гельминтологи. Им для изучения подавай кишечники зверей. А для этого придется заниматься отстрелом. Ну а он сказал, что читал ваши очерки, знает, что смотреть на подобное вы не можете, даже если стреляют зверей в научных целях. Так что он просил вас обождать его в Магадане, чтобы потом вместе отправиться в Марково. Там он покажет интересные снимки зверей и птиц, которые ему удалось сделать с помощью фотороботов.

Знать бы, что так все получится, не уезжал бы с экологической. Прав был орнитолог, что на полуострове Тайгонос в таком случае мне делать было нечего, но и терять время понапрасну не хотелось.

Я зашел в ТИПРО. И тут узнал, что в скором времени судно с рыбинспекторами пойдет в обход всех лежбищ моржей на Чукотке. Я договорился с директором, что получу приглашение участвовать в первом рейсе. Осталось теперь только ждать.

СТОЯНКА У МЫСА КРИГУЙГУН

Густой туман непроницаемой стеной окружал судно. Мы стояли на якоре где-то неподалеку от мыса Кригуйгун. На зеленоватой глади вдоль бортов покачивались пучки линялой шерсти морских зверей, птичьи перья.

Патрульное судно Охотскрибвода продолжало обход лежбищ моржей. Я сел на судно в бухте Провидения, откуда оно направилось к манившему меня острову Аракамчечен. Три дня мы вели фото- и киносъемку и подсчет моржей на илестых пляжах острова. Затем обошли соседний остров Ыттыгран и в проливе Сенявина, на небольшом безымянном островке, отыскивали неизвестное ранее лежбище, где отсыпалось более двухсот моржей. Биологи радовались: результаты мер по охране были налицо, моржи расселялись. Начальник рейса припомнил, что два года назад он отыскал небольшую лежку моржей у мыса Кригуйгун, и было решено выяснить, прижились ли, обосновались ли моржи и у этого мыса. Но подойти к нему помешал внезапно опустившийся туман. Он продержался всю

ночь. И утром, когда я вышел на палубу, казался все таким же густым, способным простоять если не целую вечность, то добрую неделю.

— Ерунда,— отверг мои опасения начальник рейса, вышедший на палубу после сна поразмяться.— Часам к десяти, попомните мои слова, его не станет. Будем спускать мотобот.

Вышел на палубу и капитан. Посмотрев на небо и по сторонам, он также решил, что туман скоро рассеется. Жулька, двухмесячный щенок, подаренный команде судна в одном из стойбищ, с остервенелым рычанием уже принялась наскакивать на тапочки капитана, не давая ему прохода. Засунув руки в карманы брюк, капитан, посмеиваясь, стал с ней играть. В это время неподалеку раскатисто грохнуло. Раз, другой, третий.

— Стреляют,— удивленно вскинул брови капитан, сразу насторожившись.

— Наверно, зверобой. Лорино неподалеку,— решил начальник рейса,— однако, думаю, нужно будет проверить.

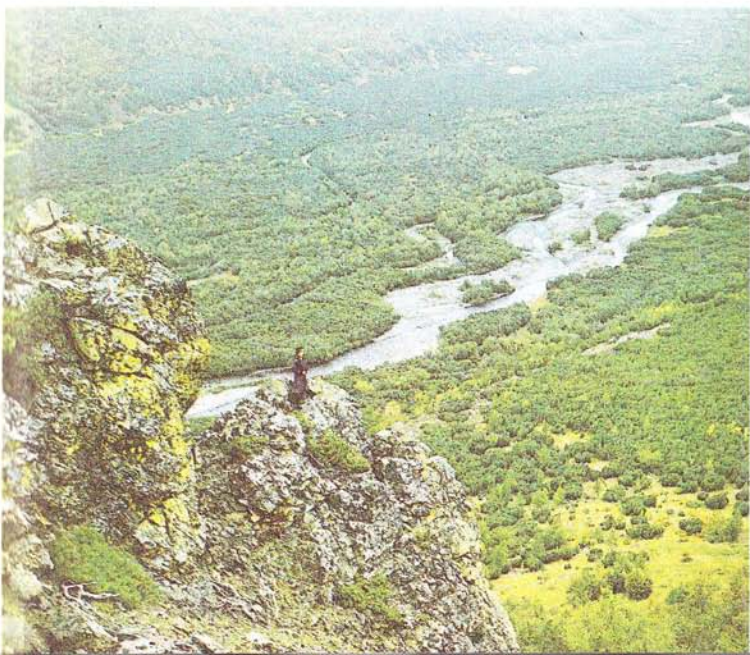
Выстрелы прогремели совсем близко, и я подумал, что вот удивятся стрелки, если они и в самом деле заняты незаконным делом, когда в рассеянном тумане увидят в двух шагах от себя наше белоснежное судно, по борту которого аршинными буквами по-английски выведено: «Рыбная инспекция».

Как и предсказывал капитан, к десяти часам утра тумана не стало. Слева от гористого мыса Кригуйгун открылась лагуна. В нее впадала небольшая речка, которая, стекая с гор, разделяла надвое небольшой поселок. Склон горы, на котором стояли дома, густо порос ярко-зеленой, неупотанной травой. Поселок был заброшенным, в нем давно никто не жил. И это обстоятельство больше всего заставило капитана подозревать неладное.

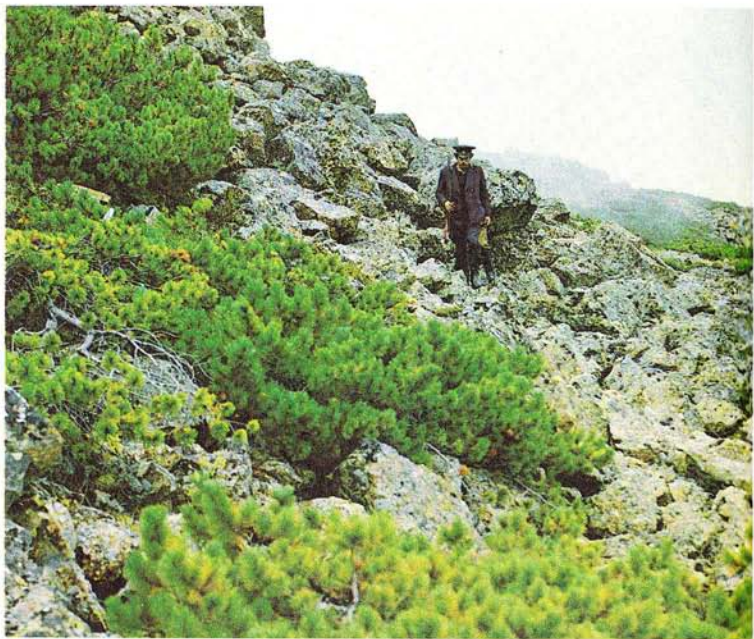
Небольшую часть моржей местным жителям— чукчам разрешается добывать для собственных нужд, но плыть за моржами сюда из Лорино показалось не совсем оправданным— далековато, да и что за причина охотиться в тумане?

Теперь стало отчетливо видно, что по лагуне взад-вперед шныряют два черно-белых вельбота. С них-то и гремели время от времени выстрелы. Без сомнения, стреляли во что-то плавающее на воде. Но стрелки на наше судно и внимания не обратили, продолжая заниматься своим делом.

— Палубной команде приготовиться к спуску мото-

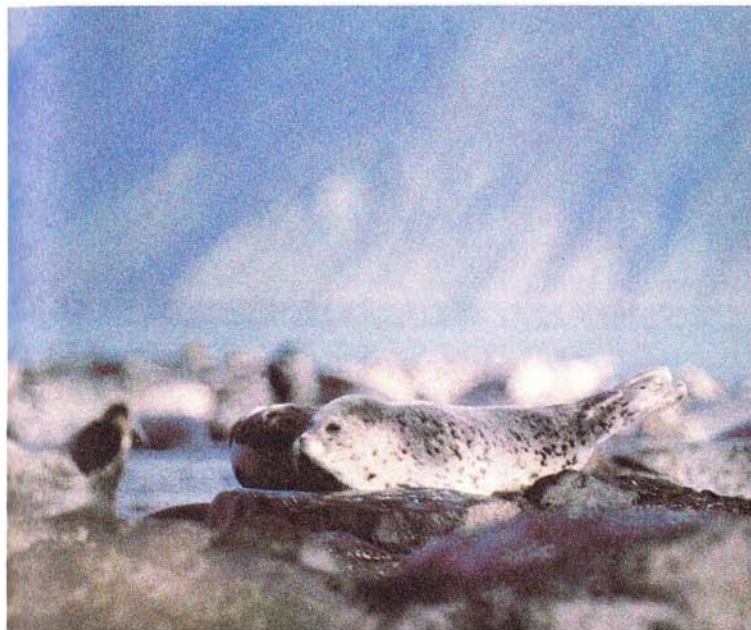
Тропой лесников

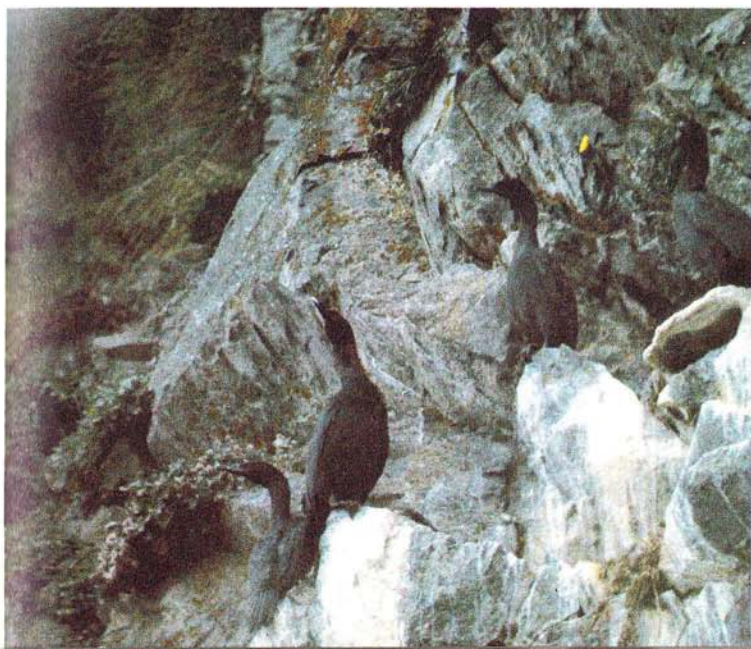
Тюлени на косе

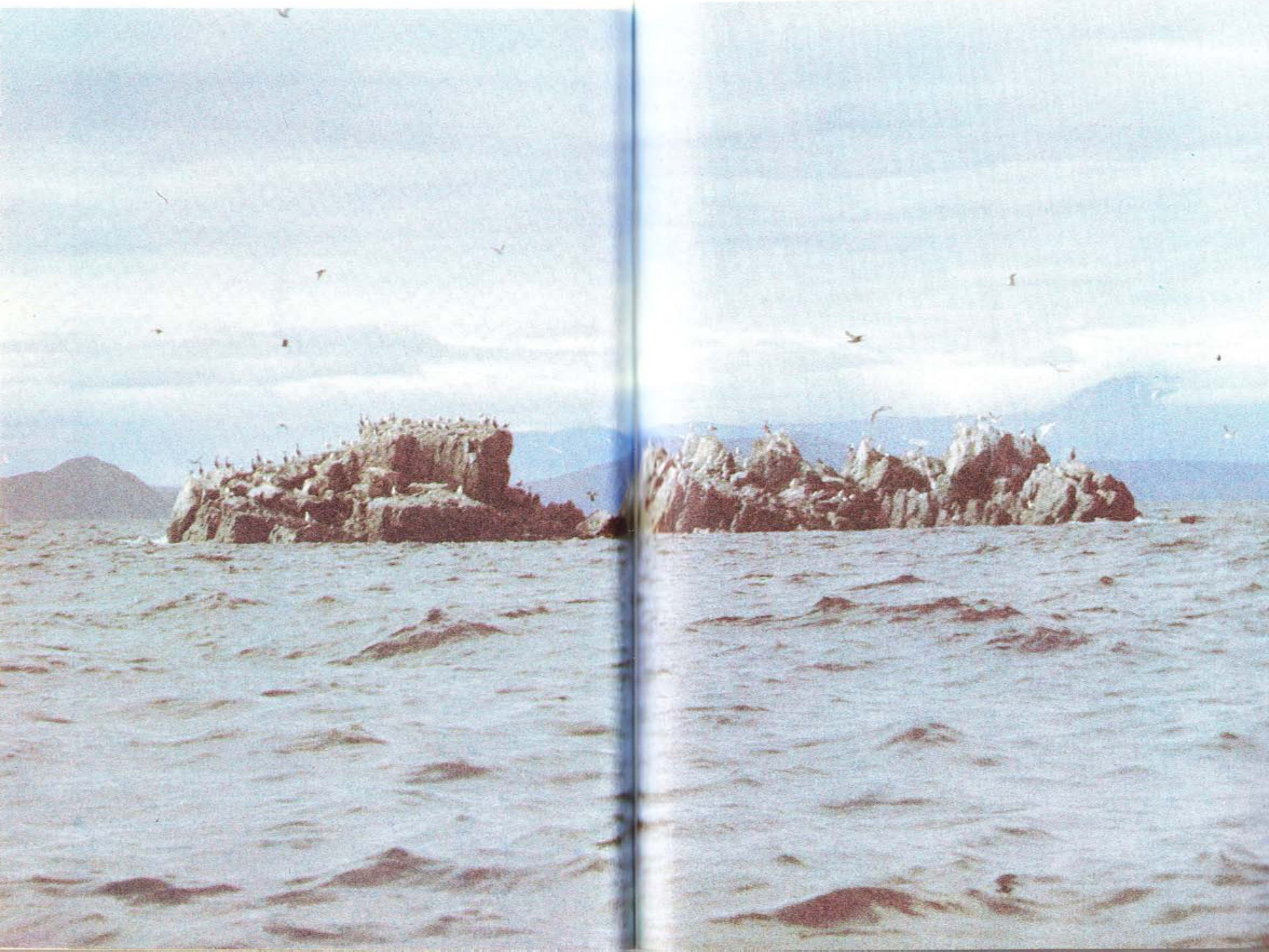
Хорошо подремать на солнышке

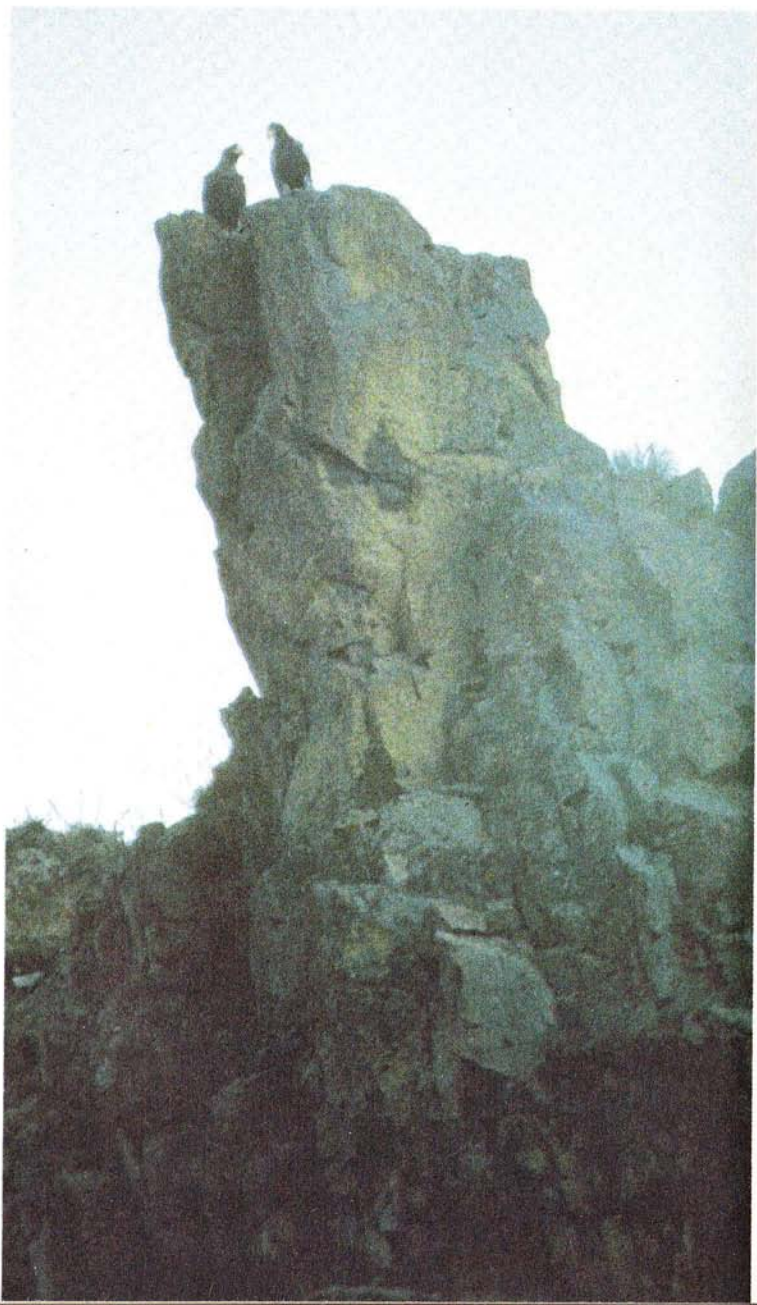
Бакланы будто приросли к скале

Небольшие островки — место
отдыха птиц

Белоплечие орланы

И орлан-белохвост нашел приют
в заповеднике

Дальневосточный краб

Полярная сова

В Халерчинской тундре

Кулик-плавунчик

Куропатка на гнезде

Гнездо утки-морянки

От гнезда лучше далеко не
отплывать

По тундровым озерам

Розовая чайка

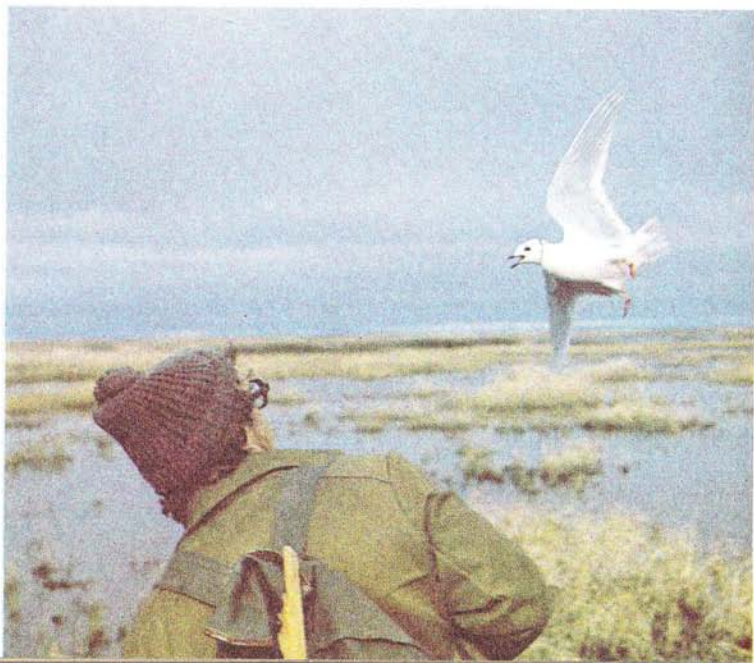

И где-то неподалеку гнездо

Розовая чайка бесстрашно
атакует

Вот оно, гнездо этой птицы

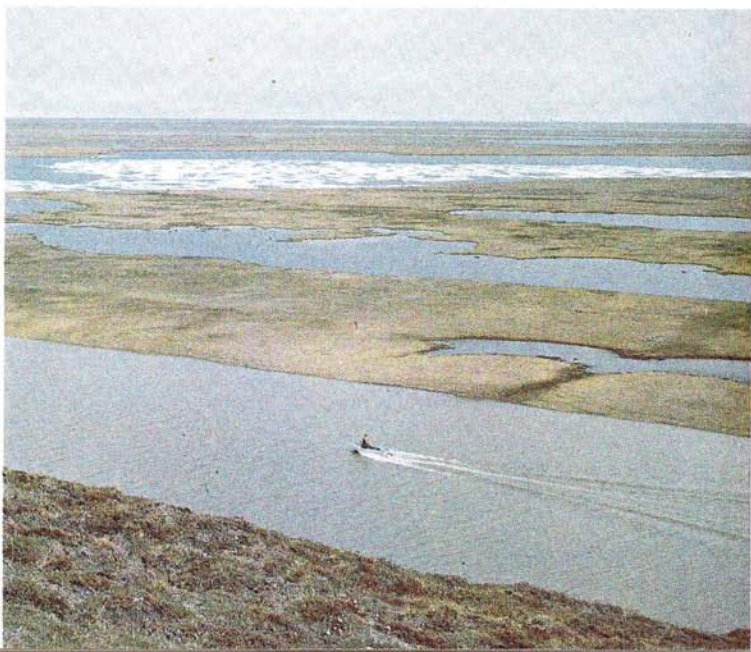
Стоит чуть отойти, как чайка
усаживается согревать яйца

На Колыме

Озера еще подо льдом

Не стаял снег в распадках

А в гнезде каниюков вывелись птенцы

бота,— прозвучала по судовому радио знакомая команда. Я поспешил в каюту к начальнику рейса.

На судне с моряками от самого Магадана шли корреспондент газеты «Водный транспорт» Чиров и океанолог журналист Тихонов, представлявший журнал «Знание—сила» и телевизионную передачу «Клуб путешественников». Вполне могло случиться так, что кому-то в мотоботе места и не достанется.

Начальник рейса, молодой крепыш, уже облачился в форменный китель рыбинспектора и пристегивал к поясу кобуру с ракетницей. А его помощник лихорадочно заряжал фотоаппараты, свято веря, что это оружие на браконьеров действует не хуже пистолета.

— Значит, так,— примеривая перед зеркалом умывальника фуражку, стараясь говорить самым будничным голосом, обратился ко мне начальник рейса,— вас с Тихоновым мы высаживаем на берег. Подниметесь в горы, там будет старинное чукотское кладбище. Как человеку, интересующемуся жизнью северных народов, думаю, вам не мешает познакомиться с их обрядами...

Я взбунтовался, почуяв неладное. Какое, к черту, кладбище, когда у нас под боком браконьеры бьют моржей!

— Да погодите,— остановил меня начальник рейса.— Браконьерами тут и не пахнет. Скорее всего это зверобой из Лорино. А им, сами знаете, разрешено охотиться в море. Мы сходим проверим и вернемся обратно. Вам же я предлагаю оказать нам более существенную помощь: осмотреть берег и выяснить, не образовали ли моржи здесь лежбище.

— Если мы пойдем туда на мотоботе,— объяснил он,— то, чего доброго, можем и напугать зверей. А хотя бы раз испуганные, моржи могут и навсегда забить дорогу в эти места.

— А Чиров,— поинтересовался не без ехидства я, все еще не до конца веря начальнику рейса,— куда, скажите, он пойдет?

— Да вы же сами знаете, у него нога болит. Он с нами на боте сходит и вернется. По горам он не ходок. Да вам же лучше предлагаю,— возмутился он.— Заодно на птичьем базаре побываете, бакланов посмотрите.

Пришлось согласиться. План был таков: от кладбища идти по горам вдоль берега, ни в коем случае не спускаясь до самого птичьего базара. Выходить к нему. Внизу должно быть лежбище моржей. Осмотреть его и следовать в том же направлении до маяка. Затем спуститься к берегу и подождать прихода судна.

— Да мы уже там будем вас ожидать,— заверил начальник рейса.

Вскоре, нагрузив рюкзак фотоаппаратурой, я спустился по штормовому трапу в мотобот. Журналисты уже были здесь. Дед, как называют на большинстве судов старших механиков, запустил двигатель, капитан встал за штурвал, и мотобот направился к берегу. А два вельбота продолжали снова по лагуне, и люди в них не прекращали стрельбы, никак не реагируя ни на инспекторское судно, ни на спущенный с него мотобот. И верно, подумалось мне, никакие это не браконьеры. Даже жаль стало корреспондента «Водного транспорта», которому не придется пройти с нами по горам. Два дня назад мы отыскивали на берегу пролива Сенявина горячие ключи. Начальник рейса заверил, что вода их целебна, как в родоновых источниках, и Чиров решил искупаться в этом ключе, полечиться от застарелого ревматизма. В результате сегодня он перевалил через борт в мотобот только с помощью моряков. Нога у него стала болеть еще сильнее.

Мы выпрыгнули на каменистый берег и, пожелав успеха морякам, начали подниматься по склону горы. С борта судна горы представлялись не очень высокими, вполне доступными для перехода. Однако вскоре мы почувствовали, что легкой дороги не будет. Склон весь был завален остроуглыми огромными базальтовыми обломками, будто их набросал сюда мощный вулкан. Одолевать их оказалось нелегко, но и остановиться передохнуть тоже не представлялось возможным. Тотчас же налетали полчища комаров, неизвестно откуда вдруг бравшихся.

— Ну на кой леший нам это кладбище,— взмолился я, ибо рюкзак с фотоаппаратами оттягивал плечи.— Давайте-ка срежем путь. Начнем сразу же продвигаться к птичьему базару,— предложил я.

— Раз уж сказано, что следовать до кладбища,— негромким голосом, но твердо отвечал мой спутник,— надо туда и идти. Кстати, и кладбище неплохо осмотреть. Верно ли, что вместе с умершим оставляли вещи, которые будто должны пригодиться ему на том свете.

А чтобы мне не особенно утруждать себя, он предложил половину моей фотоаппаратуры нести сам. Так мы и сделали. Я понес фотографическую сумку, Тихонов привычно вскинул на плечи рюкзак.

Кладбище чукчей, как и всякое кладбище, произвело на меня тягостное впечатление. Росомеха— а может, медведь— взломала несколько гробов, покоящихся на

поверхности. Виднелись полуистлевшие человеческие останки, а рядом, в куда лучшей сохранности, лежали ложки, блюда, флаконы из-под одеколона, ржавели ружья. На меня накатились грустные мысли о кратковременности нашего бытия, о том, что рано или поздно всем суждено в конце концов сойти в могилу...

— Ну какого черта, в самом деле,— не сдержался я,— вздумалось начальнику рейса предложить нам такой маршрут. Не мог подыскать поинтереснее ориентира.

День был отличным. Солнце так и сияло. В этокое времечко только снимать орущих бакланов на птичьем базаре да пересчитывать похрапывающих моржей, а мы столько сил потеряли, чтобы поглазеть на истлевших покойников.

Сверху мы теперь могли отлично видеть и брошенный поселок, и речку, и наше, сразу ставшее каким-то очень маленьким белое судно. Мотобот— мы все-таки постоянно наблюдали за ним— подошел к вельботам, постоял рядом, затем направился к берегу лагуны и теперь, разводя буруны на гладкой поверхности моря, возвращался к судну. Значит, охотились не браконьеры, решили мы и, успокоившись, отправились в сторону птичьего базара.

Огромные камни по-прежнему преграждали дорогу. Одолевая их, приходилось и балансировать, как канатоходцам, и использовать приемы скалолазания. Поднимаясь вверх, мы наткнулись на едва заметную тропку, которая, петляя меж камней, уходила к вершине гористого мыса почти в нужном нам направлении. Идя по ней, мы раза два вспугивали серых зайцев. Откидывая назад длинные ноги, ушастые зверьки стремительно уносились вперед и так же неожиданно исчезали среди валунов.

На вершине нас встретил такой пронзительный леденящий ветер, что пришлось уйти с тропки, спуститься на пригреваемый лучами солнца склон и там отогреться среди камней. Защищенный от ветра уголок оказался столь удобным, что мы решили тут задержаться и немного отдохнуть. Мой товарищ стал припоминать свои первые походы в Арктику, плавание на самый восточный остров нашей страны, каменистый, безлюдный остров Геральд. После этого плавания, признался он, и началась у него «болезнь» по Северу, не исчезающая вот уже более двадцати лет.

Отчего-то и мне вспомнилась Новая Земля, с зимовки на самом северном мысу которой началась и моя

«арктическая болезнь». Мучаясь от холода, ураганного ветра, свирепствующего там месяцами, перенося тяготы длинной полярной ночи, я считал дни, когда окончится зимовка, и думал, что никогда уж больше в эти края не вернусь. Но, оказавшись на материке, месяца через два ощутил невероятную тоску по пустынной каменистой земле и в вечных льдах моря. И не дождавшись окончания отпуска, отправил на остров Диксон телеграмму, что устал отдыхать, горю желанием вернуться обратно...

Подметив, что несколько засиделись, мы решительно встали и пошли искать птичий базар. Груды каменных обломков местами образовали что-то вроде крепостных развалин. Иногда они напоминали гигантские статуи вроде тех, что стоят на острове Пасхи, а иногда складывались в причудливые скульптуры зверей, похожих на доисторических ящеров или современных тигров. Смотреть на все это было бы весьма интересно, если бы не начинала сказываться усталость, хотелось есть и пить. В дороге мы были уже несколько часов, но пока не только не заметили каких-либо признаков птичьего базара, но и вовсе не встречали птиц. Даже пуночек, распространенных полярных воробьев, не замечали в этом каменном царстве.

У меня стали возникать сомнения, верно ли идем. Не сбились ли? Кораблик наш отсюда казался очень далеким. Время приближалось к четырем. Час оставался до назначенного срока, к которому мы должны быть на маяке, а мы не знали, найдем ли вообще туда дорогу.

— Давайте-ка спустимся вниз,—предложил я.— Морем идти будет легче. И мы непременно выйдем к маяку, не промахнемся. А моржей постараемся не испугать.

На этот раз Тихонов спорить не стал. Но спускаться по крутому склону, поросшему скользлившей под ногой травой, оказалось не просто, да и опасно. Огромные обломки породы порой едва держались, и достаточно было небольшого толчка, чтобы заставить их с грохотом катиться вниз. Идти по склону приходилось очень осторожно, а на полпути к морю мы увидели, что наше судно снимается с якоря. Поначалу мы решили, что оно идет к маяку встречать нас.

— Подходите сюда, вот мы, здесь,—закричал я и стал размахивать руками, забыв, что ни услышать, ни увидеть нас с такого расстояния среди камней с судна невозможно даже, наверно, в самый лучший бинокль.

Судно обогнуло мыс и пропало из виду. Но припомнив, как снявшись с якоря, оно сразу же развило предельную скорость, будто затребованное по срочному делу, мы забеспокоились, не ушло ли оно куда-нибудь в поселки Лорино или Лаврентия.

Не зная, что и думать, в растерянности мы спустились к берегу и обнаружили, что ничего от этого не выиграли. Я-то думал, что будем идти по галечниковым пляжам, а тут лежали друг на друге все те же каменные обломки, сорвавшиеся со скал. И здесь, как и в горах, нужно было взбираться на них с альпинистской ловкостью, балансировать на краю расщелин. А ноги уже устали, и мучила жажда. Нестерпимо хотелось пить. Напившись из небольшого ручья, выбегавшего из-под камней, ледяной воды, я уже не мог остановиться: через каждый десяток шагов начинал искать мерещившийся ручеек.

Время от времени я корил начальника рейса. Мог бы на мотоботе и поближе нас подвезти, не испугали бы мы моржей. Но Тихонов за него заступался, объяснял, что выстрелы спугали карты. Мешала идти сумка с фотоаппаратами, которую нельзя было закинуть за спину, как рюкзак. Она шлепала по боку, срываясь, и тянула в сторону, когда приходилось прыгать с валуна на валун. Однажды я едва не сорвался, но каким-то чудом умудрился задержаться на краю расщелины. Но скверное настроение, вызванное тяготами пути, вмиг улетучилось, когда в небе мы увидели черный силуэт летящего баклана. Он, как мы поняли, держал направление к своему гнездовью. Птичий базар был впереди. Сил будто прибавилось, и пробираться по камням стало легче.

Птицы все чаще пролетали над нашими головами. Базар был уже рядом, когда, выйдя на небольшой мысок, присев там отдохнуть, мы отыскали очень свежую винтовочную гильзу. Потом вторую, третью. Тихонов собрал их две обоймы, собираясь представить рыбинспекторам как вещественное доказательство. Было ясно, что кто-то сидел здесь и палил в сторону моря. Стреляли, выходит, будучи совсем рядом с лежищем. И конечно, не просто так...

Пройдя еще несколько десятков метров, среди камней на берегу мы заметили очень яркое желтое пятно. Словно огромный кусок янтаря выбросило море в шторм на серую грудку валунов. Подходя, мы старались угадать, что же это может быть. «А вдруг амбра?»—возмечтал я. Но когда подошли ближе,

отшатнулись. Это была туша моржа. С содранной шкурой, она-то, разлагаясь на солнце, и показалась издали янтарем. Сразу подумалось, что никакого лежбища у мыса Кригуйгун мы не найдем. Так оно и случилось.

Птичий базар оказался небольшим. Скалы тут были серовато-серебристые, желтые и очень отвесные. Гнезда бакланов, в которых сидели почти взрослые птенцы, находились в нишах. Отдельной колонией поселились на сероватом выступе чайки-моевки. Под скалами, как на всех птичьих базарах, росла густая трава. И в ней носились знакомые мне евражки, оглушительно стрекоча, возникая то сзади, то спереди. Окажись я здесь в другое время, фотографировал бы птиц и зверей, не жалея пленки, а теперь и снимать расхотелось. Моржей у базара не было. Обидно стало. Сколько сил было потрачено на дорогу, такого «кругаля» дали, чтобы только, не дай бог, не испугать на новом зарождающемся лежбище моржей, а их тут, оказывается, и не было. Нашелся-таки злодей, который ради пары бивней не погнушался разогнать приплывших на отдых добродушных морских зверей...

В довершение ко всему, дойдя до базара, мы обнаружили, что огромный обломок скалы не позволит нам идти к маяку берегом. Тут и вспомнилось, почему начальник рейса советовал не спускаться, а осмотреть лежбище сверху. Но в суматохе он, видимо, просто позабыл объяснить причину. Теперь же предстояло подниматься на скалы и искать дорогу к маяку.

Взбираться вверх у базара показалось просто невозможным. Но и возвращаться назад, чтобы подняться там, где спустились, было выше наших сил. Шесть часов без еды прошагали мы по камням. Ноги заметно устали. Присев на траву, решили поначалу отдохнуть, а потом уж и обдумать, что делать.

Разглядывая вздымавшиеся к синему небу скалы, мы заметили вскоре выступы и ниши, за которые можно было цепляться. И почти одновременно решили — можно подняться! Зачем возвращаться обратно, тратить время и силы.

Первые два десятка метров мы прошли удачно. Цепляясь где за траву, где за камни, поднялись по склону и остановились отдохнуть. Сердце билось так, что казалось, готово было разорвать грудную клетку, а впереди был подъем посложнее. От маршрута, намеченного ранее, пришлось по ходу дела отказаться. Появившиеся неровности в скале сами теперь вели нас к

наиболее удобному месту подъема. Назад дороги уже не было. Шатающиеся камни и скользкие нити травы не смогли бы нас удержать, вздумай мы возвратиться. Вниз можно было теперь только падать. И как-то не верилось, что мы оказались в западне.

— Красиво-то как,— не удержался я от восклицания, любуясь с высоты птичьего полета на искрящееся море. Мы были уже выше птичьих гнезд, над которыми, часто взмахивая крыльями, носились взволнованные бакланы.

Собрав силы, броском, мы одолели еще несколько метров скалы и забрались еще выше. И опять остановились отдохнуть, дать успокоиться стучавшему сердцу. Мое внимание привлекли два черных вóрона, которых раньше я здесь не приметил. С негромким карканьем, словно переговариваясь, они кружили над нами, не торопясь улетать. Как бы присматривались. А выше их, на самом краю обрыва, куда мы стремились, застыли «кигиляхи» — каменные изваяния. Одно из них удивительно напоминало птицу с женской головой, другое походило на лицо разгневанного старца. Так и казалось, вскинет длань с указующим перстом и закричит на нас, святотатцев, рискнувших нарушить покой древних скал. Я не удержался, достал фотоаппарат и сделал несколько снимков.

Страшное началось позже. Когда исчезла трава и пошли гладкие, будто отполированные каменистые склоны. Неожиданно для себя мы попали в желоб, по которому во время таяния снегов низвергался с гор поток. Чем выше мы поднимались, тем вертикальнее и уже он становился, и тем рискованнее было по нему подниматься. Не было никакой надежды, сорвавшись вниз, остаться живым. Очень мешала аппаратура. И тут я сообразил ляжки сумки с фотоаппаратами надеть через голову на шею. Получилось что-то вроде рюкзака, и ползти сразу стало удобнее.

Прижимаясь к стене, как ящерицы, цепляясь руками до боли в ногтях за малейшие выступы, мы медленно поднимались все выше. Нагло каркали вóроны, кружа почти над нашими головами. Их присутствие раздражало.

Не прекратить ли подъем, мелькнула мысль. Остаться распростертыми на скале и ждать, пока не подоспеет помощь. Ведь что-нибудь придумают, если нас отыщут. Снимут. Но сколько ждать? Я не знал, хватит ли сил простоять так хотя бы час.

— Совсем немного осталось,— сказал я вслух.—

Еще с десятков метров, и наклон станет ощутимее. Полежим, отдохнем, а затем и на маяк.

Верил ли я в то, что говорил? Наверное, нет. Но требовалось ободрить и себя, и товарища. Надо было выбираться!

— Не выйдет,—сказал я раскаркавшимся воронам, которые пролетали так близко, что казалось, готовы были вцепиться в нас когтями и столкнуться со скалы,— не будет у вас сегодня сытного ужина,— и полез, сжав зубы, по узкому желобу, где еще несколько мгновений назад мне казалось, что не пройти.

В несколько рывков я одолел самую отвесную часть участка. Сил больше не оставалось. Продлись этот отвес чуть дальше, и я покатылся бы вниз, но тут всем телом я ощутил, что стена становится более покатой и можно, прижавшись к ней, почти лежать, не рискуя сорваться.

— Подняться можно,—крикнул я Тихонову.— Все в порядке. Выбирайтесь. Скоро будем отдыхать.

У края обрыва показалась голова товарища. Я протянул руку, но он ее не заметил. Молча выбрался на склон и пополз, не поднимаясь, вперед, стараясь как можно дальше уйти от губельного места. И я понял, что и ему пришлось поволноваться не меньше моего. Нелегким оказался поход. Но теперь надо побыстрее выходить к маяку. Очень хотелось есть. Перед глазами стояла кружка дымящегося чаю. Я надеялся, что на маяке нас ждут.

Впереди мы увидели фигуру человека, шедшего нам навстречу. Его черные длинные волосы показались нам знакомыми. Такую прическу носил один из инспекторов патрульного судна. «Наверно, его отправили нас искать»,—решили мы и стали кричать, подавая ему сигналы. Однако наши действия имели совсем не тот эффект, которого мы ожидали. Человек пустился бежать и вскоре скрылся среди камней. «А может, это браконьер или нарушитель границы?»—подал я идею. «Да какой еще может быть здесь нарушитель!»—возмутился Тихонов и, не пожелав соблюдать никаких мер предосторожности, смело зашагал в сторону, где исчез человек.

В распадке мы увидели его. Это был и в самом деле инспектор. Он сидел на камне и озирался по сторонам, разглядывая причудливые сооружения из камней, как в зале гигантского музея.

— Почему ты убежал от нас, когда мы тебе кричали?—спросил его Тихонов.

— Я вас и не видел. Ходил смотреть лежбище моржей, но его нет. Я шел обратно, а тут эти камни...

Он рассказал, что на берегу лагуны рыбинспекторы все-таки встретились с браконьерами. Те умчались на вездеходах в поселок Лаврентия, и судно отправилось, чтобы встретить их там. Его и помощника старшего механика высадили у маяка, чтобы встретить и предупредить нас. Начальник рейса предполагал вернуться сюда не раньше чем завтра утром. Маяк мы увидели издали. Он стоял на берегу моря, сразу за болотистой зеленой равниной. Но, приглядевшись, мы поняли, что маяк был автоматический. То, что издали мы принимали за домик, оказалось всего лишь большим ящиком для приборов. Конечно, нечего было и мечтать о хорошем отдыхе.

Помощник механика поджидал нас у костра, укрывшись от ветра за развалинами дома старого маяка.

В мешке, который ему вручили для нас, оказалось полбуханки хлеба, вяленая рыба и пачка масла. Я покачал головой. Мы не ели целый день, а тут... разве это еда для четверых здоровых мужчин, которым к тому же предстояло провести под открытым небом ночь. Главное, не было чая!

Мы развели костер побольше, отыскивали среди всякой рухляди на берегу—когда-то тут было чукотское стойбище—кастрюлю, кружку, пустые консервные банки, намереваясь попить хотя бы горяченькой водички, как рыбинспектор сообразил заглянуть в радиомаяк. К нашей неописуемой радости, там отыскалась пачка грузинского чая, котелок картошки. Окрыленный успехом товарища, я отправился на осмотр развалин старого маяка, в котором когда-то жили люди, и вскоре нашел в земле заржавевшую сверху банку тушенки. Это уже был настоящий подарок судьбы! Но на этом дело не кончилось. Побродив там же, я отыскал валяющуюся среди бревен и банку сгущенного молока. Есть же на свете растеряхи! Что бы мы делали в этот вечер без них?

Конечно, вид у консервных банок был подозрительный. Но когда разогрели тушенку и над костром разлился аппетитный аромат жаркого, сомнения были отброшены. Макакая белый мягкий хлеб в свиное сало, мы с аппетитом принялись его уплетать, приговаривая, что с этим кушаньем не сравнилось бы и лучшее блюдо в ресторане. Сгущенка не так хорошо сохранилась. По краям молоко превратилось почти в желе, но для питья с крепким чаем она оказалась вполне пригодной.

Быстро смеркалось, завывал ветер, нужно было подумать о ночлеге, но настроение после такого ужина поднялось. Не страшно было просидеть у костра и до рассвета. А у моего товарища возникла идея: идти до Лорино, там перехватить судно. Это более пятидесяти километров, и я подивился, что после такого перехода могут еще рождаться подобные мысли. Но тот стал доказывать, что это лучше, чем коротать ночь, сидя у костра. Споря, мы вдруг заметили мелькающие в море огоньки. К мысу подходило судно. Несмотря на разыгравшуюся волну, с него спустили мотобот, и вскоре мы были в знакомой кают-компании, делясь впечатлениями о походе.

Выяснилось, что, высадив нас у кладбища, моряки подошли к вельботам, с которых промышляли моржей. На них и в самом деле оказались зверобой из Лорино. Промысел велся согласно правилам, разрешение имелось.

— Зачем молоденького убили? — не удержался рыбинспектор, увидев пригарпуненного к вельботу моржонка.

— Вкусный он, — улыбнулся старый чукча-охотник. — Как для русского теленок, так для чукчи этот морж. Попробуй. Возьми свари, угости команду, хорошее мясо, — предложил старик. — Не бойся, за половину моржа мы его не считаем, забиваем столько голов, сколько и разрешено.

Ты вот лучше на берег смотри, — указал он в сторону поселка, — а мы свое дело честно исполняем.

Начальник рейса, зная, что чукчи понапрасну говорить не будут, осмотрел в бинокль берег и заметил там свежие следы вездехода. Он решил осмотреть поселок, а капитан, заметив у одного из зверобоев большую рану на руке, предложил охотнику побывать на судне, показать рану доктору, как бы не случилось заражения. Мужественный зверобой рассмеялся, сказал, что поранил руку, разделявая моржа, но съездить к врачу не отказался.

Капитан высадив на берег начальника рейса с помощником. Сошел на берег и Чиров, а мотобот направился к судну. Ковыляя позади инспекторов, корреспондент газеты «Водный транспорт» собирал цветочки, поднимал красивые камушки, пребывая в хорошем, соответствующем теплоте солнечному дню настроении. Однако вскоре, как он рассказывал позднее, послышались впереди какие-то гневные выкрики, ругань, а потом раздались выстрелы. Похолодев от

ужаса, забыв про боль в колене, корреспондент поспешил на место происшествия.

— Понимаете, — возмущался громоподобным басом Чиров, — что обидно, ведь собрались там не какие-нибудь отпетые негодяи, а все приличная публика, даже руководители производств. Женщина там была одна — начальник пожарной охраны! А посмотрели бы, как нас встретили! Первое: кто вы такие? Что вам здесь надо? А вокруг кулички убитые валяются, крачки — подстрелены просто так. Бутылки, консервные банки, бумага. И это называется: «Выехать отдохнуть на природу». Природа-то за что должна страдать? В чем она провинилась перед нами?

Речку, рассказывал он, всю перегородили сетями. От берега до берега. Когда начальник рейса потребовал показать документы, разрешение на лов — рассмеялись. Мужички оказались все крепкими и здоровыми, как на подбор, с покрасневшими от выпитого лицами. Недвусмысленно некоторые поигрывали ружьями. Тут-то и грохнул выстрел. Выстрелили за спиной инспекторов, взяв их в кольцо.

А у начальника рейса, известно, все оружие — ракетница. У его помощника только фотоаппарат. Тот знай себе сети на пленку фиксирует и людей, которые их окружают. Тут-то и подоспел еще с одним фотоаппаратом журналист.

Начальник рейса стоял на своем: «Немедленно сдать все сети!» При чем сделать это предлагал тем, кто их тут ставил. Еще он потребовал, чтобы сдали все ружья.

Чиров громко оповестил, указывая на море, что в бухте стоит судно рыбинспекции и сейчас сюда подоспел команда во главе с капитаном. Это возымело действие. «Отдыхающие» наконец-то разглядели патрульное судно, и поведение их сразу изменилось. Они убрали сети и стали трясти ими перед лицами рыбинспекторов, мол, смотрите, пустые, ничего мы здесь не ловим, поставили так, забавы ради. Это привело инспекторов в замешательство. Знали, что рыба сейчас идет в речки на нерест, а тут — пустые сети...

Недовольно ворча и огрызаясь на приказы инспекторов, «отдыхающие» собрали бутылки и бумажки, но сдать сети и ружья отказались наотрез. Попрыгали в вездеход и уехали.

— До скорой встречи, — пообещал начальник рейса, намереваясь завтра же побывать в поселке Лаврентия и призвать нарушителей к ответу. Но сделать ему это пришлось несколько раньше.

Подоспевшие с патрульного судна моряки, не мешкая, разбрелись по берегу речки, заглянули в озерки поблизости. Экипаж свое дело знал. Вскоре в ближайшем озерке отыскали затопленный мешок с горбушей, из которой была выцежена красная икра. А затем еще один мешочек с рыбой. Посолиднее. Теперь улики были налицо. И инспектор решил не терять времени. Он дал приказ немедленно следовать в поселок Лаврентия, чтобы с нарядом милиции встретить возвращение вездехода. Это и было им успешно выполнено.

— Как с моржами? — спросил начальник рейса. — Прижились ли на новом лежбище?

Вместо ответа мы высypали на капитанский стол горсть стреляных гильз: «Неподалеку от птичьего базара нашли». Потом рассказали о найденной туше моржа. Начальник рейса вскипел.

— Значит, нашелся негодяй. И это, не сомневаюсь, все из тех же «временных хозяев». Местные жители на береговой залежке никогда стрелять не станут. Охотятся в море. Да и тушу моржа разве они бросят! А этот погнушался разогнать лежбище из-за пары бивней...

По плану судно должно было следовать дальше. Предстояло осмотреть старейшие лежбища у Инчоуна, на мысе Блоссом, что на острове Врангеля. В тех местах были льды, и надо было поторачиваться, используя благоприятную погоду. Но начальник рейса решил задержаться в поселке Лаврентия на несколько дней. «Морж — не евражка, — сказал неожиданно он. — Так этого дела оставлять нельзя».

Он побывал в милиции, потребовал более активной работы от рыбинспектора, проживавшего в поселке, наметил несколько проверочных выездов, решив искоренить браконьерство. А мне предстояло улетать — кончался срок командировки.

Уже в Москве от корреспондента «Водного транспорта» я узнал, что в поселке был суд, всех нарушителей привлекли к уголовной ответственности, а потом в клубе состоялось большое собрание. Начальник рейса горячо выступал, призывая беречь легкоранимую северную природу, которая каждому западает в конце концов в душу так, что без нее жить уже невозможно. И нельзя позволять браконьерам уничтожать ни моржа, ни евражку! Так закончил он свою речь, и верилось, что слова, сказанные на этом собрании, останутся навсегда в памяти жителей поселка. Была надежда, что вернуться моржи к лежбищу на мысе Кригуйгун.

По заповедной магаданской земле

РАДУГА НАД КАВОЙ

Сплав по Каве не был запланирован. Не для сплава эта невероятно медлительная река. Она словно пребывает в постоянной дреме. Пожелавший одолеть ее без помощи весел томился бы от скуки и непременно заснул. Прямо в лодке. Не боясь того, что во время сна с лодкой может что-то случиться.

Другое дело — сплавление по стремительной, мелководной и задиристой Челомдже — родной сестре Кавы. Две эти несхожие реки, сливаясь вместе, рождают опять же довольно спокойный Тауй, имя которого носит и обширная губа под Магаданом.

Поначалу мы думали так: быстро одолеем оставшиеся километры по Каве, войдем в Челомджу и поднимемся вверх, насколько позволит мотор. А оттуда начнем сплавление, чтобы в тишине иметь возможность познакомиться с обитателями нового заповедника: гигантскими лосями, бурыми медведями, приходящими к реке побаловаться рыбкой, россомахами, а то и волками. Но этому не суждено было сбыться.

Едва нас вынесло из лесной протоки на зеркальный речной простор, как взвыл и тут же заглох подвесной мотор.

— Странно, — с удивлением молвил Старков, разоб-

рав привычно мотор и обнаружив полную невозможность его восстановления: стальную рессору скрутило в штопор.— Камней здесь вроде не должно быть. На кого же наскочили? Неужели рыбка? Какого же размера она должна быть? Не иначе с нильского крокодила.

По профессии Старков был ихтиологом. Ему, как говорится, и решать, могут ли в водах этой сонной реки водиться рыбы размером с крокодила. Мне же в тот момент стало ясно, что до кордона «72-й километр» нам предстоит плыть на веслах в железной лодке, похожей на корыто. И радости от этого будет мало.

За несколько дней жизни в здешних местах я успел убедиться, что берега реки Кавы довольно пустыжны. За все это время мы видели лишь ворона, серебристых чаек да следы ондатр. Все живое таилось в болотистых лесах, и надежды на встречу с каким-нибудь крупным и редким зверем во время этого плавания не оставалось.

— Ничего не поделаешь,— развел руками Старков.— Поплывем не торопясь. Авось к вечеру доберемся, благо погода не мешает.

День и впрямь выдался на редкость для осенней поры тихим и солнечным. Синели вдаль горы, желтели березы по берегам, вырядились в золотой осенний наряд и первые лиственницы. Мы установили весла и тронулись в путь. Поскрипывали уключины, под водой просматривались заросли растений, и порой казалось, что мы плывем по несуществующей реке не в отдаленной Магаданской области, а где-нибудь в средней полосе России.

...Заповедник Магаданский только, как говорится, вставал на ноги. По указанному адресу на месте дирекции я обнаружил старый разобранный дом. Его перестраивали, кое-где еще не было стен, хотя до морозов и штормовых ветров оставалось немного времени. Директора заповедника я отыскал в крохотном кабинете, единственной пригодной для жилья комнате, где коротали время шоферы, лесники и научные сотрудники. Он то и дело брался за телефон, уговаривая кого-то прислать цемент, доски, какой-то еще необходимый материал, а между делом пояснял мне, что со временем все устроится.

Вырастет на улице Широкой удобное здание для дирекции, а затем появится в городе и многоэтажный дом с лабораторией и квартирами для научных сотрудников. До восьмидесяти человек будут работать в заповеднике. И лесники, и охотоведы, и ученые. Намечается обширная программа исследований, а пока

главное— построить этот дом, установить на границах заповедника кордоны, снабдить всем необходимым для жизни и несения службы лесников. Дел у него, я понимал, в тот момент хватало. И о заповеднике мне пришлось порасспрашивать Старкова, заместителя директора по научной части.

Долгое время он работал в ИБПС. Очень хорошо был знаком ему и домик биологов Марково, где меня обуяло желание увидеть озеро Эльгыгытгын. Выяснилось, что этот дом с верандой пришлось ему собирать, и стоял он за много километров от Марково, в заброшенном поселке. Биологи разобрали его, бревна связали в плот, отбуксировали, так и возник в Марково биостационар. Воспоминание об этом помогло нам разговориться, сблизиться.

— Заповедник наш состоит из четырех участков-лесничеств,— объяснил Старков, подойдя к карте.— Это междуречье Кавы и Челомджи. Примерно половина полуострова Кони, тундра по реке Яме и Ямские острова. Самый отдаленный участок у нас на Колыме— Сеймчанское лесничество. Все остальные участки, как видите, находятся неподалеку от Магадана. В общей сложности территория почти миллион гектаров. По современным международным меркам как раз такая территория, которая необходима для сохранения природы на Севере.

Спланирован заповедник так, чтобы в интенсивно обживаемых районах сохранить все природные ландшафты, растения и животных Охотоморского природного региона. На севере Магаданской области уже имеется заповедник Остров Врангеля. Там выводят потомство белые медведи, отсыпаются моржихи с моржатами, гнездятся белые гуси, а в нашем заповеднике сохраняются территории, где могли бы спокойно чувствовать себя и бурые медведи, и лоси, и снежные бараны. Заповеданы и уникальные нерестилища дальневосточных лососей. И прежде всего горбуши, стада которой начали ощутимо редеть. Предусмотрены участки для сохранения пойменных лесов, реликтовой ели, приморской тундры и птичьих базаров, а также лежбищ тюленей, сивучей и подводных биоценозов у побережья. Таким образом,— подытожил Старков,— эти два заповедника дают возможность сохранить все многообразие природного комплекса северо-восточного уголка нашей Родины.

Он посетовал, что не в лучшее время я приехал— разгар строительных работ, а тут еще симпозиум, в

Магадан приедут биологи со всей страны обсуждать проблемы, связанные с освоением северных территорий. Запланировано показать им заповедник, одно из заседаний провести на кордоне «95-й километр». И ему сейчас срочно надо отправляться туда, чтобы подготовить кордон для приема гостей. Я попросился к нему в попутчики.

Ночью мы выехали на «газике» заповедника из Магадана. В тумане поднялись к перевалу. Навстречу из поселка Талон непрерывным потоком шли тяжелогруженные машины с прицепами. В Магаданской области началась традиционная страда по сбору картофеля. Благодаря стараниям ученых тут научились выращивать и собирать большие урожаи этого ценного продукта. Картофель в Талоне был удивительно крупный и вкусный. Такого, пожалуй, и под Рязанью не всегда отведаешь.

Всю ночь затем мы мчались по берегу Тауйской губы, и без конца нам попадались грузовики с прицепами, доверху груженные мешками картофеля. В устье Яны работал паром. Две самоходные баржи без устали перевозили машины с одного берега на другой. Вне всякой очереди тут пропускались грузовики с картофелем, и нам пришлось немало постоять, пока не нашлось на пароме место для «газика». Лишь в предзвездных сумерках добрались мы до Талона, до дома лесничего. Плечистый, невысокого роста, энергичный, лесничий будто и не спал. Выглянул в окно, едва подкатили к дому, напоил чаем, проводил отдохнуть в балок для гостей. А утром на двух моторках мы отправились по Тауйю.

«72-й километр» — это место слияния Кавы и Челомджи, начало нового заповедного лесничества. Пожалуй, это и самое красивое место на реке. На правом берегу возвышаются сопки, склоны которых покрыты смешанными лесами, осенью напоминающими яркий разноцветный ковер. Тут и березы, и осины, и лиственницы, а на полянах местами густо зеленеет стланик.

Вся эта удивительная яркая гамма красок как в зеркале отражается в спокойной воде реки, в которой время от времени всплывают синевато-серебристые туловища осторожных тюленей. То ларга, один из обыкновенных тюленей, обитающих в Охотском море. Забраться столь далеко в глубь побережья, оказаться среди таежных лесов этого азартного тюленя заставляет рыба, идущая из моря в верховья рек на нерест.

Лососевые непрерывным потоком поднимаются по

реке. Сквозь прозрачную воду видно, как торопливо плывут к известным им местам нереста огромные сероспинные рыбыны с побелевшими плавниками. Успеть исполнить последний долг — отложить икру, дать продление роду, а там можно и умереть. Таких уже ни тюлени, ни чайки, ни медведи не трогают. Им посвежее подавай.

На левом берегу, перед глухой протокой, виднеется дом из бревен. С верандой и лестницей на крышу. Неподалеку стоит балок. На поляне длинный стол, за которым можно обедать, а можно и заниматься ремонтом лодочных моторов. Есть рядом небольшой столик под навесом, но в безветренную погоду чаевничать и работать там тяжело — мошка заедает. Тут же, на поляне, обычно разводят и костер, где кашеварят. Это и есть кордон «72-й километр» нового лесничества.

На кордоне живет семья лесника. Молодая семья. У супругов имущества пока наперечет: лодка, ружье, бинокль, японский магнитофон да две отличные лайки — Тайга и Король.

— Все музыку слушаете, — качнул головой Старков. — Лес рядом. Травы — только коси! Могли бы телка завести, пару свиней, на огорожке картошку свою выращивать. Да и детишек бы пора.

— Успеем, — смущенно улыбнулась Лена, светловолосая хозяйка кордона. — В доме-то этом мы ведь совсем недавно живем. Год ютились в балке. А зимой там, сколько ни топи, почти всегда меньше десяти. Муж в обход уйдет, а я отгрести снег после пурги от двери не могу. Сижую жду, когда вернется. Разве нашу нынешнюю жизнь с прежней сравнишь! Ничего, пообвыкнем немного, заведем и детишек, и хозяйство.

На мой взгляд, «72-й километр» и был самым интересным местом. По ночам в зарослях шиповника тут ухает рыбный филин. По утрам можно слушать клекот соколов-сапсанов, что усаживаются на сухие стволы лиственниц на вершинах сопок, поджидая пролета уток. А с пригорка в течение дня можно многократно наблюдать за охотой скопы — крылатого рыбака. Издали напоминающая орлана, скопа кругами ходит вдоль сопок над рекой. Наконец снижается, застыивает против течения, как пустельга, трепещет крыльями, а затем складывает их и падает в реку, вздымая брызги, скрываясь в воде с головой. Не каждый раз, но иногда скопа тяжело поднимается из воды с поблескивающей в лапах добычей — трепещущей рыбиной.

Лесник, с которым я наблюдал за охотой скопы, рассказал, что на заповедном участке гнездится несколько пар этих птиц. Известны ему гнезда и белоплечих орланов, редких птиц, занесенных на страницы Красной книги. А заметив тюленей у слияния рек, лесник припомнил, как однажды медведь подкрадывался к улегшимся на отмели морским путешественникам. Для бурого таежного зверя тюлени, видимо, были непривычны. Медведь долго лежал за кустами, выжидая, но прыгнуть на них так и не отважился.

Я высказал соображение, что сюда было бы неплохо привезти ученых с симпозиума, вот уж где было бы на что посмотреть. Поставили бы палатки, и стол длинный уже есть. Но магаданцы и слышать об этом не захотели. И мы на двух моторках, захватив доски, отправились на кордон.

Заповеднику кордон достался в наследство от охотничьего хозяйства, которое занимало эту территорию, а теперь переместилось на другой берег реки Кавы. Кордон был отделан, можно сказать, с роскошью. Наш стол, который мы с заместителем директора принялись сооружать на веранде, казался бедным родственником среди лакированной, подогнанной в тон обоев мебели, однако для серьезных бесед ученых он, на мой взгляд, вполне годился.

Покончив со столом, я обошел окрестности и не нашел ни одной живой души. Подумалось, что скучновато тут будет жить ученым. Хотя и охотились здесь только по лицензиям члены общества, но живности, видимо, поубавилось.

К вечеру мы сварили рассыпчатой магаданской картошки, нарезали соленой рыбки, заварили чайку и, не зная, как включать электростанцию, собрались потрапезничать при свечах, как услышали за дверями шум. «Не медведь ли?» — насторожился Старков. Перед нашим приходом медведь ободрал когтями в соседнем доме дверь, учуяв, видимо, остатки овса в тамбуре. Но вскоре твякнули собаки, загрохотали на крыльце сапоги, и в дом ввалился высокого роста мужчина в свитере и отвернутых до пояса мокрых резиновых сапогах.

— Вот удача! — произнес он вместо приветствия. — А я-то думал, что здесь нет никого. Дважды в темноте на мели налетал, вымок весь, думал, на реке ночевать буду. Но выбрался, а тут и печь горячая, и чай на столе.

Это был егерь охотничьего заказника. За чаем он рассказал, что ходил вверх по течению Кавы почти до

Хабаровского края. Видел по дороге двух досей, медведя. А возвращаясь, повстречал трех рыбаков, которые ловили рыбу на территории заповедника. Он объяснил, что рыбачить здесь теперь нельзя — заповедник. Но рыбаки, видимо, знали его и посоветовали плыть своей дорогой. Он егерь заказника, пусть за ним и присматривает. У рыбаков ружья, трое их, егерь подумал-подумал да и поплыл дальше. одному не справиться. И только на середине на моторке вывернул, глядь, через реку плывет медведь со стороны территории заповедника. И решил его егерь в обратную сторону повернуть. Дал полный газ, настиг на моторке и стал возле морды кружить, стараясь в нужную сторону направить. Медведь огрызается, поворачивать не хочет, готов на моторку броситься, но там лайка — рычит, клыки показывает. Медведь развернулся — да прямо на рыбаков. Те в лодки попрыгали — и деру. Только так и заставил их егерь с заповедной территории уйти. А медведь, выйдя на берег, порасшвырял со злости оставшиеся вещички браконьеров и возвратился в заповедник.

Когда-то, припомнил егерь, и к этому домику не раз медведи приходили. Однажды он заметил, что его пес постоянно куда-то убегает. Выследил он его и нашел неподалеку тушу оленя, которого, по всему было видно, медведь задрал. Взял он эту тушу — чего добру пропадать! — притащил в лодку да к этому кордону привез. А наутро за ней «хозяйка» явилась — медведица с двумя медвежатами. Вышла из зарослей на песчаную отмель, носом водит, пытается унюхать, где олень лежит. Как пожалел егерь, что не было с ним тогда фотоаппарата! Вот уж бы кадр был! Мясо он, конечно, медведям не отдал. Пусть добывают еще. На то они и звери. Но медведица не растерялась и, уходя, утащила у него мешок овса.

Потом разговор перешел на собак. В тайге без собаки нельзя — один пропадешь. А с собакой и поговорить можно, и от внезапной встречи с медведем она предостережет. Да что говорить, была у егеря собака... Но этих историй каждый охотник множество знает. Я тоже мог немало о собаках порассказать.

Отправившись в дорогу рано утром, егерь попросил нас, собиравшихся отправляться через денек, заглянуть в избушку, что стояла ниже по реке на берегу заказника. Там он оставил ученого, который занимался исследованиями ондатр. Если бы мы помогли, забрали с собой этого ученого, то егерю не пришлось бы

понапрасну терять время, он быстрее бы добрался к себе домой. Старков пообещал...

...Уже несколько раз мы менялись местами, гребя и вместе, и поочередно. Поменяли местами весла. Не пожалели на смазку уключин сливочного масла, чтобы не скрипели и не выводили из себя. Продвигались мы теперь бесшумно, но за долгие часы плавания увидели всего лишь трех уток да орлана, высоко пролетевшего в синем небе.

С непривычки от непрестанной гребли на не приспособленной для такого плавания дюральке побаливали и поясница, и мышцы рук, а устье речки, где в избушке жил ученый, специалист по ондатрам, по правому берегу все никак не показывалось.

— Может, не будем ее искать? — предложил я. — Мы же идем не на моторе. Пойдем прямо к кордону «72-й километр». Как-нибудь сообщим оттуда егерю, пусть за своим ученым на моторке приезжает.

— Так нельзя, — отвечал опытный полевик. — Раз обещали, то должны зайти и забрать. Товарищу на симпозиум надо успеть. Доклад у него об ондатре.

Наконец показалась нужная нам речушка. Мы свернули в нее и сразу ощутили, что плыть стало тяжелее. Вся река заросла водорослями, пришлось работать веслами, как шестами, иначе порой и продвинуться вперед было невозможно. То тут, то там попадались «дорожки» ондатр, виднелись их норы на берегу, не оставалось сомнений, что попали в нужную нам речку. Вскоре должна была появиться и избушка, где жил ученый. Но тут надвинулись грозные синие облака, закапал дождь, а Старкова укусила залетевшая под очки мошка.

Под глазом у него стал набухать синяк. «Обождать не могла, — ругался он. — Как к другу теперь на глаза показаться?» Но впереди из-за деревьев уже выплывала избушка, стоявшая на высоком, поросшем кустарником берегу. Неказистая, сложенная из потемневших бревен, крытая черным толем. Возле нее суетился в зеленом костюме, берете и резиновых сапогах человек с фотоаппаратом. С нескрываемым удовольствием он фиксировал на пленку, как мы мокнем под дождем. Это и был тот самый ученый, которого мы должны были забрать с собой. Долгие годы он работал в Магадане. Когда-то занимался изучением тюленей, возглавлял лабораторию в Магаданском отделении ТИНРО. Он и настоял на необходимости акклиматизации в Кавинской долине ондатры. Семейные обстоятельства, как объяс-

нил он позже, вынудили распрощаться с дорогими его сердцу местами. Дочка захотела жить «на материке», и теперь он работал в одном из институтов далеко от этих мест. Но, узнав о симпозиуме, сразу отправил заявку на выступление, а прилететь в Магадан постарался пораньше, чтобы побывать в местах, где когда-то выпускал ондатр, и лично убедиться, как проходит акклиматизация этих зверьков.

Друзья обнялись, расцеловались тут же на берегу, под дождем. Старков показал ему на свой синяк. Ондатровед понимающе развел руками, мол, что сделаешь, знаю я этих мошек, и пригласил в избушку.

Жилье это принадлежало косарям, приезжавшим на заготовку сена. В ней было полутемно, треть занимали нары, крохотный столик прижался к окошку. Всюду висела, валялась одежда, на столе сгрудилась грязная посуда. Но биолог был настроен бодро. В поставленные им капканы зверьки ловились, дело шло, а все остальное для него было уже несущественным.

За чаем с холодной жареной рыбой друзья порасказали друг другу о личной жизни, а затем вернулись к научным проблемам.

Северо-Восточный регион, рассказал этот ученый, — первый на Азиатском континенте, где акклиматизирована ондатра. Ценного пушного зверька несколькими партиями выпускали в Якутии, на Камчатке и в Магаданской области. Хорошо прижилась ондатра в Якутии. Ежегодно здесь заготавливают теперь до полу-миллиона шкурок ондатры, и промысел не скудеет. Неплохо прижилась ондатра и на Камчатке, а вот в Магаданской области, где добыча вскоре после выпуска достигла четырех тысяч штук, ондатра плохо приживалась. В настоящее время здесь ее почти совсем не добывают.

В чем дело? Мой новый знакомый считал, что объясняется это нерациональным использованием ресурсов ондатры. Промысел должен соответствовать росту ее поголовья. Тогда и численность зверя можно поддерживать на высоком уровне. В противном случае в местах выпуска происходит перенаселение. Начинается саморегуляция, резкое сокращение численности. Звери откочевывают из мест выпуска и, не находя для себя подходящих условий, вскоре погибают.

Подтверждение своим выводам ученый находил сейчас и на примере зверьков, которых он отлавливал на притоке Кавы. Появление здесь ондатр — результат бегства из перенаселенных мест их выпуска. Приплод

тут был весьма невысок, и ожидать увеличения численности надежды было мало. А если бы в свое время промысел увеличили, то ондатры в этих местах добывалось бы значительно больше четырех тысяч штук. Вот ведь какой парадокс, закончил ученый, потому что в избу стали собираться усталые, вымокшие под дождем косари.

Травы в этом суровом краю, как порассказали они, хватило бы для заготовки сена не на одну зиму, но, хотя и нелегко косить ее в кочкарнике, труднее высушить и сохранить. Из-за сильной влажности, частых дождей уже собранная в стога трава, бывает, самовозгорается, и пропадает труд многих дней.

— А не возьмете ли вы меня к себе,—узнав, что Старков—заместитель директора заповедника, обратился к нему кряжистый, с загоревшим до черноты лицом один из косарей. На плече он принес к избушке внушительных размеров бревно на дрова и скинул его легко, как пушинку.

— Кем угодно,—продолжал косарь, который силой, как мне показалось, смог бы помериться даже с хозяином здешней тайги—бурым медведем.—Объездчиком, лесником, рабочим—я на все согласен. В самую что ни на есть глухомань, где нужно подолгу жить одному. Я охотник и многое умею. Сам и избушку бы себе поставил.

— Вообще-то охотников мы стараемся в заповедник не приглашать,—отвечал заместитель директора, но все же поинтересовался, отчего захотелось ему в глухомань.

— Говорить-то не очень хочется,—вздыхнул тот,—но куда денешься. Жил я в Сеймчане. Работал и охотой занимался. Без охоты не могу. На сезон всегда в тайгу уходил. И все было хорошо, а тут вернулся—жены дома нет. К технику из авиапорта жить ушла. Я к ней: «Шура, как же так?» А она говорит, мол, все: раньше думать было надо. Шастал по своей тайге, а мне ласка нужна постоянно. Возврата к прошлому нет. И остался я без дома и без семьи. Вот в косари подался, но эта работа временная, а мне в тайгу бы надо. Чтобы постоянно уже жить в ней, одна она у меня теперь осталась.

Старков закурил, прокашлялся и предложил обратиться к директору заповедника. Дал адрес, телефон, и мы стали прощаться. И было приятно видеть, как на лице этого угрюмого и сильного человека загорелась надежда. Жизнь, конечно, сложная штука. И как бы

там ни было, но отчего-то этого не смогшего вовремя расстаться с таежной жизнью человека было жаль. Думалось, пусть хоть в тайге найдет он для себя успокоение, а может, и удовлетворение в деле по сбережению и сохранению ее богатств.

Мы предложили ученому собирать вещички, напомнив, что только из-за него и гребли сюда, намозолив ладони, но ондатровед замахал руками: как можно, но еще не все дела здесь закончил. «Я же все равно что местный,—успокоил он нас,—как-нибудь выберусь, к нужному сроку буду в Магадане, нечего было обо мне и беспокоиться». Мы попрощались, ничуть не жалея, что сделали крюк.

Дождь прекратился, светило солнце. Как свечки, стояли по берегам реки лиственницы. Синели вдаль горы. Грести стало легче, теперь чуть помогало течение. Мы налегали и налегали на весла и не заметили, как одолели добрую половину оставшегося пути. По правому берегу попадались стога, покрытые полупрозрачной пленкой целлофана. Где-то близко были бригады косарей, и под конец нам повезло.

Позади затарахтела моторка. Старков поднялся, стал семафорить, чтобы лодочник подошел к нам. Но сидевший в ней человек отвернулся и не смотрел в нашу сторону. Он так и обошел бы нас, если бы мы громко не окликнули его. Когда же он повернулся, то мы поняли, отчего он не хотел подплывать. Под глазами у него были два здоровенных синяка—должно быть, тоже мошка покусала, а парень, было ему лет двадцать, стеснялся, не хотел, очевидно, чтобы видели его лицо. Однако, увидев такой же синяк под глазом у Старкова, он тут же к нам подрулил и взял на буксир.

Он протащил нас по реке километров шесть. Уже показались знакомые сопки, на которых золотом горели березы.

— До кордона доставить вас не могу,—решительно заявил он.—Я повар, мне пора ужин готовить. Косари народ строгий, так что не взыщите.

Мы отцепились и, пожелав повару не опаздывать к ужину, взяли за весла. Река, устремляясь к сопкам, заметно прибавила скорости. Появлялась надежда прибыть на кордон раньше намеченного. Совсем уже немного оставалось до места слияния рек, когда нас нагнали черные тучи. Они закрыли небо, и начался дождь.

Я закутался в плащ, накиннул на голову капюшон куртки Старков. Мы перестали грести, отдавшись на

волю течению, как из воды вдруг всплыл, удивленно тараща глаза, тюлень. Будто знал, что под дождем я не возьмусь за фотоаппарат.

Дождь перестал так же внезапно, как начался. Синяя туча торопливо уходила вперед, а из-под нее ударил яркий свет низкого солнца. Золотисто-зеленоватые сопки, вымытые, освеженные, загорелись на темно-синем фоне туч, как театральные декорации под лучами ярких юпитеров. А над рекой, связав ее берега, перекинулась, ярко сияя на фоне темно-синих уходящих туч, большая радуга.

— Где же ваш фотоаппарат, снимайте, — приговаривал в восхищении Старков. Все так же пригнувшись, как и при дожде, он не отрывал взгляда от чудеснейшей картины. У меня давно кончилась в аппарате пленка, а перезарядить ее я не решался. Столь яркой радуги мне видеть еще не приходилось, и я боялся не успеть налюбоваться ею. Известно, что яркие радуги недолговечны. И верно, семицветная дуга, вставшая над Кавой и Челомджей, как чудесные ворота в заповедный край, начала вскоре меркнуть, но я знал, что и радуга, и все увиденное здесь останется в памяти на всю жизнь, как время начала существования нового, уникального заповедника на магаданской земле.

Влекомая течением лодка бесшумно двигалась у самых скал. Серебристоспинные тюлени выныривали из зеленовато-черной речной пучины, озорно били ластами по воде, шумно плескались, словно приветствуя наше возвращение. Пенная бурная Челомджа скатывалась в Каву, рождая Тауй, и вскоре показались голубенькие моторки в глухой протоке, а на обрывистом берегу — знакомый балок. В глубине, за деревьями, мелькнул домик с верандой — кордон «72-й километр». Пора было и сворачивать.

Заливистым лаем встретили нас светло-рыжие лайки. А вскоре появилась и сама белокурая хозяйка. С ведром, в резиновых сапожках на босу ногу, красном плаще. Спешила за водой. Готовилась, видимо, встретить мужа, возвращавшегося с обхода. И мы взяли за весла, направив лодку в протоку, над которой еще тлел красно-желто-зеленый столб, оставшийся от яркой радуги.

КОРДОН НА ПОЛУОСТРОВЕ КОНИ

Чуть более суток оставалось до торжественного открытия X Всесоюзного симпозиума «Биологические проб-

лемы Севера». Магадан принарядился, у Дворца культуры профсоюзов появились транспаранты с приветствиями его участникам и красовалась большая эмблема симпозиума — голова снежного барана с завитками огромных рогов. Заместитель директора, возвратившись из поездки в Кава-Челомджинское лесничество, готовился к встрече с коллегами, собравшимися со всей страны, но присутствовать на открытии ему так и не пришлось.

Директору заповедника позвонили знакомые вертолетчики, с которыми он уже не раз летал по делам заповедника. Они работали в районе полуострова Кони и рассказали, что у мыса Скалистый видели несколько морских судов, стоявших впритык к берегу.

Мыс этот был частью заповедной территории, и никакие суда без специального разрешения не имели права подходить к его берегам. Хотя у директора в те дни забот хватало и каждый человек был у него на счету, но, получив сообщение вертолетчиков, он долго не размышлял.

— Придется вам взяться за это дело, — обратился он к Старкову.

Тот не возражал. Работая в ИБПС, будучи ихтиологом, в какие только командировки ему не приходилось выезжать, занимаясь вопросами охраны рыбных богатств. Знал — сумеет навести порядок и здесь. Я решил быть ему бессменным попутчиком.

Ранним утром мы выехали из Магадана в Олу, большой современный поселок, раскинувшийся в устье одноименной реки. С этого поселка когда-то и начиналось освоение Магаданской области. Сюда прибывали участники Первой Колымской экспедиции, возглавляемые Билибиным и Цареградским, отсюда шли отряды в глубь неразгаданной богатейшей полезными ископаемыми земли.

В Оле нас поджидал лесничий Ольского лесничества.

— Ветер, — вздохнул он, едва поздоровавшись. — Волнение сильное. Не разыграйся он, часа через три-четыре были бы уже у мыса Скалистого. Но тут ничего не поделаешь, придется нам туда на «дори» добираться.

Лесничий был молод, хорошо сложен, строен, рыжеволос. Что-то в нем было от лихого гусара. Он и усы свои закручивал, как гусар. В хорошую погоду, оказывается, лесники преодолевали Тауйскую губу на катерах с подвесными моторами. Но в такую погоду на

«прогрессах» выходить в залив было опасно. Можно и перевернуться. На этот случай у лесников имелся «дори» — деревянный кунгас с мощным дизельным двигателем. Неторопливое на ходу, остойчивое судно это хорошо зарекомендовало себя у жителей северных побережий нашей страны. Был у него недостаток — судно строилось открытым. Но лесники не поленились и собственными руками соорудили на «дори» каюту, и оно стало пригодным для длительного патрулирования у морских границ заповедника.

Небольшое новенькое суденышко стояло на берегу Ольского лимана. Не теряя времени, мы прикатили туда. Моторист, он же и рулевой, лихо запустил стартер, но дизель, как следует еще не обкатанный, наотрез отказался заводиться. Пеня на аккумулятор, лесничий вскочил в машину, съездил в Олу за новым, но, пока подсоединяли этот аккумулятор, вода из лимана стала стремительно, будто где-то в море образовалась огромных размеров дыра, уходить. И вскоре «дори», как обсохший на мели кит, улегся боком на гальке, обнажив яйцообразное днище и винт.

О выходе в море до вечера, когда начнется прилив, теперь нечего было и мечтать. Не скрывая досады, заместитель директора пояснил, что приливы в Тауйской губе достигают пятиметровой высоты, диктуют условия жизни населению побережья. Приходится принаравливаться к их расписанию. Не дай бог застрять пешим во время отлива где-нибудь вдали от берега — смоем. Особенно же высоки приливы в Гижигинской губе. Там вода поднимается во время прилива на двенадцать метров.

Пересвистываясь, носились над обнажившимся дном лимана стайки куликов. Серебристые чайки степенно расселись у оставшихся луж. Далеко вдали, оставив обсохшую моторку, возвращались к берегу пешком рыбаки. Грузовая машина разъезжала меж зверобойных шхун, еще совсем недавно покачивавшихся на воде. На машину перегружали туши подстреленных лахтаков и тюленей. Мы подошли. Старков, представившись, поинтересовался, в каких местах вели добычу. На всякий случай, узнав, что зверобой не заходили в район Скалистого, объяснил, что теперь тюленей нельзя добывать на лежах у территории заповедника, а также воспрещается заходить на Ямские острова. Там взяты под охрану птичьи базары и единственное в этой части Охотского моря лежище сивучей. Зверобой подтвердили, что о создании заповедника знают, усло-

вия с ними давно обговорены. Мы возвратились к лежащему на боку суденышку, и Старков быстро развел костерок, взявшись организовать чай. Становилось зябко на пронизывающем, не стихающем ветру.

Едва закипела вода в чайнике, как у костра остановилась примчавшаяся из Олы машина. Из нее выбрался невысокий, худощавый, с бледным лицом человек и, опираясь на суковатую палку, захромал к костерку. Машина сразу же умчалась.

— Воробьев! — вскричал изумленно лесничий. — Неужели выздоровел? Что-то быстро тебя врачи отпустили.

Поверх куртки тот был одет в красный спасательный жилет, на нем были резиновые сапоги — все как для дальней дороги, ясно, что Воробьев прибыл на берег лимана не для прогулки.

— Убег я, — отвечал он, потупя взор. — Все, что надо было, сделали. Остались одни перевязки. Ну что мне там лежать! С этим я и сам справиться могу. Узнал я, что «дори» в дорогу собирается, уговорил шофера — и к вам. Там дел невпроворот. Поеду на кордон. Кое-что я и таким, с одной ногой, еще сделать смогу.

— Ну-ну, — отвечал, смеясь, лесничий. — А что, поезжай, в самом деле. Воздух там будет, как я понимаю, для тебя целебнее.

Он рассказал, что Воробьев был приписан к «дори» матросом. Но большую часть времени он проводил на берегу. Будучи выходцем из средней полосы России, поколесив немало по свету, оказавшись в заповеднике, он словно обрел наконец-то для себя дом. День и ночь без усталости строгал и пилил, помогая возводить кордон на мысу Плоский, первый кордон на полуострове Кони. Работа у него спорилась. Не без его помощи построили там и дом, и баньку. Воробьев сложил печи, а в свободное время не отказывался варить обед, заниматься делами по хозяйству, кормить собак — все делал. Вот и в тот памятный день взялся он поставить на кордоне столб для антенны. В скором времени обещали выдать лесникам для связи рацию, установить телевизор. И Воробьев старался. Вырыл он яму, отесал лесину. Набросал в яму камней, чтобы она прочно стояла, не раскачивалась, как мачта, в шторм. Оставалось залить все гудроном. Его он на костре заблаговременно разогрел. Да только снял ведро, собираясь опрокинуть в яму, как раздался истошный собачий лай.

У кордона протекала неглубокая горная речка. В нее косяками входила горбуша, начиная трудную доро-

гу к заветным нерестилищам. И уже не впервые за лето к устью речки наведывались и медведи. Собаки живо заставляли их ретироваться. Медведи скрывались в кустах, но на этот раз лай не прекращался. Воробьев поднял голову и обомлел. Такого медведя, как он признавался потом, ему еще никогда не доводилось видеть.

Я насторожился. Дело в том, что история поиска очень большого медведя в горах у озера Эльгыгытгын и теперь, спустя многие годы, не была забыта. В газете «Литературная Россия» мне довелось прочитать заметку о том, что несколько молодых литераторов-северян вместе с писателем Мифтахутдиновым побывали на озере Эльгыгытгын, где теперь — говорилось так — «обитает самый крупный медведь», которого «специально пытался найти Куваев».

Плавание это — писатели на надувных лодках и плоту прошли по рекам до Усть-Белой, нашим же маршрутом, — было посвящено 50-летию их земляка и друга Олега Куваева. Увидев в пути волков, горных баранов, росомх, лосей, медведей (одного действительно гигантских размеров), путешественники пришли к такому же, как и мы, выводу, что «это чудесное место для заповедника». И в общем-то сделали доброе дело. Но вскоре уже в журнале «Вокруг света» было опубликовано письмо геофизика, утверждавшего, что он видел медведя, которого пытался отыскать Куваев. Заметка так и называлась: «И снова... очень большой медведь».

«Мои пути на Чукотке, — сообщал этот молодой геофизик, — пересеклись с дорогами О. Куваева, геофизика и писателя. Только мы разошлись с ним во времени. Но, знакомясь с его произведениями, я обнаружил, что словно ступал за ним след в след...»

Конечно, чаще всего это и было отправной точкой. Куваев для литераторов и геологов, как, впрочем, и для людей многих других профессий, стал любимым писателем, героем здешних мест. Редкий по величине зверь, встреченный этим геофизиком, был «гладкошерстным, буро-рыжего цвета, с яркими подпалинами на холке». Но об «очень большом медведе» продолжали говорить, хотя все эти высказывания только запутывали дело, добавляли неясности, вводя в искушение многих читателей...

— Это верно, медведь был очень большим, — подтвердил, опершись на палку и уставившись в костер, Воробьев. — Серый какой-то, будто седой. Должно быть, очень старый. Он стоял посередине речки,

расставив лапы, и будто спал. Глаза закрыл, голову к воде приопустил, челюсть отвисла. Собаки заливаются на берегу, а он стоит себе, не двигается, на них и внимания не обращает, будто это какие-то комары.

— Я хотел в дом сбежать Серегу позвать. Пусть посмотрит, что за гость к нам пришел. А лучше, подумалось, пусть сфотографирует, ведь потом, когда будешь рассказывать, не поверят. Не отрываясь от медведя этого, будь он проклят, я попытался поскорее разделаться с гудроном и, не глядя, ливанул его в яму...

От дикой боли, как рассказал затем Воробьев, он завертелся на одной ноге и, отшвырнув ведро, поскакал в дом. Расплавленный гудрон он вылил себе на ботинок.

Пришлось лесникам налаживать катер, мчась к соседям косарям да просить капитана судна, зашедшего к ним, срочно везти Воробьева прямо в Магадан, в больницу. Так все было и сделано, нога осталась цела, а пострадавшему уже не терпелось вернуться на кордон: видать, не нагнал медведь на него панического ужаса.

— Да обычный бурый медведь, — отвечал на мой вопрос Воробьев. — Просто уж очень большой. Нет, не белый. Белых я знаю, в Арктике видел.

Из этого можно было сделать заключение, что зверь, ставший причиной несчастного случая, был одним из тех, которых относят специалисты к подвиду «берингианус» — самых крупных в Азии зверей. Значит, жили они в этих местах, выходит, и для них создан новый заповедник.

...К вечеру море устремилось в лиман. Заволновались чайки, с криками закружили над поднимающейся водой. Забеспокоились и рыбаки, ловившие рыбу по лицензиям, приобретенным в городской рыбной инспекции. Входили в лиман косяки рыб. Всплыл и закачался на волне поплавок «дори». Моторист только нажал на стартер, как двигатель сразу же затарахтел. Возбужденный, как и рыбаки на берегу, он ухватился за штурвал и дал команду к отходу. Ведя в поводу дюралевый катер лесников, «дори» проскользнул меж ржавых остовов догнивающих барж, пару раз ткнулся в мели, сдал назад, а затем все же благополучно выбрался на простор Тауйской губы.

Качало. Пенные брызги разбивались о стекло рубки. Лесничий попросил рулевого держать поближе к берегу. Ветер поднял большую волну. Быстро темнело,

гористые берега сделались черными. В сгустившейся синеве неба обозначились первые звезды. В одной из потаенных бухт, мимо которой мы проходили, лесничий заметил огонь небольшого костра. Он перебрался в катер, запустил подвесной мотор и, наказав дожидаться его в бухте, взлетая на штормовой волне, унесся к этому огню. Решил проверить, что за люди в эту бухту и непогоду собрались в далекой бухте.

Едва сбавили обороты, как «дори» закачало на волне и потащило к берегу. «Уходить надо», — кричал рулевой, сверкая в темноте белками глаз. Дав полный ход, он повел «дори» по кругу. Затем еще раз прошел по бухте и, не имея возможности встать на якорь, решил уходить, следуя вдоль берега по направлению к заповеднику. «Догонит», — успокоил он Старкова.

Прошел час. Второй. Мне показалось, что слева по борту промчалась в темноте моторка, но она исчезла, удаляясь в сторону Олы. К нам не подошла. А лесничий не появлялся. В голове конечно же начинали возникать различные предположения. Ночь уже была в разгаре, мы далеко ушли от бухты, и рулевой остановил двигатель. «Будем стоять до рассвета», — решил он, — скорее всего лесничий выбрался на берег, но не рискнул в темноте возвращаться к судну».

Вытравив все шестьдесят метров манильского каната с якорем, рулевой спустился в кубрик, крихтя, лег на нары, усталые лосиной шкурой, и сказал:

— Спать. На сегодня — баста. Утром решим, что делать.

— Где мы? — недовольным тоном спросил из темноты Старков.

— У мыса Харвис. Да не переживайте, все будет хорошо.

Каютка, устроенная лесниками на «дори», нельзя сказать, чтобы была уж очень удобной: в ней можно либо сидеть напротив печки, либо лежать на широченных нарах. Хотя и тесновато, но вчетвером на этих нарах спать вполне было можно. Но мне не спалось. Я вылезался остаться за вахтенного. Ветер утих, а качало по-прежнему. Выбравшись на палубу, я прошел на нос и уселся там, свесив ноги по бортам, держась за железные поручни.

В сторону Магадана в отдалении прошло грузовое судно, помигивая разноцветными сигнальными огнями. Над Олой и Магаданом застыло желтоватое зарево, напоминая о неутраченной вечерней городской жизни. Из кубрика не раздавалось ни звука, будто я был одной

живой душой на судне и в этом мире. В темноте угадывались недалекие очертания гористого отвесного мыса Харвис. Оттуда доносился ворчливый рокот прибоя. Небо было ясным, по-осеннему прозрачным. Мирады звезд горели над водой, а в черноте моря при ударе волны о борт лодки загорался зеленоватый мерцающий огонь. Море, как говорят моряки, светилось. И оставаться одному в этой призрачной темноте было одновременно жутко и хорошо. Только теперь я, кажется, по-настоящему понял всю прелесть одиночного плавания по морям, но, чтобы жить одному в море, надо иметь немалую силу воли и мужество.

Наползшие облака закрыли звезды. Сразу потемнело. Сильнее задул ветер, «дори» раскачало так, что оставаться на палубе стало опасно. Я спустился в кубрик, пробрался в рулевое отделение, где было тепло от еще не остывшего двигателя. Коротая здесь время, я обратил внимание на то, что рокот прибоя будто бы стал явственнее. В иллюминатор трудно было что-либо разглядеть, но я все-таки решил разбудить рулевого. Он глянул в иллюминатор, зевнул и, проворчав что-то невнятно, опять улегся на лосиную шкуру в кубрике.

Переживая за свою промашку, успокоился и я, решив немного вздремнуть. Но, проведя какое-то время в полусне у двигателя, выглянув затем в иллюминатор, я обомлел. Не веря своим глазам, я выбрался на палубу и тут же вынужден был вернуться обратно.

Мрачный отвесный берег был совсем рядом, и это отчетливо стало видно при едва забрезжившем рассвете. Якорь, оказывается, почти не держал. Все это время течение постоянно сносило нас к мысу. И уже были отчетливо видны буруны вокруг черных камней, где вот-вот должно было оказаться наше судно.

— Подъем! — уже без прежней вежливости дернул я за ногу рулевого. Если двигатель «дори» вздумает, как было там, на берегу лимана, не завестись, то тогда, ясное дело, нам придется плохо.

Едва высунув голову на палубу, рулевой бросился к двигателю, крикнув на ходу: «Якорь выбирай!»

Я поднялся на палубу. Вокруг клокотало и кипело. «Дори» птицей взлетал на волне. Удержаться на палубе было не просто, а тут еще — вытягивать якорь! Сколько я ни тащил за манильский трос, даже на метр поднять его мне не удавалось. Слово какое-то чудовище, задавшись целью нас утопить, держало якорь на дне. А двигатель уже дважды не запускался, и рулевой теперь прогревал его паяльной лампой. Нас все ближе подно-

сило к черным камням, совсем рядом стояла стена мрачного берега, а мне так и не удавалось поднять якорь.

— Ну скоро? Какого черта!—возмущался рулевой, не реагируя на мои беспомощные жесты. Из кубрика показалась голова Воробьева, хотевшего было прийти мне на помощь. Но, оглядевшись, он предпочел спуститься вниз. «С одной-то ногой,—сказал он,—меня в два счета за борт смоем. Намаетесь потом вылавливать».

— Якорь!—орал рулевой, собираясь с минуты на минуту запустить двигатель, а я, не в силах что-либо сделать, готов был в ответ заорать на него, как на палубу выбрался Старков, о котором я почему-то совсем забыл. Без лишних слов, по-деловому он ухватился за канат, мы поднатужились, дернули раз, другой—и якорь подался! И в это время рывкнул, зарокотал спасительно двигатель. Осклизлые черные камни с кипящими вокруг них бурунами были совсем рядом, но «дори» развернулся на волне и пошел в море.

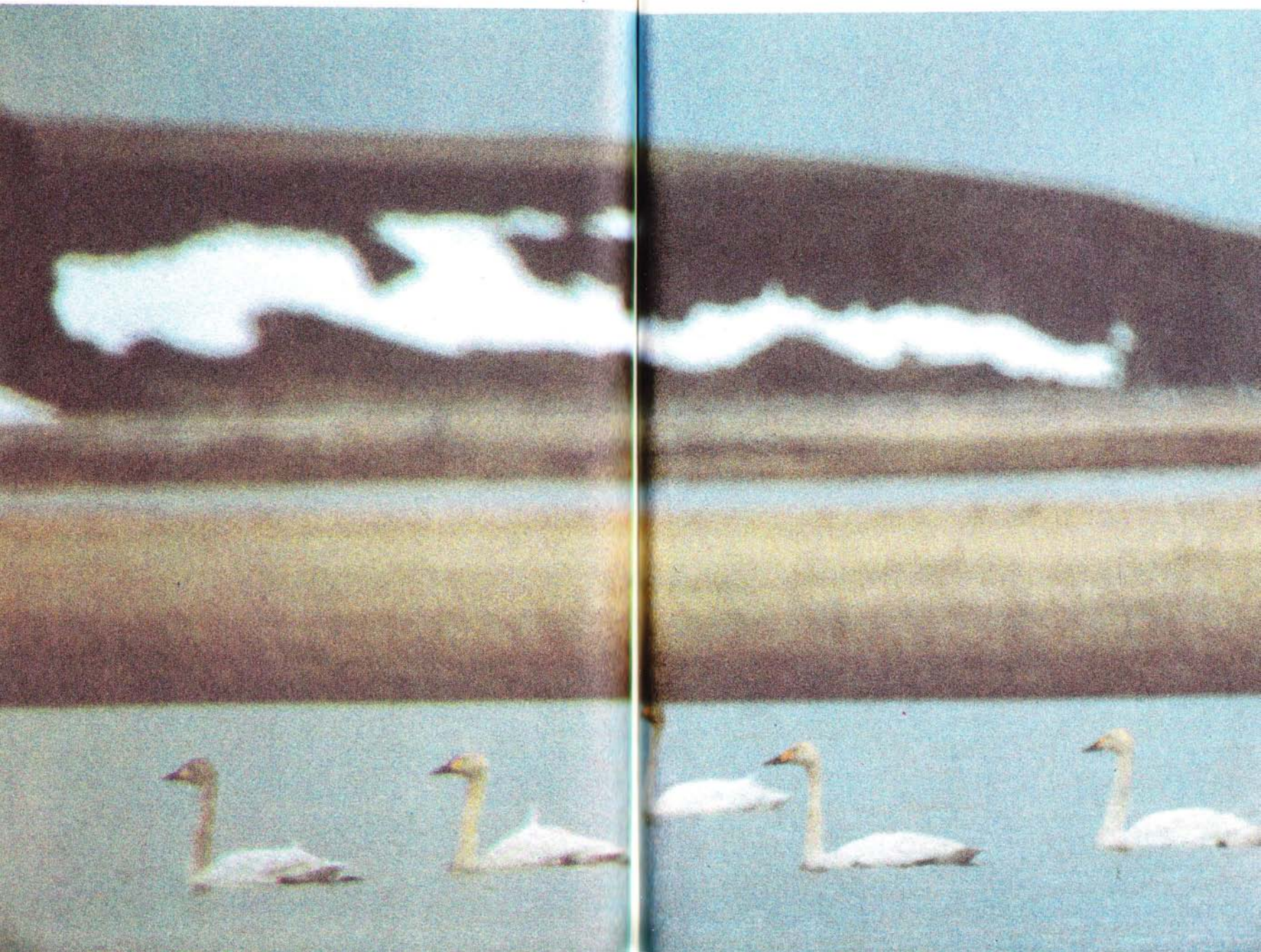
Грозившая нам опасность осталась позади. Мы спустились в кубрик. Старков стал растапливать печь. Рулевой повернул судно к бухте, где мы расстались с лесниками, и вскоре мористее заметил катер. То оказался катер лесничего. Он шел вдоль берега навстречу, отыскивая «дори». Ну и зол был лесничий на рулевого: еще издали, подходя к судну, погрозил ему увесистым кулаком. Но тот стоял на своем, что он иначе вести себя в такой ситуации не мог.

Оказавшись в тепле, увидев булькающий на печке горячий чайник, лесничий оттаял и спорить не стал. Он рассказал, что на берегу повстречал рыбаков, рыбачивших по всем правилам с лицензиями. Немедля отправился догонять «дори», покружил по бухте, вышел в море, но нас так и не нашел. Видно, с низко сидящего катера трудно было из-за волны разглядеть топовые огоньки нашего «дори». Так и вернулся к рыбакам, где остался у костра ожидать рассвета.

«Дори» взял курс к заповеднику. Часа через два показали мрачные берега полуострова Кони. Они медленно приближались, поражая первозданностью природы. Вершины, склоны горных долин укрыли низкорослые таежные леса, а у моря, поблескивая отвесными срезами, вздымались неприступные скалы. Не у каждого места тут пристанешь. «Дори» направлялся к небольшому мыску у одной из немногочисленных долин. Среди зелени кустарника там светлел небольшой

Прилетели малые тундровые
лебеди

Пуночка

В солнечный день

Микрофон в гнезде кулика. За
гнездом наблюдают орнитологи

«Танцует» в небе взволнованная
самка канюка

Вышли на просторы тундры

Гнездо белого кречета

Палатка орнитологов

Кречетиня семья

Редчайшие кадры: белый кречет
в полете над тундрой

Каменистые мысы разделяют
владения хищников

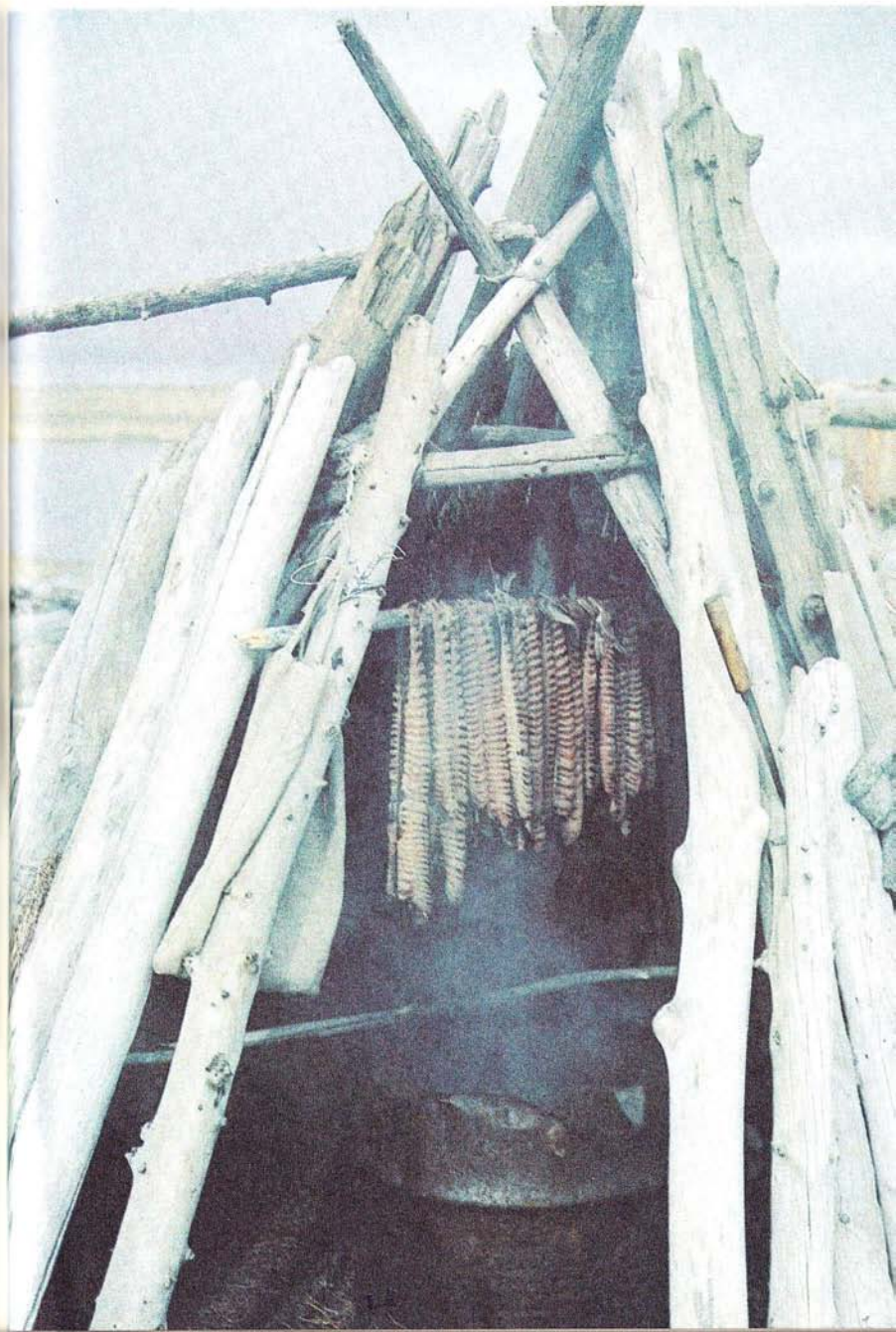
Сокол-сапсан

В половодье волны пригоняют
сюда плавник

Так готовится юкола из
чиря

Лодка-ветка

Кордон егерей заказника

Поморник

Полночь на лебедином озере

Скала соколов-сапсанов

Легки и стремительны эти птицы
в полете

На склонах Едомы появились
первые цветы

квадрат. «Крыша кордона»,— пояснил выбравшийся на палубу Воробьев. Это был мыс Плоский.

Едва «дори» приблизился к гористому берегу и ветер ослаб, лесничий перебрался в катер, усадил с собой Старкова, запустил подвесной мотор и помчался к мысу Скалистый. Нам же было приказано идти к мысу Плоский, высадить Воробьева и тут же следовать за ними. Ничего не оставалось, как, негодуя в душе на неторопливость «дори», осматривать открывавшиеся дали.

Из дома, стоявшего на мысу, вышел курчавый черноволосый парень в резиновых сапогах и рубашке с короткими рукавами. За ним бежала целая свора разношерстных собак. Он быстро подгреб на лодке, помог спуститься в нее Воробьеву, принял продукты, пригласил в гости и, привычно работая веслами, погнал лодку к берегу. А мы взяли курс к мысу Скалистый— цели всего нашего затянувшегося пути.

Время от времени с берега прилетали длинноногие черные птицы— бакланы. Они делали круг над судном и, успокоенные, возвращались обратно. Иногда с выступающих в море мысов шумными стаями снимались чайки и кайры. Их было немного, но летом, по всей вероятности, на скалах располагались большие птичьи базары. Пестрые от гнезд и птичьего помета, скалы влажно темнели у воды, серебрились на уступах, а под ними и наверху густо зеленела трава. На вершине одной из скал я заметил большое гнездо из сучьев.

— Орланье,— подсказал рулевой.— Много лет уже эти птицы тут живут. И все на одном месте.

Оказалось, что он провел в Оле немало лет. Промышлял в этих местах и рыбу, и крабов, и зверя. Но видимо, всему свое время, и теперь у него в жизни нет большего интереса, чем вот на таких судах по морю ходить.

Уже начинало смеркаться, когда мы добрались до Скалистого. Обогнув мрачноватые скалы, сразу же увидели морские суда, удобно устроившиеся в закрытой от ветров бухте. Почти у самого берега стояла плавбаза «Печенга». На палубе горели огни, из трубы поднимался дымок. По всей вероятности, на камбузе готовили ужин для команды. Рядом пристроилось судно поменьше. На его палубу с плавбазы перегружали деревянные бочки. А милях в полутора к западу стояло судно-спасатель, с бортами, выкрашенными в красный цвет.

— Все ясно: рыбаки собрались,— решил рулевой.—

заповедная территория, где снежные бараны могли спокойно жить. Летавшие над полуостровом Кони на вертолете биологи рассказывали, что часто видели в горах небольшие стада снежных баранов. Таким образом, имелась реальная надежда, что стада начнут прирастать.

— Раньше-то, бывало, когда мимо плывешь, пару чубуков непременно заметишь,—ворчливо рипомнил рулевой, пока я оглядывал зеленые склоны бухты в бинокль.—Стоят, не шелохнутся. Наблюдают. А сейчас, когда суда стоят, разве их увидишь!

И верно, сколько я ни всматривался, чубуков нигде не заметил. Попрытались осторожные бараны. Зато бинокль помог мне обнаружить покачивающийся на волне под бортом плавбазы катер лесников. Он был пуст. Должно быть, все собрались в каюте капитана. Хотелось знать, о чем там идет сейчас разговор, но, по всей вероятности, инцидент был исчерпан до нашего прихода. Пока мы разворачивались, судно-спасатель тронулось с места и, набирая скорость, направилось в море.

На палубе плавбазы появился Старков и, подняв руку, дал знать, чтобы мы возвращались. Помощи нашей тут не требовалось. В этом мы еще раз убедились, когда, прощаясь с бухтой, обернулись назад. В море уходило и второе судно. Затем мимо нас пронесся катер с лесниками, направляясь к мысу Плоский. Нам следовало идти туда же.

Минувя мысок, где прежде приметили гнездо орланов, теперь увидели и хозяина гнезда. Выждав, когда «дори» удалится на достаточное расстояние, орлан взлетел со скалы, сделал небольшой полукруг и уселся в гнездо. Конечно, провести в нем наступающую ночь приятнее и спокойнее.

Вот уже второй день как я живу на кордоне Ольского лесничества. В просторной избе стоят пять железных кроватей, сколоченный из досок стол у окна. Добрую четверть избы занимает сложенная Воробьевым печь. Когда ее топят, в избе жарко и постоянно открыта дверь, в которую виднеется голубое море.

Лесничий рассказал, что построить кордон стоило немалых трудов. На полуострове нет строевого леса, поэтому все до единого бревнышка для постройки кордона тащили плотами из Олы. Отыскали там ставшее кому-то ненужным жилище, разобрали его, бревна связали в плот и с помощью «дори» повели через

Тауйскую губу. Около ста километров! Когда совсем немного оставалось до цели, разыгрался шторм. Плот разбило, бревна порасшвыряло на десятки километров по берегу. Многие так потом и не удалось найти. Хотя несколько дней, не жалея ни моторов, ни бензина, искали, разъезжая вдоль побережья. Пришлось второй плот в Оле собирать. До мыса на этот раз довели его благополучно, а остальное недостающее подтаскивали на моторках. Так и возвели кордон.

— Теперь регулярные обходы начнем,—поделился планами лесничий,—и в слякотную пору осенью, и морозной зимой жить здесь будем. Ни соболя, ни россомахи, ни медведя браконьеру не удастся взять. На безнаказанность пусть не надеются.

Старков задачу выполнил, суда покинули воды заповедника, можно было бы и отправляться в Магадан, но погода выдалась необычно теплой и солнечной для конца сентября. И Старков решил с отъездом повременить и заняться недолгой «инвентаризацией» охраняемого здесь мира зверей и птиц.

Кордон расположился на невысокой террасе, поросшей травой и кустарником. Строго по расписанию, которое висит на бревенчатой стене у окна, море то подходит вплотную к береговой террасе, то отступает на добрую сотню метров, обнажая песчаное, в водорослях дно. Рядом протекает небольшая речка, начинающаяся далеко в горах. Это естественная граница заповедника. Она мелка, шумлива, в резиновых сапогах ее переходят вброд. В этой-то речке и увидел Воробьев так не вовремя появившегося медведя.

В ту пору в речку шла на нерест горбуша. Теперь лишь отдельные рыбины продолжали входить в русло, и Воробьев считает, что огромный медведь к кордону уже не подойдет. Но я надежды не терял. А вдруг повезет?

В том месте, где река впадает в море, всегда бело от птиц. Тут и крупные, разных возрастов серебристые чайки, и мювки, среди которых немало белых с черными пестринами красавиц, что родились в этом году. В отлив птицы отдыхают на песке, в прилив покачиваются на волнах. Иногда всей стаей взлетают, что-то вылавливая в воде, вереницей постоянно пролетают над рекой.

У лесников есть белая молодая лайка, которая может часами в свое удовольствие носиться в ледяной морской воде. Заигрывая с чайками, пугая вертких плавунчиков, резвясь среди волн, она невольно застав-

ляет предполагать, что вот так, наверно, и начиналось у далеких предков современных тюленей знакомство с водой. Тюленей здесь, как и птиц,— уйма! В прилив их черные лоснящиеся морды постоянно маячат перед устьем речки. Иногда из окна дома можно наблюдать, как воровато плывут они под водой, норовя пройти подальше в реку. И поднимая тучи брызг, тюлени бросаются обратно, поняв, что замечены людьми.

Отлив тюлени собираются на острие обнажающейся каменистой косы. Тут и ларга—кольчатая нерпа, и акиба—обыкновенный тюлень. Особняком, на отдельных валунах устраиваются лахтаки—крупные тюлени, которых еще называют морскими зайцами. Кому не досталось места на камнях, те спят в воде, подняв над гладью похожую на поплавок морду. Иногда в тишине разносится грозное, почти львиное рыканье, недовольное ворчание—тюлени спорят из-за места на камнях.

К лагуне, где отдыхают тюлени, мы шли со Старковым по медвежьим тропам, проложенным среди высокой травы и кустарника. Вдоль обрыва у берега медвежьи тропы превратились в хорошо утрамбованную дорожку. Должно быть, тюленьи голоса постоянно привлекают сюда зверей. Вот и прохаживаются они, облизываясь, по бережку, размышляя, как бы до тюленьей лежки добраться. Дело это трудное. Не рискнул сначала взяться за это и Старков. Но я уговорил. Совсем недавно подкрадывался я к тюленьим залежкам на песчаных косах Каспия, опыт был.

Скрываясь среди валунов, густо облепленных ракушками мидий, где ползком, где на четвереньках, вспугивая по пути тюленей, предпочитающих отдыхать в уединении, мы все-таки подобрался к тюленьей залежке на расстоянии «фотовыстрела» из пятисотмиллиметрового объектива. Дальше путь преграждала вода. И если бурым медведям, как уверяют знатоки, иногда все же удается заниматься на залежках разбоем, то они, видимо, преодолевают оставшееся расстояние вплавь.

Сквозь линзы объектива пятнистые, серебристошкурые, лоснящиеся жирные тюлени казались рядом. Отчетливо различались их полузатмуренные глаза, когти на лапах. Легкая волна окатывала тюленей, лежавших с краю, заставляя их жеманно морщиться, вскидывать сложенные вместе задние ласты, всем своим видом выражать недовольство—ну когда же это кончится? Остальные блаженно дремали. Я не отрываясь от объектива, делая снимки, Старков вел подсчет,

определяя разновидность тюленей. Вскоре он объявил, что в лагуне около девятисот тюленей пяти видов, что это не так уж плохо для молодого заповедника.

— Пора,— тронул он меня за плечо.— Через пятнадцать минут начнется прилив. Нам бы успеть посуху до берега добежать.

Вспомнив про высоту приливной волны в Тауйской губе, обернувшись назад и увидев домик кордона в страшной отдаленности, я заторопился, неловко поднялся. Лежавшие, словно мешки, тюленьи туши в мгновение ока пришли в движение. Вскипела, как в шторм, вода, и лежбище опустело. Несколько сот черных голов всплыло по обе стороны от косы, тараша в удивлении на нас глаза.

— Ничего,— успокоил меня биолог,— совсем немного недоспали. С приливом им все равно пришлось бы подниматься.

Прыгая по скользким камням, мы поспешили к берегу. С шипением волны катились буквально по пятам, скрывая камни. Мы едва успели посуху дойти до берега. Когда оглянулись, то не было уже ни тюленей, ни каменистой косы, где они лежали. У ног плескалось с невозмутимым спокойствием голубое море, как будто оно и не уходило далеко от берегов.

Затем мы поднялись в горы, пройдя тропой, по которой лесники обходят границу заповедника. Мох скрывал камни, дорогу преграждали заросли кедрового стланика, каменистые осыпи, идти тут было нелегко. Иногда надвигавшиеся облака вмиг окутывали все непроницаемым туманом. Да и высота сказывалась. Но, поднявшись к вершинам, мы забыли о трудностях пути.

Над рекой, почти не взмахивая крыльями, далеко внизу парили чайки. По склону гор поднимался в зелено-золотистом осеннем убранстве невысокий горнотаежный лес. И эта нетронутая, первозданная красота так в ту минуту подействовала на меня, что захотелось остаться здесь навсегда.

— Вот и со мной что-то подобное случилось,— словно подслушав мои мысли, признался самый молодой из лесников, Сергей.— Я ведь в Бурятии родился. Маме врачи посоветовали сменить климат. Мы и переехали сюда. В Оле я сначала все Бурятию вспоминал. Природа и там очень красива. А в армию ушел и по здешним местам затосковал. Не поверите, но это море и эту тайгу во сне видел. По ней тосковал. Домой возвратился, имея специальность радиста. В первый же день к нам в дом начальник радицентра пришел, меня

приглашал работать. Но я еще до армии Лесотехнический техникум в Хабаровске окончил, слышал, что в наших местах заповедник будет создан, и решил твердо: только в заповедник! Верил, что смогу помогать оберегать всю эту красоту.

Внезапно чайки, что летали над рекой, всполошились, закружили суматошной стаей на одном месте, и мы увидели черноспинного бурого медведя, своеобразной вихляющей походкой торопливо уходящего в густоту кустарника от реки.

— Эх, это я виноват. Разговорился, а то бы ближе подошли,— сокрушался лесник.— Когда я один тут бываю, часто их вижу. Часами можно наблюдать, как они в речке рыбу ловят. А тут неподалеку есть озерцо одно. Вода зеленая, все водорослями заросло, так медведи там часами сидят, ванны принимают. Смотреть на них умора. Пойдемте, покажу.

Цепляясь за огромные камни, продираясь сквозь заросли кустарника, мы отправились к медвежьей лесной купальне. Но тут накатили низкие облака, закрыли все плывущим туманом. Пришлось остановиться. Пережидая туман, мы опустились на мох, где было полным-полно спелых ягод брусники. Туман поредел, но, увлекшись ягодой, вставать не хотелось. И тут над черным хребтом увидели двух воронов, которые, по всей вероятности защищая своих птенцов, бесстрашно атаковали в небе крупного сокола. Туман скрывл окраску оперения птицы, я не мог разобрать, к какому виду относится этот сокол, и, прыгая через камни, побежал к останцам, над которыми кружили птицы. А вдруг это кречет, думалось, вот туман рассеется и удастся сфотографировать столь редкую картину... Но туман не рассеялся, да и все завершилось стремительно.

Сокол вначале будто и уступал, отлетая от воронов, но все же постоянно держал высоту, ловко и легко уходя от неповоротливых птиц. А потом эта канитель, видимо, ему надоела, сокол сложил крылья и ринулся на птиц, погнав воронов вниз, пока не заставил их смиренно усесться на камни. Сам же развернулся, взмыл вверх, легко паря в вышине, пронесся над долиной и исчез. Опять не повезло! Снять птиц не удалось.

Я вернулся к лесникам. Старков всю эту сцену имел возможность наблюдать в бинокль, и я поинтересовался, не определил ли он, что это за птица. Но и он из-за тумана не разглядел. И не мог сказать твердо, водятся ли в этих местах сапсаны или кречеты.

— Знаете,— признался он смущенно,— ученые наши на полевой сезон в дальние уголки разлетаются, а в результате места, прилегающие к Магадану, остались почти неизученными. Но теперь-то уж мы доведем это дело до конца. Приезжайте к нам через годик-два, и, если только кречеты водятся в наших местах, мы к самому гнезду вас проведем.

Потом мы добрались до озера, где любили принимать ванны медведи, но, очевидно, день был не банным, озеро пустовало. Лишь две кедровки вылетели из зарослей, стрекоча, как сороки, вероятно оставшись недовольными нашим появлением. Мы отправились на кордон.

Вечером мы сидели в жарко натопленной избе. Тарахтел движок переносной электростанции, ярко горела лампочка под потолком. Мы попивали из огромных кружек чай с брусничным вареньем, и я спросил, не лучше ли было создавать заповедник не из четырех довольно далеко отстоящих друг от друга лесничеств, а сделать его единым, скажем, выделив для этого всю территорию полуострова Кони.

— Создание заповедника— дело не простое,— задумчиво ответил Старков,— особенно в такой области, как наша. Где в недрах сосредоточены едва ли не все элементы таблицы Менделеева, а геолога что ни год продолжают преподносить открытия. Думается, не возьмись Алексей Петрович Васьковский за проектирование заповедника, ученые и по сей день спорили бы да гадали, каким ему быть и где создавать.

Васьковский прибыл в бухту Нагаева в июне 1931 года вместе со Второй Колымской экспедицией Ю. А. Билибина и отдал изучению этого края всю свою жизнь. За работу в Дальстрое Васьковский был награжден орденами Ленина, Красной Звезды и орденом «Знак Почета». Геологические партии, которыми он руководил, открыли несколько месторождений золота и других цветных металлов. И где бы ни бродил ученый с геологическим молотком, он считал необходимым описывать и обследовать все, что поражало его пытливым умом. Так, собственно, и должны вести себя истинные первооткрыватели, осваивая этот край.

В 1969 году Васьковский получил право уйти на заслуженный отдых. Мог, как делали многие его сверстники, отправиться в теплые края, выращивать где-нибудь цветы или яблони. Но тут подошло время создания в Магадане Исследовательского института

Дальневосточного научного центра Академии наук СССР. И Васьковский пришел в ИБПС, где возглавил лабораторию ландшафтоведения и охраны природы. Да и кому было возглавить ее, как не ему.

К тому времени ученым было опубликовано семьдесят научных статей, многие из них были посвящены проблемам геоморфологии, исследованиям флоры и фауны. Двадцать различных карт — геологических, геолого-геоморфологических, тектонических, палеогеографических и других — было составлено им и подготовлено к печати. Магаданскую область, ее природу, ландшафты, животный мир этот человек знал, как говорится, назубок и мог ориентироваться здесь с закрытыми глазами.

Позже мне довелось встретиться с Надеждой Григорьевной Волобуевой, которая работала вместе с Васьковским. «Таких ученых теперь не бывает, — не без сожаления призналась она. — Он любил музыку, писал стихи, всегда был внимателен и галантен с женщинами. Как и все полевики, не придававший значения одежде, выглядевший в обществе всегда как-то невзрачно, любую компанию мог заморозить своими рассказами. Слушать его можно было часами. Диапазон же его научных познаний был так широк, что коллеги за глаза называли его «ходячей энциклопедией». Казалось, не было вопроса, на который он не мог дать ответ».

Надежда Григорьевна считала, что в принципе спроектировать заповедник могли бы и другие ученые. Нашлись бы специалисты. Собрали группу, все изучили, во всем разобрались и, возможно, разработали бы тот же самый проект, что предложил Васьковский. Но на это бы ушло значительно больше времени. Заслуга Алексея Петровича прежде всего состоит в том, что, обладая обширными знаниями, за долгие годы работы изучив природу Магаданской области, он сумел спроектировать заповедник очень быстро. Ибо хорошо понимал, что время думать о сохранении природы в здешних местах давно прошло...

Проектирование заповедника стало последним делом его жизни. И это мне показалось символичным. Он пришел сюда с теми, кто решил разбудить этот сонный, мерзлый, забытый богом и людьми край. Терпя немалые лишения, испытывая огромные трудности, они открывали богатейшие месторождения олова, нужных стране цветных металлов, мечтая, что здесь вырастут города, будут проложены дороги, появятся морские порты, начнут летать самолеты... Теперь из

тех, кто начинал все это, многих не осталось в живых. Но один из этой плеяды как бы успел передать наказ беречь природу, создав проект первого заповедника. Умер Васьковский в 1979 году, немного не дожив до дня открытия заповедника.

...На следующее утро я решил навестить небольшой птичий базар, где гнездились бакланы. Но не успел дойти. Начался прилив, вода подошла к скалам, пришлось возвращаться. У кордона я увидел моторку. Лесничий торопил.

— Садитесь в моторку, — сказал он. — Только что белого кречета видел. Сидит на дереве. Я его пугать не стал.

Оказалось, что лесничий решил навестить косарей, работавших неподалеку от заповедника, и в устье речки Умары увидел на дереве белую птицу.

— Сначала подумал — чайка, — рассказывал он, — но потом сообразил, что чайки на деревьях у нас не сидят. Издали — как тряпича на дереве висит. Ни разу такой не видел. Наверно, и вправду белый кречет.

Все было неожиданно и странно, но, чем черт не шутит, подумал я и уселся в лодку. Взревел мотор, и мы помчались к речке Умара, не обращая внимания ни на уток, ни на тюленей, всплывавших едва ли не у бортов и испуганно шарахавшихся от нас.

По орнитологическим справочникам южная граница гнездования кречетов проходит вдоль полярного круга, захватывая Камчатку. Сообщений, что этих птиц можно увидеть на полуострове Кони, мне встречать не приходилось. И все же верилось, что они могли тут быть. Камчатка совсем неподалеку. И здесь такие же скалы, птичьи базары. Отчего бы и не залететь сюда белому кречету. На речке Умара мы были минут через двадцать. Огромная стая чаек поднялась с поверхности воды, закрыв полнеба. Чайки, видимо, постоянно кормились в устье. Но сколько я ни смотрел, белой птицы на дереве не было.

— Улетел, — с досадой молвил лесничий. — Вот же, на этом дереве сидел. Мы метров на десять к нему подошли. С места не сдвинулся.

Мы пристали к берегу, лесничий решил прочесать лесок, может, где-то сидит. Но я уже подготовил себя к неудаче. Ведь с тех пор прошло не менее часа. Чего соколу было сидеть на дереве, поджидая меня!

В траве отыскалось несколько тушек расклеванных чаек. У птиц была выклевана только грудина. Несом-

ненно, какой-то хищник постоянно охотился в этих местах, но, был ли это кречет, сказать было трудно. Забравшись на каменистый выступ, я принялся осматривать окрестности в бинокль, но, сколько ни смотрел, белой птицы так и не увидел. Зато отыскал коричневатую, с белой перевязью у хвоста самку луня. Летя на небольшой высоте, птица методично и неторопливо осматривала заросли кедрового стланика, время от времени застывая на месте с опущенной книзу головой.

На обратном пути мы подошли к небольшому островку, где гнездились чайки, бакланы. На фоне синего неба серебристо-коричневатый островок стоял среди едва колеблющейся глади моря, как сказочный замок. На серебристых выступах его скал виднелось немало черных бакланов. В гнездах кое-где сидели птенцы. Но еще издали я заметил белохвостого орлана, устроившегося на триангуляционном знаке, поставленном геодезистами на наиболее высокой точке острова. И снимая бакланов, я не переставал поглядывать на орлана.

Вскоре я заметил небольших размеров сокола, пронесшегося в синеве неба, а затем появился мохноногий канюк. При приближении нашей моторки он суетливо закружился у скал, выдавая место нахождения своего гнезда. Крылья у канюка были очень светлые, почти белые, и я подумал, что, может быть, это канюк сидел на дереве. Его-то и принял лесничий за кречета. Но тут все мои размышления о кречете испарились, как дым.

На каменной пирамиде в центре острова отдыхали два белоплечих орлана. Вот это будет кадр! Отчетливо виднелись белые плечи, яркие желтые клювы. Я снимал, не жалея пленки. А тут еще третья птица пронеслась над двумя сидящими на пирамиде, и я успел, как мне показалось, зафиксировать этот момент на пленке. По всей вероятности, на островке отдыхал выводок белоплечих орланов с мамашей. Следовательно, и эти редкие птицы гнездились на территории созданного заповедника. Изучены эти птицы недостаточно хорошо. Гнездятся они только на востоке нашей страны. Охота на них категорически запрещена, но с освоением побережья Охотского моря численность их все же сокращается. И заповедование участков побережья просто необходимо для сохранения этих птиц. Опять я вспомнил прозорливость Алексея Петровича Васильковского. И для этих птиц, как оказывается, проектировал он свой заповедник...

ИЩИТЕ НАС НА ЧУКОЧЬЕЙ

Болотистая тундра низовьев Колымы, где, как уверяют старожилы, в летнюю пору водички бывает поболее, чем суши, привлекла мое внимание после просмотра небольшого документального фильма, показанного по телевидению. Назывался он просто: «Из полевого дневника орнитолога Андреева». Возможно, кому-то из читателей довелось посмотреть этот незамысловатый, но сделанный с большой любовью к северной природе фильм. Начинается он с показа тундры с птичьего полета: зеленой, в синих пятнах бесчисленных озер. И над ними плавно летит лебединая пара. Не знаю, как уж удалось это снять оператору, но иллюзия полная, будто и мы летим вместе с этой парой. А затем — берег озера крупным планом, и мы любуемся «потешными боями» разодевшихся в брачный наряд турухтанов — длинноносых, тонконогих куликов. Распушив «воротники», каждый в своем неповторимом наряде, они приседают, наскакивают друг на друга, лишь изображая уколы клювами-иглами. Ветер пригибает траву, в кадре появляется опускающийся вертолет. Под рев работающих турбин быстро разгружают его прилетевшие люди. Вот уже поставлена палатка. Собирается со множеством датчиков и проводков электронная аппаратура. И орнитологи голосами птиц, записанными на

магнитофон, начинают вызывать из кустарника самцов куропаток. Темношеих, с красными гребешками, разодвинувшихся, как и турухтаны, в брачный наряд. По-разному ведут себя ухажеры, явившись на призыв магнитофона. Одни удивлены, другие обескуражены, третьи готовы расклевать диковинный аппарат, и это их поведение начинает не без усмешки, но по-доброму комментировать орнитолог Андреев, молодой человек с модными ныне усами, вьющимися каштановыми волосами, в теплой ватной куртке, сидящий у палатки. Комментарий этот, как потом мне довелось узнать, был воспроизведен по дневниковым записям той поры, когда, как признавался орнитолог, в записях его больше преобладали эмоции, чем наблюдения по существу дела.

Андреев затем рассказывает в фильме, что были времена, когда орнитологи, отправляясь изучать птицу, прежде всего подбирали по руке ружье, чтобы оно безотказно и верно било. Ведь только заполучив его, считалось возможным это сделать. Исследования же, которые ведет его группа, совсем иного рода. Не трогая птицу, не мешая ей жить, с помощью точнейших электронных приборов можно, оказывается, узнать о ее жизни значительно больше того, чем удавалось орнитологу, вооруженному ружьем. Тут уж я совсем приник к телеэкрану: давно бы пора только так птиц и изучать! Немало еще их по специальным разрешениям забивают для научных целей. А далее я увидел, как орнитолог фотографирует птиц каким-то диковинным, похожим на ящик фотоаппаратом. Проваливаясь по пояс в болотную жижу, держа этот ящик перед собой, он приближается к гнезду, щелкает затвор — и в кадре появляется... розовая чайка! Она вьется над гнездом, висит над головой человека. И не боится его. А орнитолог продолжает спокойненько ее снимать.

Мне припомнилось, с каким волнением писал о встрече с розовой чайкой режиссер, снявший первым фильм об этой загадочной птице всего лишь десятилетие назад. Сколько труда он затратил на ее поиски, почти отчаивался найти, а тут — вот она, снимай, пожалуйста! И Андреев снимал ее. Снимал так, будто это и не бог весть какая редкость.

Розовая чайка... Как верно подметил тот же режиссер, в Арктике не найдется человека, не пожелавшего увидеть эту птицу. Большую часть жизни проводит она в морях Северного Ледовитого океана. Ее считают столь же равноправной хозяйкой полярных льдов, как и

вездесущих песцов и белых медведей. Но встречается птица так редко, что и по сию пору каждый человек, кто хоть раз в жизни увидит ее, считает себя счастливым.

Я многие годы провел среди льдов. Жил на самых северных мысах, островах, годами работал в высоких широтах. Видел айсберги, белух, белых полярных чаек, тюленей и белых медведей, розовые туманы и розовый снег. И только розовой чайки за годы полярной работы мне так и не довелось встретить.

Что из того, что об этой птице уже снят не один фильм! Что снимки ее нередко публикуются в книгах и журналах! Розовая чайка для меня оставалась если не единственной, то одной из немногих птиц, которых я не снимал. А ведь когда-то я поставил себе цель — сделать портреты всех обитателей этой полюбившейся мне ледяной страны. Я решил непременно искать встречи с Андреевым. Если не повезло снять птицу среди торосов в полярных морях, то почему бы не попробовать увидеть ее в летней тундре, среди озер на ее родине...

Честно признаться, я подумывал об этом и раньше. Хотел отправиться за птицей куда-нибудь в низовья Индигирки или Колымы. Но где ее там искать? Розовые чайки не придерживаются какого-то определенного места гнездования, и это останавливало. Андреев же мог оказаться наилучшим проводником. Не зная ружья, он не мешал жить птицам. Мне казалось, что они сознательно вьют гнезда рядом с его лагерем, надеясь на защиту.

А тут вскоре в руки мне попала небольшая научная книжка: «Адаптация птиц к зимним условиям Субарктики». Автором ее оказался Александр Владимирович Андреев, орнитолог из Магадана, сотрудник хорошо знакомого мне ИБПС. Я заинтересовался. В книге, говорилось в аннотации, «на примере ряда типичных, зимующих в ультраконтинентальных районах Северо-Восточной Сибири птиц рассматриваются особенности экологии и биоэнергетики, а также адаптации к обитанию в экстремально холодных условиях». Орнитолог представал здесь совсем в другом, как говорится, качестве. Как же в лютой колымский мороз удавалось ему проводить столь сложные исследования?

Вот в книге приведен график суточной активности белой куропатки. В скобках указывается, что график составлен на основании ста сорока семи встреч с этой птицей. Ста сорока семи! Далее подобные графики приводятся для тундреной куропатки, каменного глуха-

ря, рябчика, кукушки, кедровки, светлоголовой гаички. И каждый из этих графиков составлен также на основании более чем сотни встреч. И это в мороз за сорок, за пятьдесят градусов, ранним утром и к вечеру, когда птицы выходят на кормежку! Я подсчитал, что ради этого он должен был провести на морозе, причем стараясь быть незамеченным, а значит, и малоподвижным, многие сотни часов! И такая одержимость ради достижения поставленной цели просто поражала.

Но не только активность птиц сама по себе интересовала автора. Нужно было разобраться, как приспособились птицы к жизни в таких условиях. С поразительным терпением он прослеживает, как ведут они поиск корма, сколько энергии на это затрачивают; какое расстояние проходят, какое пролетают. Куропатка, к примеру, отмечает он, в начале зимы, когда «снег в пойме Омолона отличается малой плотностью, проваливается при ходьбе на 55—70 мм, имеет нагрузку на след в среднем 13,5 г/см² при длине шага 16 см». Отсюда затем следуют соответствующие выводы.

Какой корм предпочитают птицы при низких температурах, где отдыхают, как устраивают лунки в снегу—это все интересующие орнитолога вопросы, на которые он должен дать ответ. Лунки, замечает он, всегда чуть больше размера самих птиц. Такими они должны быть для того, чтобы птица могла распушить перья. А это помогает ей спастись от обморожения.

За наблюдениями следуют обоснования биоэнергетики птиц. Тут сплошные формулы, как в учебнике физики. Неспециалисту разобраться невозможно. Смысл в том, что Андрееву отнюдь не на голой математической модели, а выполнив ряд интереснейших измерений непосредственно на оперении и теле птиц, в их дуплах, лунках, местах ночевок, с помощью всевозможных датчиков, удалось подсчитать, откуда у птиц берется энергия для существования в лютые колымские морозы, когда трескаются деревья и взрывается лед.

В книге приводились уникальные фотографии птиц, снятых при сильных морозах в полярную ночь. Рябчики, гаички, куропатки, оказывается, прячут в оперение головы, становясь похожими на мячики. Что такая форма помогает птицам сохранить тепло, также доказано на основе тщательных измерений на теле птицы и на оперении. Все эти снимки автор сделал самодельным фотоаппаратом—ведь в продаже пока не появились фотоаппараты, с помощью которых можно фотографировать при минус шестидесяти градусах.

Рассматривая затем рисунок, изображающий опыт по измерению температуры в снежных лунках, устраиваемых рябчиком для ночлега, прочитав в подписи, что для этого использовались специальная «упряжь с термодатчиком, кинокамера с электромагнитом, часовой механизм, батареи, лампы, электротермометр», я решил, что тут без помощи Кречмара не обошлось. Так и оказалось. В конце книги я нашел слова благодарности в адрес этого человека, «совместно с которым и при его поддержке были разработаны некоторые экспериментальные методики». Таким образом, Андреев в какой-то мере был учеником изготовителя фотороботов, с которым отправиться в экспедицию мне так и не пришлось. Теперь непременно захотелось познакомиться с этим орнитологом. И вскоре случай такой представился.

Молодой ученый был приглашен в Москву на вручение ему награды—премии Ленинского комсомола. Премией он награждался как раз за ту исследовательскую работу, за которую ему была присвоена степень кандидата биологических наук. Я навел справки, дозволил куда нужно и упросил Андреева зайти хотя бы на часок.

Сразу пришлось доставать карту. Я давно заметил, что перед картой, особенно если она большая и подробная, полевик быстро становится самим собой, теряя понятную для неожиданного знакомства отчужденность и скованность. Так оно и вышло. Поначалу Андреев как-то весь съехался, будто жизнь в городской квартире ему была чужда и непривычна. Но за чашкой чаю, перед картой он вскоре стал тем же хорошо знакомым мне по фильму человеком, что рассказывал о куликах.

Итак, вот Магадан, славный город золотодобытчиков, где теперь и проживает ленинградец Андреев. Здесь институт—ИБПС, самое подходящее место для его исследований. На стационаре «Абориген»—экологической станции—Саша провел интереснейшие наблюдения за поведением птиц. Но большую часть работы он сделал на притоке Колымы—красавце Омолоне, в одном из стационаров магаданских биологов, где ему довелось провести двадцать шесть месяцев, из которых тринадцать пришлось на зиму.

— Сильная река Омолон,—говорит Саша.— Не зря ее Олег Куваев назвал Рекой с большой буквы. Бывальи он человек, экспедиционник, а ведь не одолел ее в одиночном плавании. Лодка его, о чем он постес-

нялся рассказать в повести «Дом для бродяг», так и осталась торчать в одном из заломов. Об этом только теперь рассказал один из его приятелей. Было так раз и со мной. Едва богу душу не отдал. Шли в связке. Я на моторе, вторую лодку тянул за собой. Вначале нас к берегу бросило. Лодку к скале прибило, а у меня заглох мотор. Тогда Река перестала держать лодку у скалы, и нас вынесло на стремнину. Мотор не запускается. Залило его, а лодки понесло на баржу, которая посередине реки на якоре стояла. Лодки по разным бортам пошли, а трос застрял, ударившись о нос баржи, держит их. Меня тащит течением в пучину. Утро раннее, кто на барже, стоящей на якоре, в эту пору может не спать? Решил—пропаду! Крикнул так, на всякий случай. А вахтенный прибежал и успел протянуть мне руку. Лодки спасли, а мотор и сейчас, верно, лежит там на дне. К реке этой у меня навсегда сохранилось особое чувство, а к людям, что живут и работают здесь,—особое уважение...

На Омолоне закончилась для Андреева работа по адаптации зимующих птиц, новые задуманные им исследования надо было проводить в низовьях Колымы. Тут-то и застали его кинооператоры. Фильм, как рассказывал он, был сделан случайно. Новосибирская киногруппа прилетела в Магадан, чтобы договориться с биологами о съемке белых гусей на острове Врангеля. И только здесь им стало известно, что там уже работает норильский кинооператор Ледин, в съемке северных животных которому у нас пока нет равных. Новосибирцы пригорюнились. Тогда-то директор ИБПС и рассказал им об Андрееве, который работал в Колымской тундре. Узнав, что там можно увидеть розовых чаек, группа не поскупилась на специальный вертолет и сделала в конце концов без всякого предварительного сценария хороших, запомнившийся фильм.

Я признался, что имею давнее желание увидеть и снять розовых чаек. Оказалось, что о моем увлечении съемкой полярных зверей и птиц Саша знал, читал в очерках и книгах и был не против посодействовать.

— Розовых чаек мы встречаем постоянно,—отвечал он,—да вот беда: пока не приходится подолгу работать на одном месте. Поначалу мы стояли лагерем вот здесь,—указал он на карте.—Тут впервые и встретили розовых чаек. Кстати, здесь нас киношники отыскивали, сняли свой фильм.

— Жили мы тогда в палатке втроем,—углубился он в воспоминания.—В помощниках у меня были Женя—

молодой и азартный охотовед да Валентин Николаевич—старый северянин. Последний на все руки мастер: и прибор исправить, и обед сварить, и рыбку засолить—все может. Розовых чаек здесь было так много, что вскоре, честно признаться, мы на них и внимания особенно не обращали. Ведь для меня главный объект исследований—кулики и куропадки. Но место это очень подходило для исследований. Однако жить в палатке многие месяцы было, конечно, тяжело. На этот раз я работал не один. Хотя и маленький отряд, но нужно было заботиться и о других членах экспедиции.

— Мы отыскивали пустующую избу,—продолжал орнитолог.—Жил в ней старик охотник, да умер. И мы переселились в нее. И тут же сразу увидели в тундре розовых чаек. И другие интересующие нас птицы тоже были. Жизнь в избе поначалу показалась даже приятной после палаточной сырости и тесноты. Но в результате мы оказались оторванными от института, да и остального мира. Надо было пройти десятки километров по болотистой тундре, чтобы выйти к единственному в тех местах рыбаку. А уж затем на его лодке можно было надеяться добраться до поселка, где на почте для нас лежали телеграммы, письма и газеты.

А тут произошел случай, подсакавший, что место для работы надо подыскивать новое.

— Свалился Николаич. Печень прихватило. От боли на стенку лезет. Того и гляди ноги протянет. Пришлось мне, как марафонцу, рысцой отмеривать километры по размокшей тундре. В глазах темнело, мокрый весь, а тут еще комары—гудят, выются серым облаком, но добежать, вызвать вертолет удалось все же вовремя. Отправили Николаича в больницу. А сами уселись с Евгением перед расстеленной картой и стали думать, где же все-таки нам обосноваться? И решили, что лучше всего разместиться на реке Большая Чукочьа. Там фактории есть, и нам можно встать по соседству. Вертолеты на фактории часто летают, постоянная радиосвязь, а на моторке мы сможем добираться на любую из них.

Погрузили мы в «казанку» вещи и отправились в путь. Спустились по речке, вышли в море. Берега здесь низкие, а отмели широкие и илистые. В такую попадешь при отливе, из лодки не вздумай выходить—засосет! А мы как раз на такую и попали. Не моряки же. Ждали несколько часов, пока прилив не поднял лодку.

Приятного, честно признаться, испытали мало. Когда лодка на волнах закачалась, Евгений предложил: «Пойдем мористее. Срежем угол и от встреч с этими мелями избавимся». Пошли. А тут льды появились. Вот такие, как у вас на фотографии. Настоящие полярные. Я такие увидел впервые. И нас зажало...

Пока мы веслами льдины расталкивали, к чистой воде выбирались, на севере появились темные, мрачные облака. Поднялся ветер. Сначала вроде бы и небольшой. Но затем он окреп. Начался шторм. Наше счастье, что ветер оказался попутным — волнение не в борт. Держим курс к горушке, что, как маяк, стоит при входе в устье Чукочьей. О ней нам раньше еще рыбаки рассказали. Снег, дождь, промокли. Через несколько часов вошли в устье реки, но штормовая волна не стихает, а потому и поворотить к берегу никак нельзя — опрокинет! Проскочили первую факторию. Видим: дома, люди живут, а мы правим мимо. Вот положенница! Еще с десяток километров отмахали, вроде волна пообмякла. Рискнули повернуть. Удалось! И на полном ходу — к берегу!

Выбросились, лодку оттащили. Поставили палатку и забрались в спальные мешки. Сутки отлеживались, в себя приходили, а на вторые шторм утих. Пошли осматривать окрестности. Отличное место. Открытая, с низким кустарником тундра. И куропатки есть. И кулики. И наши знакомые — розовые чайки! А на берегу увидели выброшенную в шторм полуразвалившуюся рыбацкую посудину. Для этих безлесных мест находка была равносильна кладу. Из ее досок соорудили избу не избу, но довольно сносное жилище.

Проработали здесь до самой осени. Женю пришлось отпустить пораньше — на свадьбу торопился, а я застрял на Чукочьей до снегов. Выбирался с якутскими пастухами, перегонявшими стадо оленей на юг. Дали они лошадку, умную, неприхотливую, и довезла она меня через все колдобины аж до самого Черского. Так что если хотите снять розовых чаек, прилетайте к нам на Чукочью, — закончил свое повествование орнитолог. — Особых условий не обещаю: спальник, сапоги — все берите с собой. Жить придется в тесноте, но розовых чаек, уверяю, увидите. Мы их отыщем.

Договорились так: мне добираться вначале в Черский. Затем лететь попутным вертолетом на одну из факторий. Оттуда — на лодке. Лучше, объяснил Саша, прилетать в начале июня, когда сойдет снег. Сами они отправятся в тундру в мае и пробудут там до снегов.

Поздним вечером я проводил Андреева до гостиницы, на следующий день он улетал к себе в Магадан, где поджидала его нелегкая, но интересная работа. Отправиться на Чукочью я собирался на следующее же лето...

ПТИЦА С ОТСВЕТОМ ЗАРИ

Хмурая пелена низких облаков, плывущая с севера, зародившись где-то над просторами Ледовитого океана, с угрюмой решительностью захватывает небосвод. Спрятав, как в мешок, низкое солнце, она наполняет весеннюю тундру тусклой мрачностью, лишая меня всякой надежды при удаче сделать хороший цветной снимок.

— Саша, — кричу я ушедшему вперед Кондратьеву, — Александр Владимирович! — прокашлявшись, добавляю для убедительности, — может, все-таки передохнем маленько, а?..

Вот уже несколько часов, как, распроцавшись с моторкой у одного из озер, подняв голенища резиновых сапог, бредем мы с рюкзаками за плечами по топкой хляби Халерчинской тундры, как называют здесь протянувшийся вдоль левого берега Колымы участок Колымской низменности.

Озер тут и впрямь больше, чем суши. Но в эту пору, когда стаяли снега, разлились реки, суши тут, кажется, нет вовсе. Вначале, выбирая из ила ноги, мы шли, как журавли, по мелководью вдоль берега озера, не рискуя войти в густые ивняки, вымахавшие в два человеческих роста. Пара тундровых лебедей, на всякий случай отплыв на середину, долго приглядывалась к нам, но все-таки птицы не выдержали, взлетели, отправившись искать место поспокойнее. Затем мы поднялись на невысокий берег, где кустарник был помельче и пореже, но и здесь невозможно было найти сухого клочка земли.

В кустарнике хоронила одинокая важенька с темношкурым олененком. Взбежав на взгорок, будто специально нам показаться, она увела олененка, издали похожего на медвежонка, в непролазные кусты. А мы вышли наконец на открытую всем ветрам, поросшую сухой прошлогодней осокой кочкарниковую равнину. Но и здесь было полно воды, а идти оказалось ничуть не легче. Кочки, как шпалы на рельсах, сбивали ритм, заставляли скользить и оступаться, вязнуть в мочажинах, и всему этому не было конца. Ровная тундра

казалась бесконечной, как море. И такой же неодолимой.

Я устал клясть себя, что подстраховки ради взял в дорогу все фотоаппараты и объективы. Рюкзак тянул килограммов на восемнадцать, а на плече я должен был тащить еще связку осиновых колец. Довольно увесистых. Уже не раз я перекладывал их с плеча на плечо. Колья были «ногами» фоторобота, умную «голову» которого нес в своем рюкзаке орнитолог. Робот был не из новых, в ИБПС его относили к приборам первого поколения, весил он, должно быть, немало, но поспевать за Кондратьевым порой казалось просто выше моих сил.

В очках, с бородкой, высоколобий, с виду самый настоящий кабинетный ученый, по тундре он не ходил, а бегал, будто родился здесь. И это было для меня удивительно, ибо я знал, что Кондратьев — коренной ленинградец. Лишь второй год, прилетев в Магадан сразу после окончания университета, работал он в ИБПС, занимаясь исследованиями в орнитологическом отряде Александра Андреева.

Наконец зленый рюкзак на его спине, за которым я постоянно слежу, пытаясь не отстать, застывает на месте. Внял орнитолог моим мольбам. Не оборачиваясь, он подносит к глазам бинокль, изучая пустынные дали. А когда я устало подхожу, он недовольно, через плечо оглядывая мои непрофессиональные доспехи, нравоучительно изрекает:

— Ну кто в синтетике по тундре ходит! — всем своим видом демонстрируя, в какой одежде тут надо ходить. Все верно. В хорошем свитере и штормовке идти по холодку легко и не вспотеешь. Но у меня всегда на первом плане фотоаппаратура, а об одежке я забочусь потом. Главная, чтобы была легкой! И синтетика меня устраивает. Но для такой ходьбы, конечно, она не подходит — я взмок, как в сауне. Хотя кое-какие наряды в пути пришлось снять.

— Погодка мне не нравится, — ворчит между тем Кондратьев. — Чувствуете, как потянуло с моря холодом? И облака снизились. Того и гляди накроет туманом, а тогда не то что гнезд — обратно дороги не найдем.

Оглядев небосвод, я мысленно соглашаюсь, что молодой орнитолог прав. Может накрыть туманом. И понимаю, что о долгом отдыхе не может быть и речи. Меня беспокоит не то, что мы будем блуждать, а что не увидим гнезд. В дорогу я отправился за розовой

чайкой. Ради того, чтобы сделать ее портрет, и тащу в рюкзаке фотоаппаратуру. И было бы обидно, конечно, вернуться ни с чем.

— Да тут уж недолго осталось, — подбадривает меня Саша. — Во-о-н до тех бугров дойдем, — указывает он вдаль, — а там и птиц надо искать. Там совсем недалеко.

Но подбадривать меня не требуется. И минутной остановки для отдыха хватило. «Пошли, — говорю я решительно. — Дойдем до гнезд, потом отдохнем».

И опять проваливаясь по колено в болотную жижу, спотыкаясь в кочкарнике, бредем мы по пустынной равнине. Ни зверя, ни птицы не встречается нам. Лишь ветер посвистывает, да серые низкие облака ползут навстречу.

...Отправиться в низовья Колымы я смог не на следующее лето, как было обговорено с Андреевым, а два года спустя. Жизнь постоянно вносила в планы коррективы, преподнося для решения более важные, насущные проблемы. Но мысль увидеть розовую чайку не оставляла меня. Пока однажды, впрочем, как это и должно было случиться, не заявила о себе так, что откладывать дело показалось просто невозможным.

Я позвонил в Магадан. В институте сказали, что Андреев в поле, все там же, в Халерчинской тундре. Лететь следовало в Черский, оттуда добираться в Походск, а там уж подскажут, как найти. Водятся ли в тех местах розовые чайки, сказать не могли, но я решил все-таки ехать. Авось повезет. В душе теплилась знакомая надежда.

Добираясь в Черский, я получил возможность оглядеть почти всю Колымскую низменность. Июнь перешагнул середину, снег в тундре стоял, лишь кое-где на озерах белел ноздреватый лед. Рыжевато-бурая земля напоминала медвежью шерсть. Ни одного зеленого листочка еще не появилось, повсюду желтела высохшая прошлогодняя осока. Обилие озер поражало, и их становилось все больше по мере продвижения на восток. Обратив внимание на солнечный зайчик, бегущий вслед за самолетом, неожиданно для себя я заметил, что, пересекая водную гладь озер, он не пропадает и на земле. Так же сверкая, бежит в черном кустарнике, в желтизне осоки. На всем тысячекилометровом протяжении вода залила тундру. Как же тут жить, не без удивления подумал я. Не то что без резиновых сапог, без лодки показалось невозможным пройти. Хорошее же местечко выбрали себе розовые чайки для гнезд! По воде разве к ним подберешься?

Но особенно поразило меня обилие озер в Халерчинской тундре. Их было тут видимо-невидимо. Разных: больших и малых, синих, белых, голубых. Они соединялись бесчисленными протоками, как бы образуя единый озерный организм. Немало я полетал над северной тундрой, но такого скопища озер не встречал более нигде. Отыскать здесь лагерь Андреева мне показалось делом не менее сложным, чем найти иголку в стоге сена. Однако мне повезло.

На палубе речного теплохода, открывавшего навигацию и отправлявшегося из Черского в Походск, я познакомился с Дьячковым, егерем недавно организованного в низовьях Колымы заказника. Смуглолицый, коренастый, черноволосый и широкоскулый, он оказался прямым потомком русских казаков-землепроходцев, что основали на Колыме первое поселение — Походск. С Андреевым и всем его небольшим отрядом он был хорошо знаком. Знал, где находится их стоянка, и в тот же день взялся подбросить меня прямо по назначению.

Пересев в Походске на моторку, мы углубились в путаницу протоков — виск, как их тут называют. Андреев стоял лагерем где-то «за два озера», как выяснилось, километров за пятьдесят. Берега проток густо поросли кустарником. Над ним постоянно летали чайки, белые луни, мохноногие канюки. С воды поднимались при нашем появлении тяжелые гагары, пронеслись стремительно утки-шилохвосты. Иногда на берегу мы успевали заметить убегающих зайцев. Залитая водой пойма Колымы жила своей своеобразной жизнью. В это время далеко в глубь тундры проникали из реки тяжелые серебристые чирьи — жирные рыбины (из семейства лососевых, род сига). Местные жители, надрезая спинки, вялят их затем в дыму, готовят из этой рыбы удивительно вкусное блюдо — чировую юколу. Несоленая, она тает во рту, быстро насыщая, помогая восстанавливать силы.

Виски петляли, соединялись с руслами небольших рек, разобраться в них, не заблудиться мог только человек, немало поживший здесь. Я фотографировал канюков, куликов, подремывающих на берегу уток, а Дьячков, не снижая скорости, вел лодку вперед. Дважды пересекли широченные озера, которые оказались столь мелкими, что даже многолетний опыт не позволил егерю их одолеть, не прибегнув к помощи шеста. Наконец мы вышли из последнего озера и вошли в протоку, по берегам которой высоченный, в два человеческих роста, кустарник образовал что-то наподобие

свода, и, когда выбрались из него на простор тундры, сразу же увидели вдаль лагерь орнитологов. Две палатки, балок сгрудились у темной, покосившейся брошенной рыбацкой избы. Издали своей пестротой и хаотичностью он напоминал цыганский табор. Не было только рядом человеческой суеты. Когда, взвывая мотором, лодка ткнулась в берег и наступила тишина, дверь избы растворилась, и из нее вышел человек. Небольшого роста, в полушубке и шапке. Валентин Николаевич, решил я, припомнив рассказ Андреева. Мастер на все руки, который может и прибор исправить, и обед сварить, и рыбку засолить. Да, это был он. Выздоровел и опять вернулся в тундру, к своим ученым.

— За розовой чайкой приехал? — заговорщицки спросил он меня. И получив утвердительный ответ, вздохнул: — И тебе эта птица покоя не дает.

— Да есть ли они тут? — забеспокоился я. — Удастся ли увидеть?

— Есть, — отвечал он. — Там, где Андреев встанет, там и эти чайки живут. Уж такой он человек удивительный.

— Ну что, не видно? — спрашиваю я у Кондратьева, когда мы добираемся наконец до булгунняхов. Я едва до них дошел. Вот уж не мог представить, что к розовой чайке буду идти, как паломник к святым мощам, выкладываясь из последних сил. Не плещись под ногами талая вода, я бы, наверное, уже и полз на четвереньках. Совсем устал.

— Скоро. Сейчас увидим, — говорит Саша, не выпуская из рук бинокля. С невысоких булгунняхов открывается вид на поросшую прошлогодней осокой долину с уймой темных, мрачных под свинцовым небом озер. Птиц нигде не видно.

— Должны они тут быть, — цедит сквозь зубы Кондратьев и направляется к берегу озера. «Может, не стоит?» — хочу удержать его я, но орнитолог уже в воде. Глубина чуть выше колен, а он продолжает продвигаться к середине озера. И я, едва отдышавшись, ступаю следом за ним в темную воду озера. Сапоги проваливаются сквозь мягкий ил, пронзают его и неожиданно упираются во что-то твердое и гладкое. Как полированный паркет. Да это же лед! Вечная мерзлота! Идти, пожалуй, даже легче, чем по кочкарнику. Только бы не поскользнуться, не упасть. Вымокнув, тут уж у костра не согреешься, да и аппараты сразу же придут в негодность, не до съемки будет. И

еще пугает—не попасть бы в ямы-промоины, через которые утекают нередко такие озера на другие места. Местные жители в Походске предупреждали о них. «Нырнешь—не выплывешь»,—сказал егерь. Да, выплыть с таким рюкзаком нелегко, будь хоть мастером спорта.

«За счастьем идешь?»—припоминается мне хрипловатый голосок Валентина Николаевича, несмотря на поздний час не поленившегося вылезти из спального мешка, чтобы нас проводить.

«Так точно, Николаич, за счастьем»,—отвечал я, занятый сборами в дорогу, не постаравшись вникнуть в смысл сказанных им слов.

У орнитологов в это время начиналась напряженная пора: должны были появиться птенцы в гнездах куропаток и куликов. И Андреев, мало изменившись с тех пор, как мы виделись, не без смущения признался, что отвести меня к розовым чайкам сам не сможет. Интересы науки требуют его непременно присутствия при рождении птенцов, так как за ними будет вестись затем длительное наблюдение. А к гнездам чаек меня отведет его новый сотрудник Кондратьев, молодой, перспективный ученый. Ему необходимо установить фоторобот у гнезда гусей, которое они недавно отыскали в той части тундры, а заодно он наведается и к гнездовьям розовых чаек.

На осмотр гнезд куликов и куропаток, за которыми вели неусыпное наблюдение электронные приборы, ушло почти полдня. Затем орнитологи принялись настраивать робот, который должен был на протяжении нескольких дней фиксировать на пленку поведение гусей у гнезда. В дорогу с Кондратьевым мы собрались лишь к ночи, благо, что солнце в этих широтах уже не заходило, и я удивился, увидев Валентина Николаевича на берегу. Завтра надо было рано вставать, готовить завтрак да отправляться сооружать забор вокруг одного из гнезд куропаток. Спать бы сейчас, а он...

— Значит, счастливым хочешь стать?—прокашлявшись и почему-то пряча взгляд, опять вопрошает он.

— Да о каком счастье твердишь, Николаич?—забрасывая рюкзак в моторку, пожал я плечами.

— Думаешь, не знаю!—усмехается он.—Над чьей головой розовая чайка пролетит, тот и будет счастливым. И мне ведомо это старинное якутское предание.

— Верно,—подтверждаю я, не в силах еще понять, куда этот проевший, как говорится, зубы в северных

экспедициях дед клонит.—Такие же предания известны не только у якутов, но и у чукчей.

— Так чепуха все это, сказки!—взрывается Николаич.—Знаешь, сколько раз летала эта чайка над моей головой? Не сосчитать! А не так давно, Андреев не даст соврать, над моей головой летала стая в шестьсот штук! Представляешь?! В Чаунской губе это было, и в институте снимок имеется. Один орнитолог успел снять, по нему потом и птиц сосчитали. И что бы ты думал? Никакого толку! Как был Валентин Николаевич при своих двоих, так и остался.

Едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, я всерьез начинаю уверять Николаича, что он и есть самый счастливый человек на свете. Чтобы над головой, да стая розовых чаек в шестьсот штук—да я бы просто обалдел от счастья! Тот подозрительно смотрит на меня, и его лицо начинает проясняться.

— Николаич,—неожиданно говорит появившийся на берегу Кондратьев,—а ты шапку-то в этот момент снимал?

— Когда?—настораживается тот.

— Ну когда чайки-то над тобой летали. Может, счастье-то они на обнаженную головушку сыплют.

— Тьфу,—улыбается Николаич,—а ведь верно, шапку-то я и не снимал. Никогда. Но... ведь можно попробовать. Может, возьмете меня с собой?

— Нет,—хохочет Кондратьев.—Только не сегодня. В следующий раз...

Счастье, конечно, понятие растяжимое, но розовую чайку я искал не для того, чтобы занять шанс стать в дальнейшем каким-то нуворишем. Я столько лет жизни отдал Арктике и льдам, что не мог не увидеть эту птицу. История ее открытия тесно связана с историей освоения безбрежных ледяных просторов. Розовую чайку встречал во льдах Арктики великий Нансен. Любовался ею Толль, мечтавший открыть и подарить людям загадочную Землю Санникова. Как самое дорогое, что может быть в жизни, нес за пазухой шкурки розовых чаек, которых еще не знали музеи Нового Света, натуралист с раздавленной льдами американской шхуны «Жаннета» профессор Ньюкомб. Несколько чучел этих птиц имелось в музеях Европы.

Просвещенный мир впервые узнал об этой удивительной птице благодаря невероятной удаче англичанина Росса, ставшего впоследствии первооткрывателем магнитных полюсов Земли. Встреча с чайкой необычной окраски, так поразившей его, произошла неподале-

ку от острова Мелвилл, где стояли на зимовке суда «Фьюри» и «Гекла» экспедиции Парри, пытавшегося отыскать Северо-Западный проход во льдах Северного Ледовитого океана.

Увидел ее Росс в июне 1823 года, но прошло более восьмидесяти лет, прежде чем люди узнали, что это самая обычная птица. Она откладывает яйца, выводит птенцов, а перед тем, как подружиться с ней, самец демонстрирует самке свою преданность: касается ее шеи раскрытым клювом, кланяется, расхаживает перед ней и время от времени испускает трели.

Птицы встречались путешественникам чаще всего во льдах Центральной Арктики, поэтому и гнезда их искали в Гренландии, на островах архипелага Земля Франца-Иосифа. Стали подумывать, а не гнездится ли она на Земле Санникова, так до сих пор и не найденной?

В 1905 году русский зоолог и исследователь Севера Сергей Александрович Бутурлин обнаружил гнезда, яйца и выводки розовых чаек в низовьях Индигирки, Алазеи и Колымы. Ученый мир вздохнул с облегчением, пелена загадочности с розовой чайки, казалось, спала.

С тех пор прошло более восьмидесяти лет, но к тому, что довелось узнать Бутурлину о жизни розовой чайки, мало что прибавилось. Хорошо известно — к местам своих гнездовых чайки прилетают в мае. Но если весна затягивается и в тундре продолжает лежать снег, они иногда залетают к человеческому жилью. Растает снег — птицы разлетаются по тундре, где в заболоченных низинах устраивают на кочках гнезда, откладывая в них по два-три яйца. Потом растут птенцов, а едва те встанут на крыло, улетают и уводят за собой молодых. Куда? На Север! Не на юг, в жаркие страны, как это делают почти все гнездящиеся на Севере птицы, а в полярные моря, во льды Северного Ледовитого океана.

Покинув в конце июля места гнездовых, в начале осени розовые чайки нередко встречаются у Новосибирских островов. В их стаях немало уже и молодых птиц. А в октябре они слетаются к северной оконечности Аляски, где тысячами собираются у мыса Барроу, а оттуда летят в одном направлении — на восток. Но, как пишет Савва Михайлович Успенский в своих очерках об этих птицах, далее их следы теряются. Более того, до самой весны птиц не видят. И это удивительно! В наш век, когда созданные руками людей автоматы

изучают возможность жизни на соседних планетах, а человек научился жить в космосе и под водой, у себя на родине, на своей маленькой планете, он до сих пор не может узнать, где проводят зиму многочисленные стаи розовых чаек.

Успенский считает, что зимуют они в Арктике. Неизвестны лишь районы их обитания там. И для ученых остается загадкой, как спасаются они от пурги и морозов, разыскивают в темноте корм?

Долгое время мне казалось, что стаи птиц летят к никогда не замерзающим полыньюм «Кольца жизни», имеющегося якобы в высоких широтах. Но с некоторых пор я стал отвергать это предположение. И основанием тому были личные наблюдения во время зимовки на высокоширотном острове Виктория, откуда на зиму улетают ближайшие родственники розовых чаек — чайки белые полярные. Они живут там до октября, но в полярную ночь здесь я не встречал ни одной птицы. Доводилось мне бывать, и неоднократно, во льдах высоких широт весной. И тогда не встречал я розовых чаек. Более того, теперь в Арктике проводят полярную ночь тысячи людей, но за эти годы оттуда не пришло ни одного сообщения о встрече с розовой чайкой в эту пору.

Темнота чайкам не помеха. На Каспии мне пришлось однажды наблюдать за огромной стаей птиц, всю ночь кормившейся у судов рыбаков, ловивших кильку на свет. Чайки тут приноровились жить и «работать» по ночам, днем же они отсыпались на воде. Среди них было немало птиц, которые проводят в Арктике лето.

Не так давно мне довелось побывать на буровом судне в Баренцевом море. Был разгар полярной ночи, декабрь близился к концу, лишь ненадолго прорезались робкие синие сумерки в утренние часы. Судно стояло вдаль от берегов, штормило, а вокруг него постоянно держалась огромная стая чаек. Птицы сидели на воде в зевотрии, взлетали, фланировали вдоль бортов, постоянно что-то склевывали с воды, несмотря на мороз, вели обычную жизнь. Тут были и моевки, и глупыши, и бургомистры.

Вот когда я пожалел, что не знаю, как говорится, розовой чайки в лицо. Кто знает, возможно, и эти птицы там были. И с тех пор я окончательно уверовал, что розовые чайки зимуют не в высоких широтах у полюса, а скорее всего в тех районах Арктики, где море не замерзает, постоянно есть открытая вода. И как бы в подтверждение этого в одном из своих очерков

Успенский привел такой факт: в зиму 1979/80 года множество людей любовалось этими редкими птицами на японском острове Хоккайдо — за тысячи километров от Арктики. Следовательно, и розовые чайки могут перемещаться на значительные расстояния. Мне кажется, что птицы эти нередко бывают в стаях вместе с другими чайками и до сих пор их не могут обнаружить, потому что просто не могут отличить...

Но это еще не единственная загадка, которую предложила людям эта птица. Долгое время считалось, что розовые чайки гнездятся только в пределах Колымской низменности, примерно на той территории, где их видел Бутурлин. Но в 1959 году Олег Куваев, тогда еще геолог, обнаружил в устье крупной чукотской реки Чаун, возможно, в том месте, где в дальнейшем встретили стаю в шестьсот штук, небольшую колонию розовых чаек. Впоследствии писатель рассказал об этом в своей повести «Тройной полярный сюжет». По утверждениям старожилов, чайки стали появляться здесь сравнительно недавно, и Куваев сделал робкое предположение, что район их обитания расширяется. А в 1973 году норильские охотоведы встретили розовых чаек на речке Большая Балахня, что на восточном побережье Таймырского полуострова. Около пятидесяти пар гнездились здесь на тундровых озерах. Позже гнездовья розовых чаек обнаружили и в низовьях реки Лены. Причем очень большие. А Успенский приводил данные о находке более сорока гнезд в Гренландии. Есть сведения, что из года в год несколько розовых чаек прилетают летом на полуостров Говена в северной части Камчатки. Возможно, и здесь со временем появится колония этих птиц.

Пересекая перешейки, поросшие осокой, мы продолжаем обследовать тундровые озера. Чем дальше углубляемся в озерную равнину, тем больше тут жизни. У моих ног появляется стайка ярких куликов-плавунчиков. Совсем неподалеку проплывает утка-морянка. Я не выдерживаю, достаю из рюкзака сумку с фотоаппаратами и начинаю снимать. Увлечшись, с запозданием замечаю, что Саша машет рукой, показывая на облака.

Присматриваюсь — чайки. Одна... вторая... четвертая... шестая. Белые, с сизоватыми крыльями — на вид самые обычные. Птицы спокойно кружат вдали. «Они», — доносится приглушенный голос орнитолога. Он указывает мне на небольшой островок у противопо-

ложного берега озера. Иду за ним неохотно. Утки и кулики совсем рядом. Можно сделать отличный кадр, в то время как птицы в небе вызывают у меня сомнение. Знаю, розовый цвет у этой чайки не превалирующий, скажем, как у фламинго или розового скворца, но розоватость-то должна быть. Ее отмечают все исследователи, я же пока ничего не вижу.

Интересно, что ни первооткрыватель Росс, ни встречавшие ее затем другие путешественники не называли эту чайку розовой. «Чайка Росса» — так поначалу именовалась эта птица. Розовой назвал ее английский натуралист, успевший на несколько месяцев раньше описать эту птицу по имевшейся в музее шкурке.

По мере того как мы приближаемся к островку, подлетают поближе к нему и чайки. Значит, верно. Где-то здесь у них гнездо. И вот одна из птиц, расправив крылья, скользит невысоко над моей головой. Только теперь я отчетливо различаю темную узкую полоску на шее — ожерелье. «Розовая чайка!» — не могу я сдержать радостного восклицания. Саша улыбается и кивает. Чайка делает разворот и ненадолго расправляет перья хвоста. Хвост — ромбический! Еще один верный признак этой птицы. А уж потом, внимательно присмотревшись, я замечаю на нижней части туловища птицы слабую розоватость. Будто отражение утренней зари на белых перьях.

Оттенок этот не в состоянии передать даже самая лучшая в мире фотографическая пленка. Только глаз, утомленный белизной снегов, видимо, способен различать и воспринимать этот цвет. На самом же деле это даже не полутона. Немудрено, что помещенные в музейные коробки, даже оберегаемые от света, розовые чайки вскоре становятся белыми. И право, удивительно, что с некоторых пор в литературе за этой чайкой утвердилось прилипчивое и совершенно не соответствующее истине название — «жар-птица Севера». Ну какая она «жар-птица»? Ее розовый цвет столь нежен, что замечен только на живой птице...

А чайки все ближе. Мы подходим к поросшему желтой осокой островку, откуда сноровисто выплывает утка-морянка. Раздвигаем траву — десяток зеленых яиц, уложенных в серый теплый пух. Гнездо морянки. Саша достает штангенциркуль, замерзшими, покрасневшими руками начинает обмерять яйца, записывает что-то в блокнот. Чайки летают теперь совсем рядом, но где их гнездо? «Да вот же», — говорит Саша, досадуя на мою невнимательность. И верно, всего лишь в метре

от гнезда морянки, на стоящей особнячком среди темной воды кочке, лежит на темной, утрамбованной птичьими лапками сыроватой земле зеленовато-бурое яйцо. Никакого пуха вокруг, все «по-спартански», как и должно быть у истинного северянина.

В два счета обмерив это яйцо, орнитолог глядит на птиц, на меня — пора уходить, ему тут больше делать нечего, а птицы продолжают спокойно кружить над нами. Сделать хороший снимок никак не удастся. Щелкаю затвором, но понимаю, что только напрасно трачу пленку.

И вдруг словно время, отпущенное для спокойного рандеву окончилось, две розовые чайки — хозяева гнезда — с истошными криками, как это делают обычно истеричные крачки, одна за другой начинают пикировать на нас, готовые, кажется, вцепиться в волосы. «Прочь! Уходите!» — слышится недовольство в их отчаянных криках. Пронесшись над головой, они взлетают повыше, чтобы оттуда упасть. Машут и крыльями, и лапами, норовят клюнуть. И в этот момент откуда ни возьмись прорывается сквозь облака низкое полуденное солнце. Тундра и птицы — все в тот же миг сказочно преображается, становится ярким, цветным — можно снимать! И понимаю, что уходить надо, я все-таки молю Сашу постоять у гнезда еще пяток минут.

— Но не больше, — ворчит он, придерживая руками шапку. Птицы уже дважды пытались сорвать ее. Лишь размахивая руками, ему удается удерживать чаек на почтительном от себя расстоянии. Птицы пронесаются от меня совсем рядом, и на фоне низких синих облаков, зазолотившейся осоки невыразимо хороши. Отчетливо теперь становятся заметны и розоватость на груди, яркость красных лапок, коричневатость ожерелья, сизоватость спины и крыльев, красный ободок у глаз. Я делаю кадр за кадром, теперь уже не жалею пленки, и про себя отмечаю: «Все-таки она не жар-птица. Правильнее ее было бы назвать птицей с ответом зари...»

— Уходим, — решительно заявляет орнитолог. — Больше нельзя, застудят яйцо.

Я отхожу на несколько шагов, начинаю складывать в рюкзак аппараты. Радость-то какая! Я не только видел розовую чайку, но и при нужном освещении сфотографировал ее на цветную пленку. Есть надежда, что получится хороший кадр. Но как же коротко было это свидание! Сделав еще несколько шагов за Кондратьевым, оборачиваюсь.

Розовая чайка, расправив сизоватые крылья, похожие на крылья чайки-моевки, пригнув головку, плавно опускается на кочку. Осторожно переступая, усаживается на яйцо. Шевелит плечиками, устраиваясь поудобнее, и замирает. На меня уже и не смотрит. Вся погружена в таинство насиживания. Если бы не темное ожерелье на шее — обычная чайка. Увидев ее на гнезде, никто никогда не назвал бы ее розовой.

Мысленно попрощавшись с птицей, я тороплюсь догнать уже далеко ушедшего орнитолога. По пути вижу, как вторая розовая чайка опускается в озерко неподалеку и с увлечением принимается ополаскиваться, вздымая веер брызг. Все так же, как и у моевок. Но, еще раз обернувшись, я подмечаю особенность, присущую розовым чайкам: «танцующий» полет.

Пара чаек, кружившая неподалеку, убедившись, что мы уходим, летит к своему гнезду. Теперь я вижу их на фоне туч как бы в профиль. И сразу бросается в глаза, что, взмахивая крыльями, птицы, как бабочки, то приподнимаются, то повисают. Теперь-то, думается, эту чайку я узнаю среди сотен других, различу во мраке полярной ночи, даже если на ее оперении не будет ни розоватости, ни черного ожерелья. Есть предположение, что в зимнем оперении кольцо на шее чайки пропадает...

Потом мы опять бредем по болотистой тундре. Солнце давно скрылось, пейзаж потускнел, сильнее завывает ветер. Перед нами появляются короткохвостые поморники, чайки-разбойники. Поднимают черные крылья, они прикидываются беспомощными подранками в желтой осоке. Норовят подальше увести от гнезда, но нам не до них. Перебравшись через довольно глубокую протоку с торфянистой черной водой, мы наконец отыскиваем гнездо гусей-гумеников. Самка, пригнув шею, затаилась среди невысоких кустарников и не собирается взлетать, хотя всего в десяти метрах от нее орнитолог начинает устанавливать на треноге работа.

Возится он долго. Проверяет механизм, батарейки. Саша рассказывает, не обращая внимания на гусыню, что однажды «на глазах» у этого фоторобота пришедший песец сожрал в гнезде яйца, что робот и зафиксировал на пленку. Было и такое, когда с роботом решил познакомиться бурый медведь. Но все это было давно, робот был восстановлен почти заново, и теперь ему надлежит проследить за поведением гусыни. Если не помешает волк или песец, должны получиться интерес-

ные снимки. Но вот все готово. Робот начинает съемку, а мы направляемся к лагерю орнитологов.

Сыро. Холодно. Я успел основательно замерзнуть, но вскоре начинаю под тяжестью рюкзака согреваться. Идти нелегко. Туман окутывает тундру. Все в серой мгле. Пропали далекие сопки, которые помогали ориентировке. Споря о направлении, куда идти, мы забираемся в густой кустарник, который заставляет нас делать немислимые петли. Я совсем теряюсь, мне кажется, что Саша ведет меня не туда, куда нужно. К тому же идти становится еще труднее — приходится постоянно продирааться сквозь ивняк выше человеческого роста. Иногда, споткнувшись, я долго стою на четвереньках, отдыхая.

К озеру мы все-таки выбрались. Отыскали лодку. Я снял рюкзак и мешком перевалился через борт. Саша стал запускать двигатель, но он не заводился.

Саша стонал и говорил, что поторопился и «перезалил» свечи. А инструмент, которым можно вывернуть их и просушить, он оставил в другой моторке. Плыть на этой моторке в последний момент нам предложил Андреев, уверяя, что здесь мотор надежнее. Послушав его, мы перетасили в суматохе рюкзаки, а про инструмент забыли. И теперь дело принимало неприятный оборот.

Вложившись, как бегун на последней дистанции, я уже не мог ни грести, ни продираться через кустарник. Выход виделся в одном: остаться здесь и ждать. Ждать, когда Саша в одиночку одолеет дорогу и пришлет из лагеря за мной лодку. Но он не хотел и слышать об этом. С каким-то остервенением он наматывал шнур на диск маховика и дергал его, дергал... Мотор молчал, как мертвый.

Я отыскал в лодке медную трубку. Попытались из нее сделать гаечный ключ. Не получилось. Тогда, рискуя разбить свечи, Саша стал ударами камня загонять трубку поверх свечи. И удалось: мы вывернули поочередно обе свечи. Протерли их, продули цилиндры, но и на этот раз двигатель не отреагировал на рывок шнура. Не было искры. Саша обессиленно опустился на дно лодки.

Вспотев в дороге, теперь я быстро замерзал на холодном пронизывающем ветру в своей синтетической облегченной одежке. Ветер, казалось, уже добрался до костей. Не хотелось двигаться, все стало безразличным. И неожиданно подумалось, что я — счастливейший из людей! Я видел розовую чайку! Птица, которую

я снимал, вдруг явилась перед глазами. Сизоватая, с коралловыми лапками, красными ободками вокруг глаз, с отсветом зари на оперении... На фоне тундры — очень яркая.

Я открыл глаза и увидел перед собой черный щиток. А на нем — странный тумблер, который никак не должен был бы здесь стоять. «А это что такое?» — спросил я Александра. Тот ударил себя по лбу: «Совсем с этими птицами замотались!» Тумблер установил собственноручно Андреев, чтобы отключать магнето. Достаточно было его щелчка, и двигатель взревел с пол-оборота. Тут уж мы с Кондратьевым почувствовали себя и в самом деле счастливейшими из людей.

Параллельно с рывком нашей лодки от берега начала разбег перепуганная чернозобая гагара. Редкая птица. В узкой протоке мы поравнялись. Птица, поднявшись над водой на уровень борта, минут пять летела рядом с лодкой. Виден был ее испуганный глаз, каждое перышко на теле. Нужно было лишь взять фотоаппарат и нажать на спуск. И получился бы неповторимый, редкостной красоты снимок. Но я его так и не сделал. Не было сил...

Минут через двадцать мы уже были в лагере. Как же хорошо было войти с такой дороги в теплый балок, где жарко горела небольшая печурка! Теперь я отлично понял Андреева, раньше признавшегося мне, что в эти места он перебрался из-за балка, который зимой трактором доставил в эти места.

За чаем, отогревшись, я рассказываю о встрече с розовой чайкой, не скрывая удивления, что до сих пор ученые не могут узнать, где же эти птицы проводят полярную ночь.

— Не только розовая чайка представляет для ученых загадку, — говорит Андреев. — Эта птица десять месяцев в году проводит в океане, наблюдать там за ней нет возможности. А многое ли мы знаем о тех же куропатках, которые никуда не улетают, постоянно живя на материке?

Он предлагает мне пройтись по полигону. Вокруг лагеря, на низком кустарнике, то тут то там виднеются беленькие флажки. Они указывают место нахождения гнезд, за которыми установлено наблюдение. Гнезда орнитологам помогает отыскивать ласковая охотничья собака — черная, с длинными ушами.

Не вылинявшие еще бело-черные самцы куропаток, привлекая к себе внимание, с криком отлетают от гнезда.

— Мы наблюдали за ними,— рассказывает Андреев,— и установили, что в ритуальных поединках с соперниками они почему-то отстаивают для подруги территорию ровно в четыре га! А с чем это связано, пока сказать не можем. То ли на этой территории будут «пастись» птенцы, но откуда тогда птенцы будут знать об этом? Более того, не позволяя подобным себе гнездиться здесь, они не реагируют на поселение в этих же местах куликов. А согласитесь, стоило бы в этом разобраться, как и в том, отчего куропатки то катастрофически размножаются, то исчезают. Ведь, зная причину, можно было бы управлять процессом. Не допускать гибели птиц. А это повторяется через каждые шесть лет!

Мы подошли к гнезду куропатки на шаг. Пестрая птица сливалась с ветвями голубики, карликовых березок, ив. Разглядеть ее даже с такого расстояния было трудно.

— Когда она сидит на яйцах, к ней можно приблизиться на сорок сантиметров,— подсказал Андреев. Я попробовал и убедился, что с такого расстояния вполне можно было сделать ее снимок.

— Или вот еще,— подвел он меня к гнезду кулика. Птичка вспорхнула, и в гнезде я увидел четыре пестреньких яичка. А среди них проводок и крохотный микрофончик. От гнезда проводки тянулись к палатке, где стояли приборы.— Знаем ли точно мы, почему птицы прилетают выводить потомство на холодный Север? Ведь условия на первый взгляд не идеальные. Под тонким слоем дерновины— вечная мерзлота, лед. Нагреть, высидеть яйца птице не так просто. Мы хотим узнать, откуда у птицы берется на это столько энергии. И параллельно узнаем еще одну новость. Вот послушайте.

Александр Владимирович включает портативный магнитофон. «Тук-тук-тук»,— постукивает ритмично из динамика. «Это сердце кулика»,— говорит он. И вдруг стук начинает замедляться, становясь все реже. Того и гляди остановится. «По протоке мимо проезжает моторка»,— подсказывает орнитолог. А затем в динамике происходит что-то вообще невообразимое: сердце птицы начинает колотиться с такой частотой, что кажется, вот-вот разорвется. Не сразу оно успокаивается. «Лодка прошла, опасность миновала!»— поясняет ученый.

— Мы замеряем количество холода, исходящее от мерзлоты,— продолжает орнитолог.— Определяем количество тепла, необходимое для нагревания яиц. Подсчи-

тываем энергию, которую приходится затрачивать на это самке. И оказывается, что, если лодка пройдет мимо гнезда шесть—восемь раз, энергии у птички уже не хватит для того, чтобы высидеть яйца. Вот отгадка того, почему иной раз в заказниках, где не охотятся, тем не менее не выводятся птенцы у куликов. Да, видимо, и не только у куликов. А вы говорите— розовая чайка! Подождите, придет время, доберемся и до нее.

В тот же день я распрощался с орнитологами. Кондратьев взялся подбросить меня на моторке в Походск. Николаич, провожая, поинтересовался, не снял ли я шапку, когда розовая чайка кружила над головой.

— Не до того было,— признался я, не в силах сдержать улыбку.— Птицы так развоевались, что шапку пришлось на уши натягивать да придерживать руками.

— Тоже мне мужики,— качнул он недовольно головой, поплотнее запахивая шубу.— Подумаешь, если бы разок и клонули. Зато ясно бы стало. Может, верно все-таки старинное предание?

В предания я не верил всерьез никогда. Да и теперь не верю, однако через два дня я вспомнил эти его слова. После встречи с розовой чайкой мне неожиданно здорово повезло...

ЗА СТАЕЙ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ

Я уже упоминал раньше, что с егерем государственного заказника Чайгуургино— «усталые путники»— Феликсом Пантелеймоновичем Дьячковым знакомство мое состоялось на речном теплоходе, открывавшем на Колыме навигацию. День выдался на редкость жарким. Теплоход был заполнен пассажирами, как речной трамвай в выходной день на Москве-реке. По случаю каникул возвращались в Походск школьники, заполнили палубу бабуся с сумками, направившиеся проводить родственников. Молодые парни и девчата пели под гитару, шутили, смеялись, гремел магнитофон и время от времени всерьез обеспокоенный капитан предупреждал по радио, чтобы большими группами у бортов не собирались.

На реке всего лишь несколько дней как прошел ледоход. Вода была зеленоватой, мутной. Еще не изучив фарватера, капитан старался держаться середи-

ны, осторожно ведя судно по реке. И когда однажды нос теплохода заюлил, будто не зная, куда держать, со своего места решительно встал сидевший впереди меня крепкого сложения широкоскулый дядечка. Обернувшись, он строго посмотрел в сторону капитанского мостика.

— Что смотрите, гражданин?— сразу же раздался усиленный динамиком голос капитана, так что его слышали не только пассажиры, но и звери на берегу.— Мели тут, мели.

— Какие тут «мели»!— возмутился пассажир.— Ямы тут осетровые, двадцать метров глубины. Эх, голова!..

— А вы откуда знаете, что здесь глубина?— поинтересовался я.

— Да как же!— отвечал тот.— Житель я здешний. В Походске родился, все речки и озера изучил. Егерем работаю.

Я не хотел упускать случая разузнать что-либо о местонахождении Андреева— с этого, собственно говоря, и завязалось наше знакомство.

Дьячков рассказал, что вместе со своим напарником, тоже егерем, добираются они в Походск, чтобы пересечь там на моторные лодки и отправиться в обход заказника на Едому.

— Время начинается беспокойное,— поделился он своими заботами.— Экспедиции в тундру отправляются, охотники тоже туда тянутся. А вертолета в аэропорту не дождешься. То отвечают: занят, то погоды на трассе нет. Вот и решили мы добираться своим ходом. Надо нам непременно в эту пору на Едоме быть. Лебеди сейчас там собираются, не поверите, наверно, до полутысячи будет.

— Удивительное это место— Едома,— с нескрываемым восхищением рассказывал он.— Вот говорят, что стерхов, белых журавлей, будто совсем мало осталось. А я наблюдал там стаю. Летят вереницей друг за дружкой. Специально пересчитал— тридцать одна птица! Может, и гнездятся где-то в тех местах.

Увидеть стаю диких лебедей в пятьсот голов— какому фотографу-анималисту не покажется заманчивым! Тем более что эта стая лебедей обитает в тундре горячо любимого мною Севера. Я сразу же поинтересовался, а не может ли Дьячков захватить меня на Едому с собой. Егерь долго не колебался. «А почему бы нет»,— отвечал он. И тогда я спросил, а не доводилось ли ему встречать в тех местах белого кречета? Спросил

так, на всякий случай, ибо уже многие годы тщетно пытался его отыскать.

Не много осталось на земле этих красивых и бесстрашных хищников. С незапамятных времен отлавливали их для «красных птичьих потех»— празднично и торжественно проводимых на Руси охот с ловчими птицами. Любовались стремительностью полета и бесстрашием, с каким нападает сокол на любую птицу, будь то коршун, цапля или орлан. В смелости и бесстрашии кречету не было равных. И обычно, украшенный золотом да драгоценными камнями, восседал он на руке самого царя. И в те далекие времена белый кречет считался птицей редкой. Направляя на Север бригады помытчиков— ловцов хищных птиц— белых кречетов наказывали приносить «сколько бог даст». Если одного доставят ко двору, то и это будет большой удачей.

Первый заповедник в России был организован при царе Алексее Михайловиче на Семи островах у Кольского полуострова исключительно ради того, чтобы охранялись там гнездовья кречетов. А с XVIII века, когда повсеместно появились охотничьи ружья, к охоте с ловчими птицами потеряли интерес. Мало того, хищных птиц повсюду начали истреблять как конкурентов охотника. В Норвегии в начале нашего века истребляли до тысячи соколов ежегодно— среди них, конечно, и кречетов. За тридцать лет было выдано тридцать тысяч премий! В Гренландии, где в основном гнездятся белые кречеты, перьями этих птиц набивали перины!

Истребляя соколов, надеялись, что станет больше дичи. Куропатки вначале и в самом деле размножились, а затем начали гибнуть от массовых эпидемий, птиц стало меньше, чем до уничтожения хищников. Ныне кречет занесен в Красную книгу как вид, которому грозит исчезновение. И если гнезда обычных кречетов мне довелось наблюдать— отыскал я их на полуострове Ямал, то белых птиц удалось лишь однажды увидеть издали. Было это в горах Путорана, но побывавшие затем в тех местах орнитологи, к сожалению, кречетов там не обнаружили.

О белых кречетах я расспрашивал и Андреева, когда повстречался с ним в Москве. Дело в том, что ранее, взявшись за изучение истории развития соколиной охоты на Руси и просматривая редкостные фолианты «Великокняжеской и царской охоты» Катошихина, хранящиеся в Государственной публичной исторической

библиотеке, я обратил внимание на приводимое там сообщение:

«Кречеты были в особом уважении у якутов, которые называли их Урун Кири, то есть «белый сокол». По причине быстрого полета они уподобляли этих птиц молнии и считали их вестниками небесной воли. Ежели случалось, что кречет попадет в сети, поставленные для других птиц, они, опасаясь прикоснуться к нему голыми руками, освобождают его из сетей палочками или другим способом».

Ничего подобного читать ранее не приходилось, но если это и в самом деле было так, то давнее уважение к этой птице могло, на мой взгляд, в наше время способствовать лучшему сохранению гнезд кречета в Якутии, чем где бы то ни было.

— Белых не видел, — признался Андреев, — обычные досаждают. Подсаживаются к вольерам с куропатками и такого страху на них нагоняют, что приборы, с помощью которых мы ведем наблюдения за птицами, начинают писать всякую неразбериху. А одну куропатку кречеты все же сожрали. Через сетку.

Тут я позволил себе не поверить Андрееву. Уж очень это не походило на поведение этих благороднейших из благородных соколов. Они и в воздухе-то берут птицу по-рыцарски, предупреждая, делая «ставки». А тут вдруг — «растерзать через сетку». На это способны скорее ястребы-тетеревятники, прирожденные «специалисты» лазать по курятникам да голубятням. В старину их нередко так и ловили: сажали птицу для приманки в клетку. Ястребы сами туда и заходили.

Андреев посмеялся над моим неверием, пообещав доказать, что именно кречеты разбойничают в тех местах. И вскоре мне пришлось с ним согласиться...

— Это которые вот так, — отставив руки, согнутые в локтях, — как реактивные летают? — расплылся егерь в улыбке в ответ на мой вопрос. — Как же, знаю я этих птиц, этой весной они у Камня летали. Там, должно быть, и гнездятся. А вообще-то они всегда «кладутся» у нас на Едоме.

Удача сама, как говорится, шла в руки. Сочиняя я рассказ о поисках белых кречетов, придумать такое не догадался бы. Выяснилось, что белых кречетов на Едоме егерь обнаружил в шестьдесят четвертом году. А три года спустя гнездо их отыскал. И с тех пор месту этому птицы не изменяют. Гнездятся в нише скалы. Об этом егерь впоследствии рассказал Андре-

еву. И позже, когда я повстречался с ним в балке за Походским озером, орнитолог в удивлении протер глаза: «А я вам только вчера телеграмму послал. Белые кречеты загнездились на Едоме!» Тут-то и выяснилось, что более всего я обязан егерю Дьячкову за находку гнезда белого кречета.

Прежде чем отправиться на Едому, егери долго собирались. Все поглядывали на небо, на пелену облаков, приплывших с севера, однако после полудня все-таки решили отправляться. Предстояло долго идти по просторам Колымы, а в шторм это опасно — все равно что в море. Волна поднимется, моторку, как щепку, опрокинет. Немало опытных охотников простились с жизнью в этих местах.

Опасный участок миновали легко. Когда поплыли по рукавам, настороженность в лице егеря исчезла, он стал рассказывать, что белые кречеты давно к нему привыкли, знают. Однажды он утку неподалеку от гнезда подстрелил. Но не успел добить подранка, как кречет подхватил его и утащил в гнездо. Я терялся в догадках, правду ли он говорит или разыгрывает меня.

То и дело попадались канюки, луни, а однажды я заметил ястреба-перепелятника. На высоком берегу увидели пару белых полярных сов. Самца и самку. Егерь направил к ним моторку, и сова, подпустив нас на десяток метров, позволила себя снять и лишь затем взлетела.

Выскочил на берег серый песок и, отставив хвост трубой, помчался вдоль берега, затеяв с нами гонки. Потом начали попадаться пестрые куропатки. Гремя на берегу на солнышке, они поднимались при нашем появлении и нехотя скрывались в кустарнике, если я уж слишком долго держал их под прицелом объектива. Птицы были непуганые. И совсем неожиданно перед носом моторки взлетела в небо стайка канадских журавлей — птиц весьма редких. А затем показалась на горизонте синеватая возвышенность — Едома.

Она протянулась километров на восемь. Видимо, когда-то это был остров, обрывистый с одной стороны, покатым с другой, берега его омывала морская волна, о чем свидетельствуют горы гниющего плавника. Вокруг синело множество озер, соединявшихся протоками, с них еще не всюду сошел лед. На озерах по весне и отдыхают малые (тундровые) лебеди. Мы увидели стаю штук в сорок, но егерь пренебрежительно махнул рукой — то ли еще будет! По протоке, протянувшейся вдоль обрывистого берега Едомы, мы направились к

небольшой избушке, темневшей на косе. Как хозяин, егерь рассказывал, у какого мыса канюк гнездится, у какого — сапсан. Гнездо кречета я заметил сам. Опознал по белым натекам на скале и упрямил, не останавливаясь, проплыть мимо. Как будто мы и не видели его...

Был серый пасмурный день. Я осторожно спускался вниз по распадку, готовясь к встрече с птицей, о бесстрашии которой при защите гнезда мне приходилось читать и слышать. Но вдруг белая птица вывалилась из ниши в скале и, бросив на меня стремительный взгляд, неожиданно улетела.

Я был обескуражен. В гнезде остались беспомощные птенцы. Урун Кири меня просто поразила. Идя сюда, я проходил мимо гнезда соколов-сапсанов, ловчих птиц, стоящих, по мнению сокольников, на втором месте после кречетов, и едва успевал уворачиваться от атак стремительно нападавшей на меня сверху самки. Самец время от времени ей помогал. Крику было столько, что от одного его сбежать было можно. А тут — никакой реакции. Я подошел к скале. В нишу забраться было невозможно, но я попробовал изобразить, что все же это сделаю. И тут же, обернувшись, увидел стремительно несущуюся к скале белую птицу.

Я спрыгнул с камня — птица была уже над гнездом. Хрипло прокричав, она легко вошла в пике, и я прикрыл голову фотоаппаратом. Но самка, едва начав падение, так же легко вышла из пике. С недовольными криками она сделала несколько кругов и уселась неподалеку на вершину желтой скалы, судя по следам помета, служившей ей постоянным местом отдыха и наблюдений. Птица подпустила меня метров на двадцать пять, так что я смог сделать довольно неплохой снимок. Затем она взлетела и неторопливо, как-то не по-соколиному взмахивая крыльями, направилась вдоль склона Едомы и опустилась на кочку.

Честно признаться, я был разочарован — столько лет поисков, а ведь, собственно, ничего поразившего меня я не увидел. Обычная птица. Расстроенный, вернулся я в избушку. Егерь рассмеялся: «А ты что, зверя хотел увидеть? Кречет и есть обычная птица. Умная. К людям привыкла. Не ты первый к гнезду подходил. Тут и Андреев побывал, и геоботаники приезжали. Птенцов никто не тронул, вот птица особо и не волнуется. А то, что она летает плохо, как говоришь, лениво... Наверно, линяет. Гуси, к примеру, когда линяют, совсем не летают. Да и тепло сейчас, а

им и совсем жарко. Ты весной приезжай, когда снег, мороз и солнце. Ох, и быстро же летают тогда эти белые соколы! Ну что реактивные...»

По-настоящему я сумел разглядеть белого кречета во всей красе только на следующий день. Птица словно поджидала моего прихода. Самка с невозмутимым видом сидела на скале. Когда я подошел к гнезду, она взлетела, сделала несколько кругов, хрипло прокричала и удалилась.

Я забрался в засидку — небольшую палатку, пристроенную на противоположном склоне распадка. Более часа провел я в ожидании, не зная, прилетит ли птица: не мог я скрытно пробраться в засидку — она видела меня. И вот неподалеку раздался торжествующий крик кречета, запищали, поднялись со своих мест в гнезде птенцы, я замер, боясь пошевелиться и ненароком выдать себя. Но время шло, а птица не появлялась, стали было укладываться и птенцы, как вдруг что-то пронеслось внизу, и вот уж белый кречет застыл на гнезде — стремительно и неожиданно. Птица вся в напряжении, перья подобраны, глазом косит на засидку, того и гляди слетит. А до чего красива! Грудь и штаны белые, по спине резкие черные пестрины и по черному перу в окончаниях крыла. Тут я понял, что держать на руке такую птицу было в радость даже царю.

Птенцы раскричались, тянутся к ней, а самка вдруг улетела. В отчаянии я отшвырнул фотоаппарат и улегся на настил. Решил — не вышло дело: разглядела она меня под ворохом брезента и больше уже не прилетит. А значит, и не удастся снять ее. Но минут пять спустя мне показалось, что в писклявом крике птенцов будто появились новые нотки. Не так они кричали, как раньше. Привстал, прильнул к окошку, а Урун Кири уже на гнезде, птенцов кормит. В котях кулика держит, кусочек мяса оторвет, а птенцы надрыгаются и раскрытые клювики к ней тянут — чей ближе всех, в тот корм и положит. Целых тринадцать минут, не жалея пленки, снимал я в тот раз.

За шесть часов моих наблюдений Урун Кири четыре раза к птенцам прилетала: четырех куликов принесла, и все разные. Куликов ей, как потом я выяснил, доставлял самец — «кречатий чéлиг». Так в старину его сокольники называли. Размерами он меньше самки, но, пока птенцы малы, он для них корм добывает. Прилетит из тундры с добычей, прокричит гнусаво, но к гнезду не подлетает. Самка снимается с места и с

криком к нему летит. Вместе они на кочку приземляются, тут и происходит передача добычи.

День за днем провожу я в засидке. В избушку прихожу лишь спать. Поутру встаю и тихо, чтобы не разбудить егерей, выбираюсь наружу. «Как на работу,—ворчит спроне Дьячков.—Хотя бы чайку попил». Но мне хватает в эти дни и стакана холодной воды. По дороге я срываю несколько цветков родиолы розовой—«золотого корня», растущего в этих местах, жую их, как научил егерь, и сил лежать в засидке до вечера хватает.

Засидка, в которой я коротаю время, напоминает со стороны ласточкино гнездо и саклю горца одновременно. Она поставлена на дощатом настиле, который удерживают колья, вбитые в расщелины скалы на высоте четырехэтажного дома. Отсюда открывается вид на ровную как стол, испещренную бесчисленными протоками и озерами приколымскую рыжую тундру. Все это собственно устье Колымы. Вдали виднеется остров, который поднимается средь волн Восточно-Сибирского моря.

На противоположной скале обрыва хорошо просматривается ниша, где на куче веток живут четыре белых птенца. Они еще покрыты пухом, но мать уже оставляет их. Прилетает греть только ночью, да и то в пасмурную погоду. На меня она уже не обращает внимания. Отсняв несколько пленок, я порой затрудняюсь, что же еще снимать? Но вот однажды произошло нечто для меня неожиданное. Урун Кири принесла, как обычно, кулика, скормила его птенцам, а они все кричат, по лотку в гнезде бродят, не успокаиваются. Под вечер, когда облака опять затянули небо и погода начала портиться, прилетела Урун Кири, а в лапах у нее уже не кулик, а небольшая утка. Кормежка на этот раз затянулась. Почти тридцать минут находилась самка в гнезде. Птенцы наелись, от корма отворачиваются, отдыхать хотят, а Урун Кири все кусочки назойливо предлагает. Держит в клюве, сама не ест, покрикивает, не раскрывая клюва, да требовательно, будто лает. И птенцы нехотя, но утку подбедают.

И тут вдруг на скалу вторая белая птица села. От удивления я даже про фотоаппарат забыл. Не было еще такого, чтобы сокол на гнездо прилетал. А челиг—это был он—не дождался самки и сам к гнезду с добычей явился. Всего секунд тридцать на скале посидел и вместе с куликом улетел. В жизни белых кречетов наступил новый этап: к добыванию корма для

птенцов подключилась и самка. Родители теперь вдвоем будут добывать пищу, и птенцы начнут расти не по дням, а по часам.

На следующий день с утра разыгрался штормовой ветер. Я едва добрал до ниши в скале. Здесь было поспокойнее. Забрался в засидку, но вот уже четыре часа прошло, а Урун Кири у гнезда не появилась. Птенцы ведут себя на удивление спокойно. Спят, ни разу не пискнули. Видно, не зря вчера их так усиленно мать кормила. Знала, что погода испортится, а при таком ветре соколам, по всей вероятности, трудно охотиться. Все живое в эту пору затаивается, птицы в небо не поднимаются.

А ветер все крепчал. В тундре, поди, валил с ног, да и здесь даже под защитой гор временами так палатку сотрясал, что я побаивался, как бы камни не посыпались на меня сверху. Брезент от них не спасет.

Осторожно выбираюсь, начинаю спуск по склону. И вдруг слышу позади хлесткий щелчок. Мгновенно оборачиваюсь—и вовремя. Описывая дугу, летит на меня приличный камень. Рывком ухожу в сторону, прижимаюсь к скале под гнездом. Камень проносится рядом, ударяет в склон. Попади он в спину, не писать бы никогда мне этих строк. Но удача, пришедшая, когда я увидел розовую чайку, видимо, еще меня не покидает. Не размышляя, тороплюсь покинуть опасное место.

От ударов камня вниз съехала, подняв облако пыли, каменная осыпь. Когда оседает пыль, вижу в небе свою Урун Кири. Сразу явилась на грохот и шум! Видимо, все эти часы была где-то неподалеку. До чего же сегодня она хороша! Перья вытянулись, к телу прилегли. Крылья сузились, по-соколиному назад заломлены. Парит. С ветром будто играет. Красив белый кречет на сильном ветру!

Но Урун Кири красоваться на ветру передо мной долго не захотела. Осмотрелась сверху, решила, что волноваться нечего, и, скользнув на крыло, стремительно унеслась прочь. Я не поленился, поднялся по склону и увидел, как опустилась она в распадке на бугорок, устроившись в затишье. Вся на виду, хорошо заметна издали на желтойне прошлогодней травы. Кого ей бояться! Нет у этой птицы здесь врагов. А я, закрываясь рукой от ветра, побрел к избушке егерей, размышляя о том, что вот и еще одна моя мечта сбылась. Свидание с белым кречетом состоялось, но значит ли это, что не потянет меня больше в северную тундру, на

полярные льды, где нередко приходится ходить с опасностью рядом, я пока не знал. В тот момент, согнувшись в три погибели, пробираясь сквозь ветровой заслон, я думал о том, что, видимо, никогда не смогу разлюбить этой своеобразной, дикой и нетронутой природы Севера...

Лебеди жили на большом мелководном озере у северной оконечности Едомы. Это были так называемые малые лебеди. Они и в самом деле чуть поменьше лебедей-шипунцов, что привыкли мы видеть в парках. Возможно, не столь экзотичны и красивы, но северную тундру они украшают и оживляют. В тихий день, даже сидя в избушке, мы постоянно слышали их похожие на удар гонга голоса и тяжелое шлепанье крыльев по воде. Птицы взлетали, стаями перелетали на озера по другую сторону Едомы, а к вечеру возвращались. Днем они предпочитали держаться в дальнем углу озера, а едва солнце опускалось к горизонту, белые птицы с черными клювами приплывали на илистый берег поближе к избушке. Здесь чистили перышки, охорашивались.

— Пойдем посчитаем,—предложил мне однажды егерь.—К ночи они доверчивее становятся, близко подпускают.

До озера было километра полтора. На ровной как стол тундре не спрячешься. Не скрываясь, мы двинулись к птицам кратчайшей дорогой.

Лебеди по мере того, как мы приближались, опускались на воду, неторопливо отплывали, а мы переходили лагуны и шли за ними в сапогах по воде, как пастухи.

Птицы эти, как и многие другие, занесены в Красную книгу. Численность их сокращается в основном прежде всего из-за освоения тундры, роста населения. И как было не вспомнить добрым словом всех тех, кто приложил усилия для создания этого заказника в Колымо-Алазейском междуречье! Выступая на X Всесоюзном симпозиуме «Биологические проблемы Севера» в Магадане, Андреев с присущей ему основательностью подтвердил своевременность создания этого заказника. Ведь рядом растет большой поселок Черский, моторные лодки, снегоходы значительно расширяют зону деятельности проживающего здесь населения. А такие удивительные места всего лишь в нескольких часах езды от этого поселка. Здесь нашли пристанище белые журавли, розовые чайки, полярные совы, сапсаны, кречеты, множество перелетных птиц дальневосточного региона и вот—малые лебеди.

— Двести,—вслух подсчитывал и все никак не мог сосчитать егерь.—Да в другой стае столько же. Значит, что-то около четырехсот. Какая-то часть улетела. И не малая. Пусть пять сотен. Нет, не пропали наши труды даром. Считай, все птицы, которых охраняли в прошлом году, обратно вернулись. Раньше такого не было. Видно, полюбили они наши места. Ну и пусть летят. Должно же быть у этаких красавцев пристанище, где их не трогают, где не грохочут выстрелы ружей.

Далеко за полночь мы вернулись в избушку. Жарко горела печурка. Стоял на столе горячий чайник. Вкусно пахла заварка, в которую для запаха опустили несколько цветков «золотого корня». Егерь включил свой японский магнитофон.

— Давай послушаем музыку. Мою любимую,—сказал он,—что сам записал.

И в полутемной избе неожиданно зазвучала хорошо знакомая и позабытая мелодия. «На зака-ате ходит па-арень возле дома моего,—величаво и озорно выводил женский голос,—Поморга-ает мне глаза-ами и не скажет ничего. И кто его знает, чего он моргает, чего он моргает, чего он моргает...»

— Вот это песни,—вздыхнул Дьячков.— Настоящие.

И так уютно сразу стало в этой темноватой избушке, что я почувствовал себя как дома. Все позабылось. И что стоит она на краю света, почти на берегу океана, где на сотни километров вокруг нет ни души. И как ни люб этот край, вскоре придется отсюда уезжать. Мы пили чай, слушали песни, а в голове моей уже рождались планы: надо бы непременно приехать сюда весной, когда лежат снега и кречеты ослепительно белы и стремительны, когда прилетают первые лебеди, которые опускаются на озера среди белизны снегов. До чего же тогда хороши эти птицы...

Не так давно я получил письмо из Черского. «Зима в этом году выдалась лютая,—сообщал Феликс Пантелеймонович.—Морозы держались сорок—сорок пять. При ветре, считай, почти шестьдесят. Песцов ловилось мало. Неурожайным выдался год. Ожидается, будет много медведей, росамах, куропаток. По приметам, лето обещаet быть жарким. Так что приезжайте, поедем вместе на Едому охранять лебедей...» Я думаю. Может, и в самом деле поехать? Все кажется, что чего-то я там недосмотрел. А скорее всего просто тянут меня эти северные дали.

Содержание

О книге и ее авторе	1
Зверь из чукотских легенд	5
МАРКОВСКИЕ ПОСИДЕЛКИ	—
ЗАГАДОЧНОЕ ОЗЕРО ЭЛЬГЫГЫТГЫН	22
ПО ЭНМЫВААМ НА ЛОДКАХ	31
ВО ВЛАДЕНИЯХ СНЕЖНЫХ БАРАНОВ	45
ВСТРЕЧА НА РЕЧКЕ СЕРНОЙ	57
СРЕДЬ ПОЙМЕННЫХ ЛЕСОВ ПО БЕЛОЙ	65
Евражки и моржи	78
ДОМ У ПИКА АБОРИГЕН	—
СТОЯНКА У МЫСА КРИГУЙГУН	95
По заповедной магаданской земле	109
РАДУГА НАД КАВОЙ	—
КОРДОН НА ПОЛУОСТРОВЕ КОНИ	120
Весна в Халерчинской тундре	141
ИЩИТЕ НАС НА ЧУКОЧЬЕЙ	—
ПТИЦА С ОТСВЕТОМ ЗАРИ	149
ЗА СТАЕЙ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ	165

Валерий Константинович Орлов

В краю большого медведя

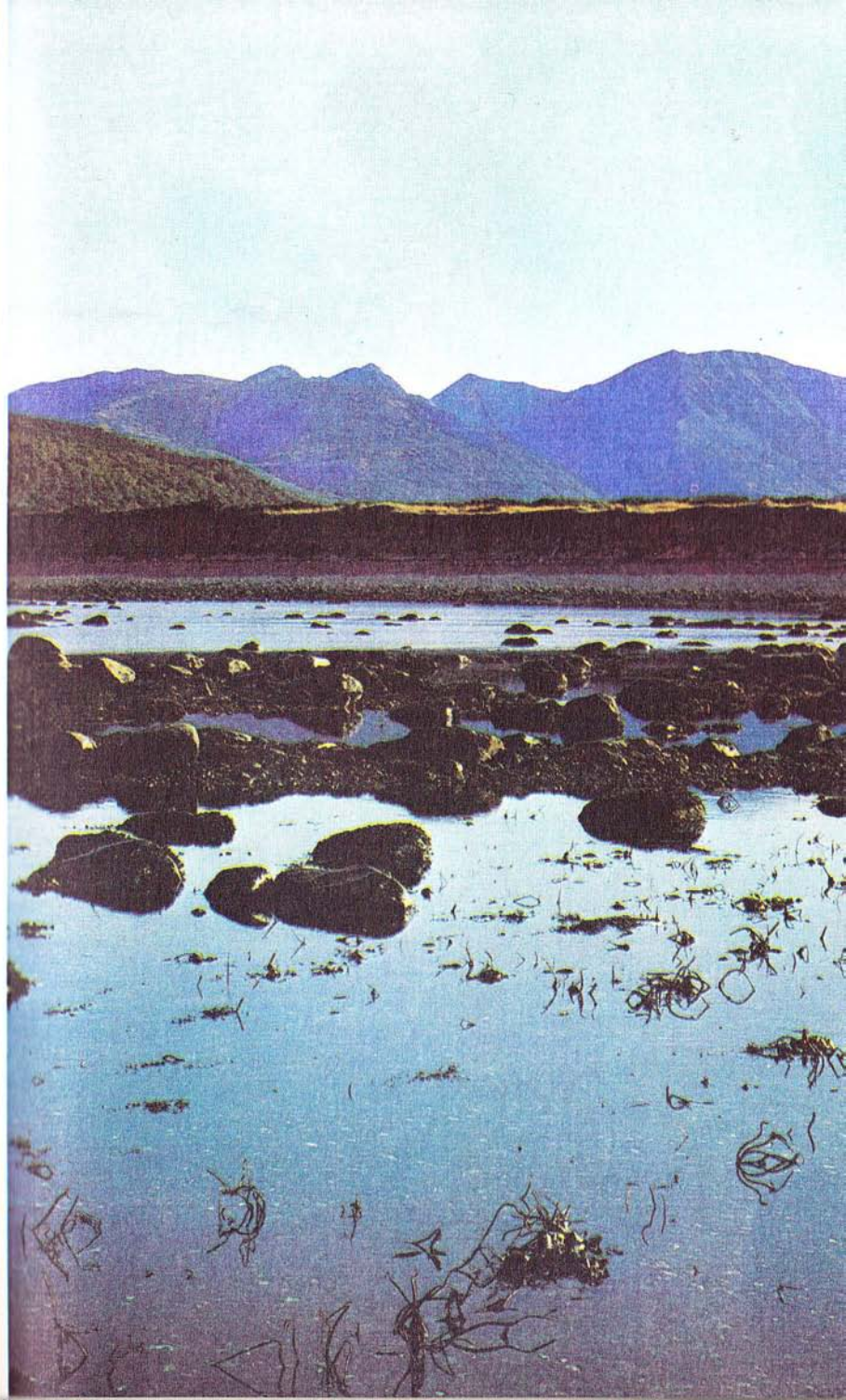
Заведующий редакцией Ю. Л. Мазуров
Редактор Ю. П. Митяева
Младший редактор С. И. Ларичева
Оформление художника А. А. Брантмана
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор И. В. Шаховацева

ИБ № 3146

Слано в набор 10.11.86. Подписано в печать 17.04.87. А11168. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура Таймс. Высокая печать. Усл. печатных листов 12,60 с вкл. Усл. кр.-отг. 23,56. Учетно-издательских листов 14,95 с вкл. Тираж 80 000 экз. Заказ № 3373. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Мысль», 117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

1 р. 40 к.

